

№2_2017

Валентин
РАСПУТИН

«Встает невидимое
духовное ополчение»

РОДНАЯ

Литературно-исторический журнал

КУБАНЬ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

В. Г. Бондаренко
В. В. Гончарова
Е. А. Золотова
Н. А. Ивеншев
А. И. Казинцев
В. В. Касьянов
Ю. В. Козлов
В. И. Лихоносов
Ю. М. Лощиц
Ю. В. Лучинский
С. Н. Макарова
З. Прилепин
Л. А. Сычева
А. В. Татаринев
А. Л. Факторович
Е. В. Хомутов
С. А. Шаргунов

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. М. Павлов

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

М. С. Синкевич

РЕДАКТОР ОТДЕЛА

И. О. Басова

ДИЗАЙН И КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Е. А. Быковченко

Д. В. Виноградов

КОРРЕКТОР

М. В. Юрченко

РОДНАЯ КУБАНЬ

Литературно-исторический журнал

Адрес редакции:

350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.
Тел./факс 259-60-27; e-mail: r-kuban@inbox.ru
Подписной индекс: 31899.

УЧРЕДИТЕЛИ: администрация Краснодарского края, ООО «Газетно-информационный комплекс «Кубанские новости».

ИЗДАТЕЛЬ: ООО «Газетно-информационный комплекс «Кубанские новости».

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением автора публикации.

Заказ №26

Тираж номера 900 экз.

Цена договорная.

Подписано в печать 28.04.2017 г. Формат 84x106/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15, 12.

Отпечатано ИП Солодовниковым А.Н. г. Краснодар, ул. Сормовская, 105.

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Южному федеральному округу ПИ № ТУ23-01250 от 29 января 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕНОК ВАЛЕНТИНУ РАСПУТИНУ

ВЛАДИМИР СКИФ
В.Г.Р. _____ 6

ВИКТОР БАРАКОВ
НЕЖНОСТЬ ДУШИ _____ 12

ЕЛИЗАВЕТА ОВОДНЕВА
НЕ ВЕРЮ _____ 15

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ
ГОРЬКИЙ ТРИПТИХ _____ 15

ПРОЗА

АЛЕКСАНДР ТРАПЕЗНИКОВ
ЯЗЫК ЕГО ПРОПАВШЕЙ ЖЕНЫ. Нейролингвистический роман _____ 18

СВЕТЛАНА МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО
ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК. Рассказ
СМС. Рассказ _____ 28

СВЕТЛАНА КРЕВСУН
ГУСИНЫЙ СРАМ. Рассказ
НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ. Бывальщина _____ 36

ПОЭЗИЯ

АННА РЕВЯКИНА
ШАХТЕРСКАЯ ДОЧЬ _____ 42

ВЯЧЕСЛАВ ТЕРКУЛОВ
В ДОНЕЦКЕ ДОЖДЬ _____ 46

ИАНА ДАСКАЛИЦА
ГОРОД У МОРЯ _____ 50

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ РУССКОЙ МЫСЛИ

ВСЕ СТАЛО ЯВНЫМ
Беседа Капиталины Кокшениевой с Игорем Шафаревичем _____ 54

ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН
УЧЕНЫЕ: СВЕТ И ТЬМА _____ 68

АНДРЕЙ БЕЗРУКОВ
ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ _____ 72

ПАМЯТЬ

ГЕОРГИЙ СОЛОВЬЕВ
НОСТАЛЬГИЧЕСКИМИ ДОРОЖКАМИ _____ 88

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ИСТОРИИ

ЮРИЙ ЛУЧИНСКИЙ
СТОЛИЦА БЕЛОГО ЮГА ГЛАЗАМИ БРИТАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА

КАРЛ ЭРИК БЕКХОФЕР
В ДЕНИКИНСКОЙ РОССИИ И НА КАВКАЗЕ _____ 100

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН
ВИДИМОЕ И НЕВИДИМОЕ
(Два слова в пользу надежды) _____ 110

СЕРГЕЙ РАСПУТИН
ОСОБОЕ МНЕНИЕ
(о книге А. Г. Румянцева «Валентин Распутин») _____ 118

ЛИДИЯ СЫЧЕВА
ГДЕ БЕССТРАШИЕ? О ЖИВЫХ И МЕРТВЫХ СЛОВАХ _____ 124

ИРИНА ШЕЙКО
А СУДЬИ КТО? _____ 130

ЛЮДМИЛА ЯЦКЕВИЧ
ОБРАЗЫ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦАРЕЙ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ПОЭЗИИ _____ 132

ВИОЛЕТТА КОРЫШОВА
СОВРЕМЕННЫЕ СМИ: КТО ЗАКАЗЫВАЕТ «МУЗЫКУ»? _____ 140

ВЕНОК
ВАЛЕНТИНУ
РАСПУТИНУ

ВЛАДИМИР СКИФ

Родился в 1945 году в поселке Куйтун Иркутской области. Автор двадцати пяти книг. Член Союза писателей России. Секретарь правления Союза писателей России. Член редколлегии журнала «Подъем», заведомом поэзии журнала «Сибирь» (Иркутск). Лауреат десяти литературных премий. Живет в Иркутске.

*Предлагаю спасти Ангару:
Демонтировать Братскую ГЭС,
Чтобы лес шелестел на ветру
И поселок из мертвых воскрес.*

*Слышу: чайка на небе кричит,
В тундру двинулся загнанный лось.
«Царский листвень» из моря торчит,
Проколов мою душу насквозь.*

*Вижу мертвые комья икры,
Вижу: голые ветви дрожат,
То деревья без нежной коры,
Словно белые кости, лежат.*

*Низкий берег уже без травы,
И без дерева — берег крутой.
Наполняются черные рвы
Не живою, а мертвой водой.*

*Над тайгой — удушающий дым,
Под водою кровавая тень:
Это гибнет последний налим,
Умирает последний таймень.*

*Как надгробье, плотина встает,
И, зажата, стонет вода.
То не Братское море поет,
А гудит Мировая Беда!*

1980 г.

Светлане и Валентину Распутиным

*Как спится у Распутиных на даче!
День закатился, словно медный грош.
Мой сон, как пух небесный, не иначе,
Мой сон на детство давнее похож.*

*Настой черемух и настой сирени,
И хвойный воздух с млеком тишины
Мне кажутся божественным твореньем,
Вдыхаются до самой глубины.*

*Не слышатся ни ангельские плачи,
Ни гомоны вечерних городов.
Как спится у Распутиных на даче,
Как будто в поле посреди цветов!*

*В шитье живых черемуховых кружев
Ночь зыбкою летит берестяной.
А Мирозданье каруселью кружит
И выпрямляет сосны надо мной.*

*Как будто в кокон — в одеяло прячусь
И улетаю по ночной тропе.
Как спится у Распутиных на даче,
Как в раннем детстве в маминой избе.*

1999 г.

В. Г. РАСПУТИНУ

*Мы все, наверно, понимали,
Придут разор и черный дым.
Но ты грядущие печали
Постиг пророчеством своим.*

*Горели судьбы и скрижали,
Был воздух Родины тяжел.
Мы оказались на пожаре,
Куда ты раньше нас пришел.*

*Какая творческая сила
Тебя над миром вознесла!
Сама земля, сама Россия
Тебе свой голос отдала.*

*Ты посреди родных околиц
К живому Слову прирастал.
Теперь там светит колокольня,
И Храм, который ты создал.*

*Под ним — нетленная Матера,
И — Китежа большая тень,
И — вся Россия, о которой
Душою страждешь каждый день.*

О, как спасти родных и близких,

*Деревья, травы – от беды?
Непокоренный царский листвень
К тебе рванется из воды.*

*Вдруг оживут луга и доли,
Сойдут святители с небес.
Взметнется радуга у школы,
Заговорит убитый лес.*

*Быть может, это вправду будет
И обновленный мир вздохнет:
Нам, грешным, Валентин Распутин
Матеру – каждому вернет...*

2007 г.

ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ КНИГИ
В. Г. РАСПУТИНА
«ЭТИ 20 УБИЙСТВЕННЫХ ЛЕТ:
БЕСЕДЫ С ВИКТОРОМ
КОЖЕМЯКО»

Передача власти от первого российского президента из рук в руки второму российскому президенту состоялась при условии неприкосновенности первого. Парламент эту неприкосновенность вместе с царскими льготами утвердил специальным законом. Стало быть, никто – ни сам первый, ни сам второй, ни парламент, ни общество – не сомневался в праве на «прикосновенность» и возмездие по заслугам.

Валентин Распутин «Эти двадцать
убийственных лет». –
М., Алгоритм: Эксмо, 2011 г.

*Гаснет истории свет,
Годы во мраке проходят.
Двадцать убийственных лет
Нас, супостаты, изводят,*

*Чтобы померкло в глазах,
Чтобы не смог возродиться,
Русский мужик и казак,
Город, село и станица.*

*Чтобы погиб атаман
В битве последней за русских,
Чтоб умирал наркоман
В Сызрани или в Иркутске.*

*Сколько ушло на тот свет!
Кровью сплошной оросили
Двадцать убийственных лет
Нашу большую Россию.*

*Едет правитель в авто,
Чтоб охмурять стадионы...
Может, он скажет, за что
Кремль погубил миллионы*

*Верных России людей,
Воина и ветерана,
Лучших крестьян и детей
Бомбами зла и обмана.*

*Нынче наказанных нет,
Все они в славе и в силе.
Двадцать убийственных лет
Власть добывает Россию!*

2012 г.

ПАМЯТИ МАРИИ
РАСПУТИНОЙ

1. ПОМИНАЛЬНЫЕ
СТИХИ

*Какие дни промозглые, сырые.
Стоит шоль, но небо слезы льет.
Мы вместе с небом плачем о Марии
И мысленно спасаем самолет.*

*Вот с нею мы в Москве,
а вот в полете,
Мы жизнь ее пытаемся продлить,
Пытаемся в ревущем самолете
Смягчить удар и сердце подстелить.*

*Подать бы ей, как чудо, руку жизни
И выхватить из пламени, обнять...
Но мы сошлись на этой горькой тризне,
Нам слез души не скрыть и не унять.*

*И лишь одно нам светит утешенье,
Что посреди Петровского поста
Мария в Наивысшем услуженье
Была нужна и призвана туда.*

*Уходят дни, промозглые, сырые...
Мы все стоим у скорбного Креста.
Нас всех приветит в небесах Мария
Она пред Богом и людьми чиста.*

2. ОРГАННЫЙ ЗАЛ

*Сырой Иркутск. Костел старинный.
Сороковины. Дождь идет.
Органый зал. Он ждет Марию.
Он каждый год Марию ждет.*

*И как-то странно. Очень странно,
Что нет ее. Тень из угла
Метнулась, как душа органа,
И задыхалась, ожила.*

*А в небе рано, слишком рано
Звезда Марусина взошла.
Болит, скорбит душа органа
О той, что рядом с ним была.*

*О, как она к нему стремилась!
Живой орган ее встречал,*

*Хмелел, сдавался ей на милость
И обновлялся, и звучал.*

*Он помнил каждое мгновенье
Тех встреч и репетиций ход,
Концертов бурное течение
И рук Марусиных полет...*

*И вот полет – к органу или
К иным – Господним берегам...
Чтоб мы Марию не забыли,
Звучит как реквием орган.*

3. AVE MARIA

*Сирень байкальская цвела,
Сияло радугою лето.
Всем до девятого числа
Господнего хватало света.*

*И строил дачу Валентин,
И был доволен огородом,
А черный день беду катил
К его незапертым воротам.*

*Мария – светлая душа –
На литургии в храме пела
И к дому отчему спеша,
Пречистым Ангелом летела.*

*Все до девятого числа
Легко и радостно вершилось.
Но дунул дьявол из угла –
И мгла несчастья закружилась.*

*Непоправимость, как игла,
Прожгла, в душе остановилась.
Вся жизнь с девятого числа
На «до» и «после» разделилась.*

*Мир без Маруси гол и пуст,
От горечи душа ослепла.*

*И не осталось слов и чувств,
А в сердце – стук людского пепла.*

2

*Нам в этом «после» надо жить,
Пока жива еще Россия,
И верой Господу служить
Достоинно, свято, как Мария.*

*С ним рядом быть – как в церкви быть,
С ним рядом быть, как в море плыть,
Как подниматься до небес,
Молить, чтоб жил, чтоб не исчез,
Чтоб оставался на века,
А он умчался в облака...*

МАРИЯ

3

*В Царствие Божие дверь отворили...
Слушайте, слушайте – в тихом раю
Ангел поет или Ave Maria
Слышится в горестном нашем краю.*

*С ним рядом быть – не торопить
Себя, других... Молчаньем быть!
С ним рядом быть – печаль избыть!
Святой водою окропить
Свой век, свой дух, Сибирь свою...
Вот так и выстоим в бою!*

*Мечутся листья и ветки сырые,
В небе плывет облаков караван.
Может, и вправду услышит Мария,
Как безутешно рыдает орган.*

■ 2017 г.

*Богу угодно, чтоб мы сотворили
Нашу молитву во имя ее.
Шлет нам с библейского неба Мария
Вместе с прощаньем прощенье свое.*

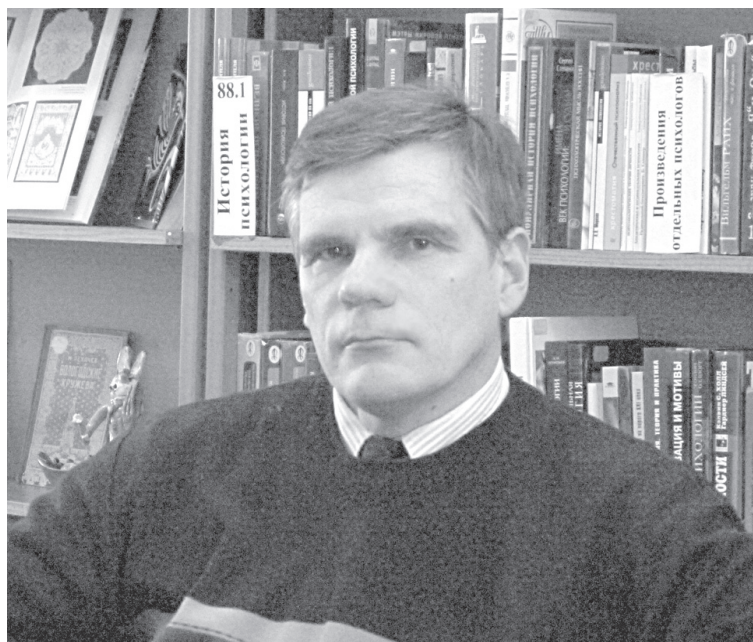
*Все, кто ушел, остаются живые,
Все, кто живой, помнят долю свою.
С сердцем сливается Ave Maria
И на земле, и у Бога в раю.*

7 июля 2009 года

В. Г. Р.

1

*С ним рядом быть – себя добыть
Из чувств душевных! – мир любить!
С ним рядом быть – не раздробить
Всего того, что может быть
Цветком, добром, сияньем глаз.
Он к свету призывает нас!*

ВИКТОР БАРАКОВ

Литературовед, писатель, публицист, литературный критик, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии «Звезда полей» им. Николая Рубцова и Всероссийской православной литературной премии им. святого благоверного князя Александра Невского. В 1970 – 1980-х годах Виктор Барakov учился в Сочи и Майкопе, работал в Армавире. Живет в Вологде.

НЕЖНОСТЬ ДУШИ

Валентин Распутин любил Вологду, приезжал в наш северный край не раз, помнил о том, что освоение Сибири началось отсюда. И мы Валентина Григорьевича тоже считали своим, другом не только Василия Белова, но и всей нашей писательской организации.

Особенно памятной была встреча в декабре 1999 года. В Вологде проходил пленум Союза писателей России, в котором участвовали Василий Белов, Феликс Кузнецов, Валерий Ганичев, Игорь Шафаревич, Станислав Куняев, Владимир Крупин, Александр Казинцев и, конечно, Валентин Распутин.

Писательская братия отличается от обывателей свободой духа, поэтому презирует «протокол», ставит в тупик чиновников, а иногда бывает и буйной — в меру, конечно. Валентин Распутин на этом фоне выделялся подлинной интеллигентностью, источником которой были не только образование, воспитание, но и какая-то особая, глубинная, поражающая всех нежность души.

Он терпеливо отвечал на глупые вопросы газетчиков, не обижался на них, не поучал, не «вещал», как классик, а скромно сидел в заднем ряду, ожидая своей очереди. И на трибуне он просто размышлял, советуясь с залом, подбирал необходимые слова — все аккуратно, будто извиняясь за то, что отнимает у слушателей драгоценное время.

Валентин Распутин внутренне был весьма волевым человеком, несмотря на внешнюю мягкость. Он непрестанно боролся со злом в его современном обличье — об этом свидетельствует и его речь на вологодском пленуме. Он предлагал такие лекарства для лечения общественных болезней, высказывал такие мысли, которые и сейчас многие остерігаются высказывать.

Я ни за что не подошел бы к Распутину просто так, ради любопытства или шапочного знакомства: меня каждый раз охватывал трепет, когда я видел рядом писателя, любимого с детства, поэтому держался на почтительном расстоянии. Но на просьбу коллеги, профессора Людмилы Яцкевич, не откликнуться не мог — она попросила передать Распутину альманах «Череповец», в котором была статья о его творчестве.

После банкета в Вологодском кремле я притаился неподалеку от раздевалки, пропустил обтекающие потоки повеселевших гостей и, увидев Валентина Григорьевича, — он наконец-то был один, без назойливых сопровождающих, — подошел к нему с подарком.

Наша беседа длилась минуты две, не больше, но в эти мгновения свершилось то, чего я никак не ожидал. Валентин Распутин был со мною не просто вежлив — он был кроток и нежен, его глаза излучали такой добрый и ласковый свет, что я сразу почувствовал: он по-настоящему, искренне любит душу человеческую, любит ее, как родную. Мне стало легко и просто от его сердечности, в его словах не было ни одной фальшивой ноты. Распутин благодарил за книгу так радостно,

по-детски, как не благодарил никто и никогда.

Потом, два года спустя, мы случайно встретились на Арбате, возле редакции журнала «Москва», и Валентин Григорьевич вспомнил тот вологодский эпизод, узнал меня, еще раз одарив теплотой своей голубиной души.

В начале 2017 года давний приятель вологодских литераторов, местный публицист Александр Алексичев, неожиданно прислал мне по электронной почте видеозаписи речей Василия Белова, Феликса Кузнецова, Валерия Ганичева и Валентина Распутина на этом давнем пленуме, за что я ему по-братски благодарен. Текст выступления Валентина Григорьевича Распутина публикуется впервые.

РЕЧЬ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА НА ПЛЕНУМЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ В ВОЛОГДЕ 9 ДЕКАБРЯ 1999 ГОДА

Дорогая аудитория! Уже не знаешь, о чем и говорить, хотя, конечно, есть о чем: жизнь становится все более интересной, и писатель почему-то считается ответственным за все, что в этой жизни происходит. Вот те же музыканты, Василий Иванович (Белов. — В.Б.), меньше считают себя ответственными и больше занимаются своим делом. А с писателя — издавна так повелось — буквально за все спрашивается. Вот приезжаешь в одно место, приезжаешь в другое, и если где печаль, тебе обязательно звонят, приходят люди со своими болячками. Да и сами мы привыкли к тому, что есть страждущие в каждом городе (мы знаем друг друга по именам): и в Вологде, и в Ярославле, и в Новосибирске, и в Иркутске, и где-нибудь еще.

Вот, скажем, прочел я жуткую статью о Ярославле в газете «Труд». Статья о том, как в городе проводится сексуальное воспитание школьников. Существует такая американская школа — сексуального воспитания, ее специалисты приезжают. Комитетом образования Ярославля бестрепетно выделяются для каждой школы города отдельные часы таким учителям. Те приходят к нашим детям, процедуры сексуального воспитания проводят, привозят учебные пособия, макеты — что угодно.

Не успел я пережить это событие, послал телеграмму в Законодательное собрание, как вдруг мне приходит весть, что в Вологде есть некий Гиндин (1), который проводит такое же сексуальное воспитание и проводит не один год. Много публикаций об этом. Думаю, что же Василий Иванович в Москву ездит-ездит? Надо же как-то говорить с руководством области об этом Гиндине (2), ведь это и наше дело в том числе. Василий Иванович, разумеется, задает такие вопросы... Как так можно...

Странно же, что такие города, как Ярославль, Вологда, — с культурой своей, с историей, памятью, святостью — как нарочно, больше всего подвергаются действиям

вот таких «образователей» и «преобразователей».

В Иркутске мы проводим Дни русской духовности и культуры. Вначале власти никак не хотели соглашаться с «русской» — «российской», и все тут! А какой «российской»?.. Я завидую тем городам, которые не могут назвать себя интеллигентными, а у нас город интеллигентный, интеллигенции у нас полно, и от этого страшно.

Так вот, Иркутск, это такой город, который талантлив на интеллигенцию — космополитическую, разумеется, потому что национальная интеллигенция всегда в меньшинстве. Поначалу на Днях обстановка была вражеская. Все могло случиться: и потасовки, и тому подобное. Мы первые три года приглашали казаков, и тогда становилось спокойнее. Сейчас уже меньше таких проблем.

За эти годы мы многого добились. Авторитет нашего Союза возрос. Добились, — Валерий Николаевич (Ганичев. — В.Б.) не однажды об этом говорил, — помощи провинции, потому что мы стали приезжать и в Орел, и в Омск, и в Иркутск, и в Краснодар, и в другие места, где с уважением нас принимали, давали трибуну, собирали большие залы. А когда собираются большие залы, это важно. Что-то происходит, потому что три—четыре года назад такого не было, в то время люди на все плюнули, и на эту интеллигенцию в том числе.

И правильно, с какими людьми встречаться? Западная интеллигенция, прозападная или национальная — мы для них одним миром мазаны. Поэтому картина была совершенно справедливая. Точно так же справедливо относились к книгам — их тогда перестали читать. До тех пор, пока люди не поймут, что появилась литература — новая, прекрасная, — читатель не вернется. К счастью, люди сейчас начинают понимать.

Космополитическая интеллигенция, которая у нас десятилетиями жила с фигой в кармане, когда после советской власти вырвалась на свободу, конечно, вытащила эту фигу из кармана и пошла напролом брать реванш. И многое она все-таки взяла, многие города.

Но сегодня это положение меняется, и ясно, что космополитическая интеллигенция чувствует тревогу, и поэтому, я думаю, с одной стороны, надо писать, а с другой стороны, я призываю вас быть настойчивее. Не так, как наставляет Чубайс: «Больше наглости!» Мы обойдемся без наглости. Но очевидно, что образование, особенно образование в школе, упускать нельзя, потому что в комитетах образования, как правило, сидят настолько чужие люди, настолько вражеские иногда люди, что диву даешься!

И хорошо, когда Законодательное Собрание Воронежской области принимает решение не пускать соросовские учебники на территорию Воронежской области, запретить преподавание по соросовским учебникам, запретить решительно. А ведь это же можно делать где угодно: власть же в руках местных законодательных органов и в других регионах. Это можно делать, а почему не делается? Местная законодательная власть, по большей части, все-таки люди патриотического склада. Они приходят из деревень, из сел, приходят командиры производства,

люди, которые поработали. Но ведь подхватили же где-то заразу!

В Новосибирской Думе в свое время вынесли решение по сексуальной печатной продукции: запретить продажу на улицах, продавать только в аптеках. По каким мотивам? В аптеки идут больные люди, только больным людям может понадобиться такая литература, пусть там заодно с таблетками и покупают.

Хороший, казалось бы, позыв и призыв ко всем, но Россия-то молчала и молчит сейчас!.. Поэтому против реваншизма несостоявшегося, который и не может состояться, конечно, нужно быть решительнее писательским организациям. Не нам обращаться к губернаторской власти — губернаторская власть, слава богу, почти везде показала, что это государственная власть, но неуверенность в ней есть.

Очень важно, что мы с вами все больше становимся русскими людьми. Так давайте еще, помимо того что мы взяли на себя роль увеличивать число русских людей с русскими сердцами в нашей стране, давайте будем укреплять русскую власть, русских людей, которые находятся во власти. Спасибо!

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Г.И. Гиндин, врач-сексолог, почти три десятилетия возглавлявший «Службу планирования семьи» в городе Вологде.

2. Василий Белов опубликовал несколько острых статей, обличивших деятельность поборников «сексуального просвещения», в том числе Г. Гиндина, упомянул об этом центре и в романе «Все впереди» (1986 г.). По иронии судьбы, через три года после смерти Василия Ивановича, в этом здании бывшей «Службы планирования семьи» на улице Щетинина был открыт... центр пропаганды творчества Василия Белова.

3. В.И. Белов неоднократно выступал против термина «вологодская литературная школа», несмотря на возражения Феликса Кузнецова, Валентина Распутина и других. Василий Белов считал, что нет никаких литературных школ, есть единая русская литература.

■ Примечания Виктора БАРАКОВА

ЕЛИЗАВЕТА ОВОДНЕВА

Родилась в 1998 году в Тайшете. Учитесь во Всероссийском государственном институте кинематографии им. С. А. Герасимова на отделении драматургии. Печаталась в журналах «Первоцвет», «Северомуйские огни», «Сибирь», «Бийский вестник», «Зов» (Венгрия), в еженедельнике «Слово» (Москва) и др. Автор книги «Белая ворона» (Красноярск, 2015). Живет в Иркутске.

НЕ ВЕРЮ

Памяти В. Г. Распутина
*И не сметет веков течение
Следа, оставленного мной.*

Иоганн Гете

*И первый раз — я Вам не верю,
И первый раз — рок клянчу.
Так — непонятна клетка зверю,
Так — непонятна жизнь в плену.*

*Кому сказать теперь в трамвае:
«Проснитесь, Рудик, вам сходить»,
Я — Ио. Плачу в марте, в мае...
Но мне его не разбудить...*

*В мир неразгаданный, престранный
Смотрю, в комок себя собрав,
Сквозь бытия бинокль карманный
И слышу: «Я ушел. Я прав...»*

*И, зашумев как ветер в кроне,
Он тихо-тихо стукнет в дверь:
«Что нынче передать вороне?
Что смертны мы... Но ты — не верь!» ■*

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ

Родился в станице Кореновской Краснодарского края в 1960 году. Поэт, член Союза писателей России. Лауреат Международного конкурса газеты «Литературная Россия» и Большой литературной премии России. Живет в Кореновске.

ГОРЬКИЙ ТРИПТИХ

1

*Распутин умер, стал мелеть Байкал.
И это не простое совпадение,
Ускорилось всеобщее паденье,
И злобный дух еще сильнее взалкал.
«Распутин умер», — снова повторяю
И, кроме Бога, я не доверяю
Теперь на этом свете никому...*

2

*Страшны сибирские масштабы:
Детишки, мужики и бабы —
Все поднялись с его страниц
И как один упали ниц,
Да так, что вздрогнула планета.
Я не один, кто видел это.*

3

*Один он ведал, может быть,
На этом свете в этом веке,
Чего никак нельзя убить
В обычном русском человеке. ■*

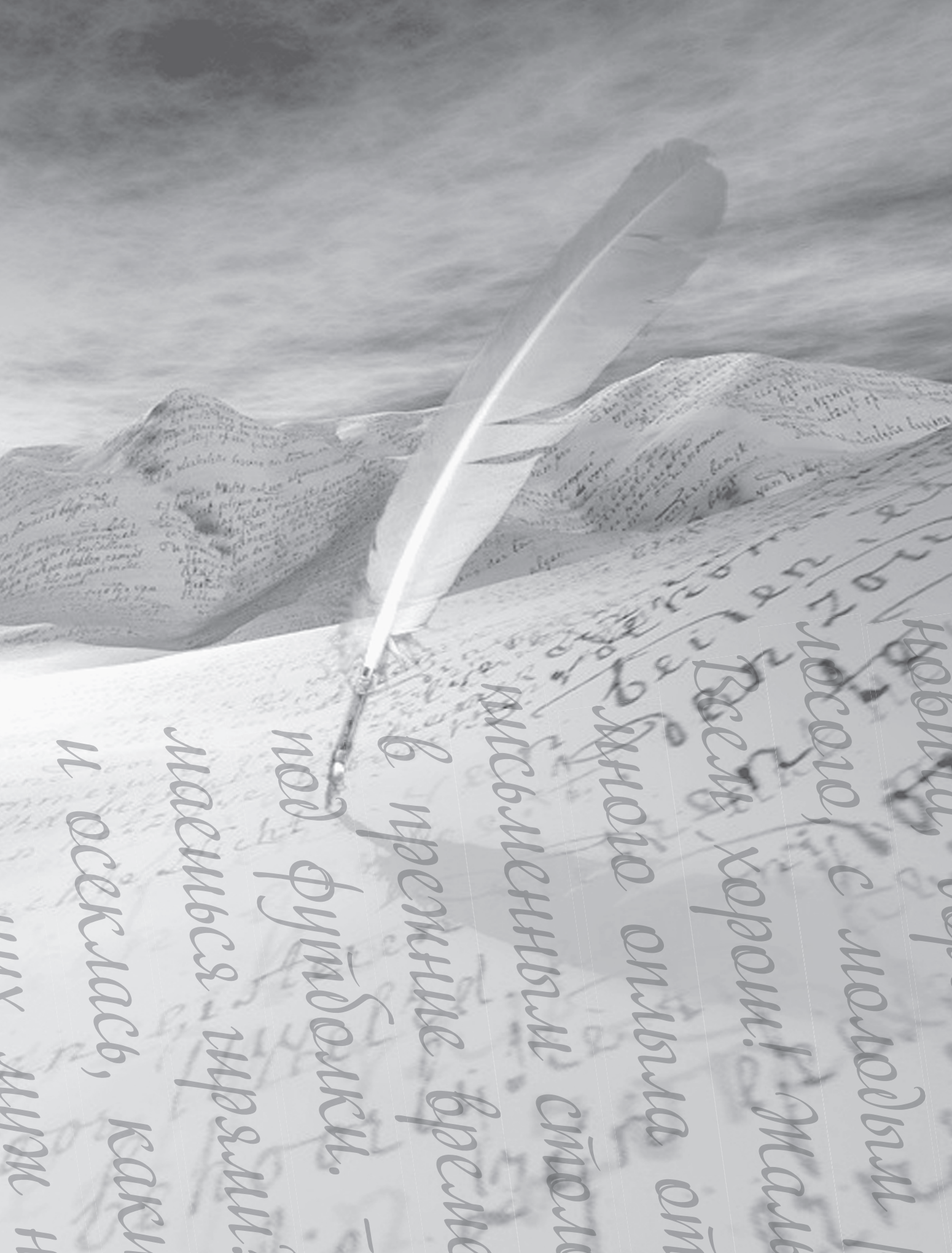
ПРОЗА

– Хотите носки
без паузы прои
к окну, – набо

– ...Не уходит,
Слабик побоя
ку? – еще а
кажётся, он

Нобили, с народы
Иосиф, с народы
Всеж хороши! Мам
Жноо омыа ой
Мьменьныи стюла
в прешние време
нод фундоски. -
машься шраши:
и осклась, как

АЛЕКСАНДР ТРАПЕЗНИКОВ

Родился 31 декабря 1953 года в Хабаровске. Работал в издательствах «Просвещение» и «Граница», в журнале «Наш современник», в газете «Советский спорт», во МХАТе, преподавал в колледже. Рассказы и повести опубликованы в журналах «Москва», «Подъем», «Октябрь», «Наш современник» и других. Издано более семидесяти книг прозы и публицистики автора. Член Союза писателей России. Лауреат нескольких литературных премий. В настоящее время – обозреватель «Литературной России». Проживает в Москве.

ЯЗЫК ЕГО ПРОПАВШЕЙ ЖЕНЫ

НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ГРОБ СВЯТОГОРА

Четвертого июля перед молодым юристом в нотариальной конторе «Рябцева и сын» сидел запоздалый и довольно-таки странный посетитель. Он был как-то неряшливо одет, хотя и в дорогой костюм «от Армани». Но одна пуговица болталась на ниточке, а другая вообще ушла куда-то прогуляться. Модные туфли — из мягкой кожи, но нечищенные. Белая сорочка грязновата. На лице небритость, прическа — «только что проснулся». Казалось, человек совершенно равнодушен к своей внешности и в зеркало заглядывает не часто. Было ему около сорока пяти лет.

Молодой юрист же, собственно, и был единственным сыном госпожи Рябцевой, которая в настоящий момент пребывала по служебной надобности в Германии. Он свято чтит наказ матушки — стараться не упустить ни одного клиента, даже самого завалящего. Дела конторы шли не слишком бойко, конкуренты заедали со всех сторон, а арендная плата за уютное помещение в одном из арбатских переулков подскочила в разы. Словом, не до жиру. А этот посетитель дорогой, сразу видно.

Потому юрист и слушал его предельно внимательно, не перебивая, хотя никак не мог взять в толк: чего же тому, в конце концов, нужно? А мужчина говорил сбивчиво, как будто бы ни о чем и в то же время обо всем сразу. Его рассеянный взгляд соответствовал речи. Сначала она завелась о жаркой летней погоде, потом перекинулась на грядущие выборы, затем скакнула на инфляцию и ценовую политику, метнулась на футбольное поле Еврокубков и совершенно уж неожиданно перебежала к inferнальным явлениям в природе.

«Как же его зовут? — напряженно вспоминал молодой юрист. — Назвался так неразборчиво, будто бутерброд сжевал».

— Вся полнота мистики заключается именно в чудесах, — заключил тем временем странный гость, — они происходят с каждым из нас, просто мы не всегда готовы их принять и понять. Да и не желаем того.

Согласившись, Вадим Рябцев подумал: а не ошибся ли этот человек дверью? Тут рядом, на этаже, располагалась еще одна контора, какое-то «Общество просветленного сознания», куда то и дело сновали всякие «просветленные» личности с мутным взором. Он уже хотел напрямую спросить об этом, но мужчина опередил его, словно угадав вопрос:

— Мне нужна ваша юридическая помощь. Так что я, кажется, не ошибся дверью.

Вадим вздохнул с облегчением. А затем еще раз — уже с некоторой тоской, поскольку стрелки старинных настенных часов с кукушкой подходили к цифре семь. Дело в том, что именно в это время в маленьком соседнем азербайджанском ресторанчике «Шеш-Беш» возле метро «Смоленская» у него была назначена встреча с девушкой, которую он в глубине души начинал с приятным испугом считать своей «второй половиной». Да так оно, в сущности, и было, оставались лишь кое-какие формальности.

— А знаете что? — предложил вдруг молодой юрист, найдя неожиданное решение. — Мы все равно сейчас закрываемся. Так вот, не продолжить ли нам нашу приятную беседу в кофейне за углом?

— Пожалуй, — кивнул мужчина, словно это было само собой разумеющимся и он даже ждал этого приглашения.

А из древних рябцевских часов в этот момент как раз и выскочила на пружинке кукушка, напомнив о времени, а может быть, до кучи, и о земных сроках. Задерживаться в кабинете больше не стали. Вышли на воздух и последовали по назначению. Причем за ними

тотчас же двинулась и крепкая фигура в черном костюме, отделившись от газетного киоска. Шла шагах в трех, как привязанная. Вроде дождавшейся хозяина преданной собаки.

— Мой телохранитель, — виновато пояснил мужчина, отвечая на недоуменный взгляд юриста. — Пришлось, знаете ли, нанять по сугубо семейным обстоятельствам. Да вы не обращайтесь внимания.

— Мне все равно. Главное, чтобы не кусался.

Через четыре минуты они уже входили в полутемный залчик, где веяло желанной прохладой, а за одним из боковых столиков скучала за фруктовым коктейлем рассерженная эффектная брюнетка с признаками фотомодели. Вадим направил свои стопы прямо к ней, увлекая за собой и негаданного спутника.

— Зря вообще пришел, — капризно заметила девушка. — Я уже уходить собиралась. Целую вечность жду.

На нотариального клиента она даже не обратила внимания, словно его и не было. Так, какая-то постаревшая тень Вадима.

— Но мы же в семь договаривались, — возразил потенциальный жених.

— А сейчас сколько?

— А семи еще нет, — соврал Вадим, поскольку никакое другое объяснение ему не влезло в голову.

— А вот я сейчас встану и уйду, — продолжила гнуть свое жгучая брюнетка.

Вот так и начинают складываться счастливые семьи, прямо по Толстому. А потом под поезд бросаются.

— А хватит вам языком трепать, — грубовато вставил клиент, будто рефери на ринге, и уселся за стол, подвинув к себе меню и углубившись в карту вин.

Вадиму ничего другого не оставалось, как присоединиться к ним третьим. Но теперь уже невеста переклонила все свое внимание на этот посторонний предмет в мужском костюме, вторгшийся за ее столик. После пристального изучения она лаконично спросила:

— Это что?

Вадим отчего-то сам с любопытством уставился на своего клиента и совсем уж непонятно почему вновь солгал:

— Это, так, родственник.

— Я думала, у нас будет серьезный разговор. О нашем будущем. Без посторонних... родственников.

Обиженная невеста сделала попытку встать. Но лишь перекинула одну стройную ножку на другую. Однако градус накала не сбавляла. Это было видно по ее нахмуренным бровкам. А у столика уже услужливо стояли две официантки в национальных одеждах и терпеливо ждали, когда закончится спор хозяйствующих субъектов. Обстановка разрядилась не без помощи клиента.

— Вы, милая, допустили две лингвофилософские ошибки, — обратился он к ней. — Если, допустим, можно ждать «целую вечность», то кто-то в этой гипотетической очереди, когда надоест, захочет ограничиться ее половинкой или четвертью. Это как попросить отрезать от головки сыра граммов триста. Вечность неделима на время. И нельзя при этом вести какие-либо серьезные разговоры о будущем, поскольку оно и есть вечность и это все равно, что ловить пустоту сачком. Ни черта не поймашь. А вот то, что все мы генетические митохондриальные родственники, — чистая правда. Я в этом совсем недавно убедился, на собственном опыте, в Юрьевце, — и странный мужчина при этом выразительно посмотрел на них.

После сей маловразумительной речи, которая тем не менее пришлось почему-то задиристой невесте по душе, официантки стали принимать заказ. Кормили здесь всегда вкусно и не слишком дорого. Принесли различные салаты, пирожки, блинчики, зелень, фрукты, а потом еще рыбу и мясо, а также пару кувшинчиков вина. За ужином говорил в основном загадочный клиент. Его «жужжанию» никто не мешал, поскольку юрист и модель обладали отменным аппетитом, а с набитым ртом что возразишь и как поспоришь? Лишь раз только девушка улучшила момент, толкнула Вадима в бок и тихонько спросила:

— Как зовут эту балаболку?

— Хрен знает, — отозвался сотрапезник, запивая красным вином шашлык из осетрины. На том временно и успокоились, продолжая слушать и кушать. Мужчина же лишь ковырял вилкой в тарелке, но забывал доносить до рта, который не закрывался по другой причине. Был полон слов.

— Вот сказал я вначале, что все мы одна родня, а теперь поясню. В ДНК каждого мужчины, а именно в Y-хромосоме, имеются определенные участки, в которых постепенно, раз в несколько поколений, раз за разом в нуклеотидах накапливаются мутации... Y-хромосома — единственная из всех 46 хромосом, точнее — из 23-х, несущих сперматозоид, извините, девушка...

— Да ничего, я уже знаю, что это такое. Взрослая девушка.

— ...которая передается от отца к сыну и далее к каждому очередному сыну по цепочке времен длиной в десятки тысяч лет. Сын получает Y-хромосому от отца точно такую же, какую тот получил от своего отца, плюс новые мутации, если таковые произошли при передаче от отца к сыну.

— Вы закусывайте, а то пьете все, — прервал его Вадим.

— Благодарствуйте, сыт. Возьмем, к примеру, славян. Славянские языки, по данным лингвистов, разошлись примерно тысяча триста лет назад. Но гене-

алогически славяне — русские, украинцы, белорусы, поляки, чехи, словаки, сербы, хорваты, боснийцы, македонцы и другие — принадлежат к различным родам. И история этих родов совершенно разная. Поэтому западные и восточные славяне как «этнокультурные сообщества» — это несколько разные понятия. Одни в массе католики, другие — православные. Язык заметно различается. А в рамках ДНК-генеалогии — это одно и то же, один род, одна и та же метка в Y-хромосоме, одна и та же история миграций, один и тот же общий предок. Одна и та же предковая гаплогруппа, наконец.

— Хоть салат с крабами попробуйте, — участливо сказала невеста.

— Потом, потом, — он словно спешил куда-то. Может, хотел выговориться. — В языкознании «славяне» — это одно, в этнографии — другое, а в ДНК-генеалогии — третье. Но гаплогруппа, то есть род образовался тогда, когда ни наций, ни языков еще не было, ничего не было, кроме... — мужчина хотел подобрать какой-то яркий образ, но лишь покрутил пальцем в воздухе, а потом просто махнул рукой и закончил свою мысль: — Поэтому принадлежность к своей гаплогруппе — первична. Как первична не материя, а Слово. Да, Слово было, а языков еще нет. И каждый из нас носит определенную метку в ДНК. И эта метка в мужском потомстве неистребима. Она может быть истреблена только вместе с самим потомством. Целенаправленно, если хотите.

— Никто этого здесь не хочет, — успокоил его Вадим.

— Да? Ладно. Но эта метка вовсе не означает, что она — показатель некой «породы» человека. Она не связана с генами и не имеет к ним никакого отношения. А именно гены могут быть при желании связаны с «породой». Гаплогруппы же и гаплотипы никак не определяют форму черепа или носа, цвет волос или глаз, физические или умственные характеристики человека. Но они навсегда привязывают носителя гаплотипа к определенному человеческому роду, в начале которого был его патриарх. Потомство его выжило и живет в наши дни, в отличие от миллионов других оборвавшихся генеалогических линий.

— Жалко птичек! — вздохнула девушка.

На что мужчина ответил:

— Жалость — понятие относительное, как и неизбежность. Какую бы религию ни поменяли потомки в ходе тысячелетий, какой бы язык ни приобрели, какие бы культурно-этнические характеристики ни изменили, точно та же гаплогруппа, такой же гаплотип, разве что с несколькими мутациями, упрямо проявляются в потомках. Достаточно протестировать определенные фрагменты этой Y-хромосомы. И тут уж неважно, мусульманин ли ты, христианин, иудей, буддист, атеист

или язычник.

Ковырнув вилкой шашлык, но забыв отправить его в рот, мужчина добавил:

— С научной точки зрения все мы имеем один и тот же цветовой пигмент кожи: это меланин. И он темно-коричневый. Так что все мы в этом смысле одинаковые, нравится вам это или нет. Но если у человека меланина нет вообще, как у альбиносов, которые унаследовали мутационный дефект, то у него цвет кожи бледный или розоватый. Кожа европейца производит небольшое количество меланина, а негра — повышенное, вот и вся разница. И, кроме того, среда обитания играет также важную роль. Мы ведь не рождаемся на свет с генетически запрограммированным количеством меланина. Напротив. У нас имеется генетическая способность производить необходимый меланин в разном климате. Родись вы, девушка, скажем, на юге Африки, были бы мулаткой.

— Спасибо, не надо, — ответила невеста.

— А что, мне Наоми по нраву, — возразил Вадим.

— Вот и женись на ней!

— Да уже поженился кто-то из русских. Опоздал я.

— Тогда другую поищи. В дешевом борделе.

— Почему в дешевом-то? Я уж в таком случае в бизнес-класс пойду.

— Катись.

Мужчина с интересом наблюдал за их перепалкой и улыбался. Потом остановил загорающую ссору словами:

— Разрез глаз также у всех одинаковый. Что у китайца, что у русского. Разница лишь в том, какое количество жира собрано вокруг глаз. Просто у азиатских народов его больше, чем у европейских. А так-то все люди на нашей планете произошли от одной матери. От так называемой митохондрической Евы. Такой вывод сделали биологи и генетики, проследив историю и развитие ДНК современного человека. А Адам и Ева, скорее всего, были смуглолицыми, с темными волосами и карими глазами. Но Господь Бог создал человека по Своему образу и подобию, надо об этом никогда не забывать. И мы все с вами произошли от одной крови, как сказано в Библии, и потому одинаково равны и ценны в глазах нашего Небесного Отца.

— Вы генетик? — с любопытством спросил Вадим. — Монах Мендель, часом, не ваш родственник будет? Но ситуация примерно ясна. Давайте переходить к сути, — он надеялся, что сейчас-то клиент заговорит о деле, но тот воспринял его слова по-своему.

— Хорошо, — кивнул мужчина, — суть такова. Гаплотипы чрезвычайно чувствительны к происхождению, если говорить о генеалогических родах. Дерево гаплотипов — это перевернутая пирамида. Вершина

внизу — это гаплотип общего предка рода. Основание пирамиды, на самом верху — это мы, современники, это наши гаплотипы.

— Голова кругом, — пожаловалась невеста.

— Не налегай больше на вино, — заботливо посоветовал жених и тихо добавил: — Или заткни уши.

Ужин всегда хорош, когда сопровождается приятной музыкой или легкой беседой, а тут было и первое и второе. Хотя «второе» оказалось слегка тяжеловато для «пищеварения». В глубине зала играла зурна, между столиками танцующей походкой сновали официантки, а легкое вино действительно кружило голову.

— Россия — страна чудес, — взял другую «ногу» клиент. — Не какая-нибудь там унылая Европа, у нас что ни новый век — так очередное веселье, а то и по два сразу на одно столетие. Да и начиналось-то как, еще в языческие времена? Вот возьмем, скажем, такую поразительную былинку о Святогоре.

— Возьмем, — притворно согласилась девушка и, потянувшись, взяла со стола горку миндальных орехов, поделившись ими с Вадимом.

— Едут, стало быть, богатырь Святогор со своим другом Ильей по широкому полю. Куда едут — сами не знают. Это, заметьте, одна из самых примечательных черт русского характера. Немец бы непременно по делу шел, хоть за кружкой бира, француз — к чужой жене. А эти просто так, дурью маются. Про Илью Муромца мы более-менее знаем, русский святой, мощи его покоятся в Киево-Печерской Лавре. Но кто такой Святогор? Какой древний народ и какое государство он представлял? Объясняю. Я специально изучал этот вопрос. Можно предположить, что, во-первых, этот народ много старше славян, раз Илья Муромец находился при нем на положении младшего брата. А во-вторых, речь все же идет о родственниках славянам народах.

— Венеты? — вспомнил свое университетское образование Вадим.

— Вань, — поправил мужчина. — А венеты это и есть славяне. Ванское же царство — самоназвание Урарту. Иначе говорят — неситы. А неситы — это уже те же хетты. Их держава располагалась рядом с Араратом, громила Ассирию и Египет. Так-то вот. А Святогор с Ильей Муромцем, я проследил их маршрут с лупой, ехали все-таки не просто так, а двигались от Арарата точно на юг, в район восточного побережья Средиземного моря, к горе Елеонской. Но надо все же сказать, что древняя география была совершенно отлична от современной, привычной нам. Она непременно включала в себя кроме реальной топонимики еще и умозрительные, то есть воображаемые ориентиры. Так что тут сам черт ногу сломит.

— Что вы имеете в виду под этими «воображаемыми ориентирами»? — спросил Вадим, все же радуясь внутри, что привел к невесте столь умного собеседника.

Глядишь, и сама наберется чего-нибудь. Позже он глубоко пожалеет об этом. Уж лучше бы оставалась такой, enfantterrible. Ужасное дитя времени.

— Мистические Центры Мира, — коротко ответил мужчина. — Это гора Меру, страна Агарты, Гиперборея, Шамбала, которая помешалась то на Север, то на Восток, в зависимости от политической конъюнктуры. Есть и другие Центры X, как я их называю. Тем не менее современный исследователь, опираясь на достижения предшественников, может попытаться отделить реальные географические представления древних народов от фантастических.

— О, фэнтези я люблю! — воскликнула невеста. — Гарри Поттер такой лапочка!

Вадим покраснел, а клиент продолжил, не обратив на слова красавицы ни малейшего внимания:

— Но гора Елеонская вполне реальна, и именно туда совершали свои походы хетты. Там еще в тринадцатом тысячелетии до нашей эры состоялась решающая битва при Кадеше между хеттами и египтянами. Иерусалима в то время еще не существовало. На горе Сион стояла только крепость Иевус ханаанского племени иеусеев. Это племя позже покорил царь Давид, после чего и заложил Иерусалим. Но былинный Святогор находит свою смерть как раз на Святой земле, у подножия будущего города трех религий, еще одного Центра Мира, куда и стремился вместе с Ильей Муромцем. А как это произошло?

— Да, как? — спросила жгучая брюнетка, прекратив вкушать мидий.

— Святогор, наш дальний генетический предок, всю жизнь маявшийся от своей бесполезной силы, запертой в горах, вдруг встречает Илью. И тотчас же вызывает его на поединок. Ну, причуда у него такая была — со всеми драться. Однако это несколько не свидетельствует о его враждебности. Скорее, Святогор только русских богатырей считал равными себе. Выслушав учтивую и уважительную речь Ильи Муромца, он отказывается от поединка и предлагает: «А поедем-ка со мной, да по Святым горам». И они отправляются к будущему Иерусалиму, «прискакали на гору Елеонскую». Эта гора маслин, Масличная, расположена к востоку от Иерусалима и отделена от города Кедронской долиной. Она играла важную роль в священной истории, описанной еще в Библии. Здесь Иисус Христос молился о чаше в Гефсиманском саду. Для нас же важно, что в сознании обоих былинных богатырей два места библейской истории — Арарат и Елеонская гора — сливаются воедино. Тут я сделаю одно лирическое отступление.

— Может, не надо? — попросила невеста. — Лирику не люблю. Факты давай.

— Можно и факты. Итак, Муромец, как мы знаем, сидел сиднем тридцать три года, пока его калики пере-

хожие с печи не подняли. Еще одна, кстати, образцовая русская черта характера. А невеста Святогора лежала «во гноище» тридцать лет. И вот оба они получают чудесное исцеление.

— Как же невеста-то поправилась? Не с помощью ли Геннадия Малахова? — полубопытствовал Вадим, мельком взглянув на свою суженую.

— Это целая поэма, — охотно пояснил мужчина. — Святогор, следуя тексту былин, поехал в какую-то свою служебную командировку в Северные горы. Там стояла кузня некоего чудесного кузнеца, кующего человеческую судьбу. Можно предположить, что это Кавказский хребет, который по отношению к Армении и Анатолии действительно расположен на севере. Тем более что Кавказ в то время был важнейшим центром металлургии. И кузнец объявляет Святогору, дескать, «твоя невеста в царстве Поморском, в престольном городе тридцать лет лежит в гноище». Поморье — север России. И Святогор, чтобы избежать несчастливой судьбы, не будь дураком — кому ж охота такую невесту в жены брать? — решает ее найти и убить.

— О как! Какое мудрое решение проблемы, — восхитился Вадим и вновь посмотрел на свою невесту, даже многозначительно подмигнул ей, а та лишь недовольно фыркнула.

— Найдя девицу, — продолжил оратор, — Святогор бьет ее ножом в грудь и откупается от убийства, оставив на столе пятьсот рублей. Мало это или много — вопрос инфляции. Сейчас не об этом. Но невеста не погибает от удара. Наоборот, после ухода Святогора с ней происходит чудесное исцеление: с кожи спадает короста. А на оставленные богатырем деньги — пригодились все ж! — она начинает большую морскую торговлю, быстро богатеет, строит флот и по Синему морю едет в «город великий на Святых горах», где воссоединяется во всей своей красе, славе и богатстве со своим женихом — Святогором.

— Деньги решают все, — задумчиво произнесла модель. — Есть деньги — будут тебе и флот, и любовь, нет их — ни счастья, ни даже утлой семейной лодочки.

— Смысл этого сказания довольно прост, — поправил ее мужчина. — С исторической точки зрения был заключен союз между двумя древними государствами или народами. При этом одно из них, по былинке, более молодое, — это Русь. Которая находится в плачевном состоянии и нуждается в военной помощи, то есть в силе Святогора, и экономической поддержке — его пятистах рублях. А Поморское царство, возможно, это легендарная Троя — Илион. До нас дошли сведения о заключении союзного договора между Илионом и Хаттусой — столицей Хеттского государства. Но тогда не является ли упоминание о тридцатилетней болезни невесты Святогора иносказанием о многолетней осаде Трои? А ведь в таком случае выходит, что и Илья Му-

ромец принимал участие в битвах против ахейцев-греков. И Русь существовала задолго до того, как принято считать.

— Намекаете, что Троя — славянский город? — спросил Вадим.

— Не только намекаю, а утверждаю это. А откуда же взялись в Италии этруски, то есть русские, еще задолго до древних римлян? Да все отсюда же, из поверженной Трои. Вспомните «Слово о полку Игореве»: «О, Боян, соловей старого времени! Как бы ты эти полки воспел, скача славою по мыслену древу, летая умом под облаками, свивая славы обе полы сего времени, рыща в след Трояни, через поля да горы?» Или там же: «Были века Трояни, минули годы Ярослава, были походы Олеговы, Олега Святославича». И еще: «На седьмом веке Трояни бросил Всеслав жребий о девице себе милой». Таких упоминаний имени Трои в «Слове» достаточно.

Помолчав немного, знаток древности продолжил:

— Из истории нам всем известно, что трояне назывались сперва пеласгами, потом — фракийцами, затем — тевкрами, после этого — дарданами и, наконец, обрели имя своего города и страны. А в результате падения Трои стали называться уже пергамлянами и кемейанами, поскольку Кемь и Пергам построил Эней с остатками троянцев, избежавших гибели в Илионе. Но у фракийцев, равно как и у пеласгов, мы встречаем множество племенных названий чисто славянских, между которых, по Геродоту, есть руссы и русины. Само слово «пеласги», как отмечал еще Ключевский, означает «перелетный аист», что вообще свойственно славянской душе, характеру, все время меняющему образ жизни, перебирающемуся с места на место, ищущему лучшей доли. И, кроме того, фракийцы носили чубы, как малороссияне.

— А вот это надо держать в строжайшем секрете, — предупредил Вадим, даже с подозрением оглянувшись. — Хохлы услышат — беды не оберешься, все под себя перепишут. А не перепишут, так обкусают и выплюнут, потом съест будет невозможно.

Услышали ли их чудом сохранившиеся в «Шеш-Беше» малороссияне — неизвестно, но к столику вдруг подошел лысоватый, субтильного сложения человек среднего возраста и, наклонившись к клиенту, что-то зашептал на ухо. Тайную информацию передавал минуты три. Потом также незаметно исчез.

— Еще один телохранитель? — поинтересовался Вадим.

— Нет. Частный детектив. Ситуация обязывает.

— И тоже в связи с семейными обстоятельствами?

— Примерно так. Да я вам потом все объясню. А что касается истории, то ее надо не переписывать, а снимать нанесенную на нее идеологическую пленку пласт за пластом... Глубина народной памяти просто поразительна, — подытожил мужчина. — Расшифров-

ка древнерусского фольклора уводит нас в глубину тысячелетий, во времена неолита. Во всяком случае, сказочный сюжет смертельного боя между тем же Муромцем и чудовищем на «калиновом мосту» можно интерпретировать как отголосок охоты наших предков за мамонтом. Где-то в тундре. Ягель ведь схож с калиной.

— Вы фольклорист, филолог? — спросил Вадим.

— Он просто душка, — ласково ответила невеста. Настроение у нее менялось довольно часто. Особенно после выпитого.

— Я на данный момент всего лишь ваше досадное недоразумение, хотя еще и не кошмар, — произнес загадочный клиент. — Но поверьте, скоро им стану, потом исчезну, а вы еще об этом глубоко пожалеете.

А вот это уже прозвучало как-то несъедобно. Неудобоваримо даже. Молодые люди встревожено переглянулись. А странный человек как ни в чем не бывало продолжал:

— Однако фольклор передает нам не одну лишь хронологическую, но и географическую память об исторических событиях. Русские былины зафиксировали знакомство древних русичей не только с соседями — Ордой, Литвой, Турцией, но и с Каспием, это «Хвалынское море и Сокол-корабль», Иерусалимом, о чем я уже вам пропел, Италией — «Земля Тальянская», Арабским Востоком — «Сарацинская земля». Чем древнее былинный сюжет, тем более отдаленный пласт исторической географии он нам открывает. Например, Илья Муромец борется то с печенегами и половцами, то вообще отправляется истреблять Идолище Поганое в Константинополь. А вот сюжет о богатыре-нахвальщике истолковывается как воспоминание о столкновении с Хазарским каганатом: «Земля Жидовская и богатырь Жидовин». А сказка о Царь-девице — как рассказ о борьбе с сарматами: «Девичье царство, Подсолнечное царство».

— Возникает вопрос ... — решил перебить его Вадим, надеясь развернуть мысль собеседника к делу: какого хрена ему вообще надо от нотариальной конторы «Рябцева и сын»? Завещание-то на кого составлять? На Илью Муромца, что ли? Или на Святогора? Но мужчина не дал ему договорить.

— Да, вопрос действительно возникает, — в охотку подхватил он. — Насколько глубоко простирается географическая память древнерусской фольклорной традиции? И насколько точно мы можем определить историко-географические реалии по дошедшим до нас поэтическим описаниям? А я вам отвечу. Народный эпос: былины, легенды, предания, плачи, сказки — содержат в себе зашифрованную информацию о событиях далекого прошлого. Надо только уметь правильно расшифровывать эти поэтические образы, суметь понять их смыслы, коды и значения. И все это, конечно же, между прочим, есть еще и в Библии.

— Ну как же без Библии-то, — вяло согласился юрист. Не дай Бог еще и в ней увязнет. Авраам родил Исаака и так далее. Нет, клиент двинулся в другую сторону, в Индию:

— Славянская фольклорная поэзия сопоставима с самыми архаичными формами греческого стиха. Из которых вышел и гекзаметр, и ритмика древнейших гимнов «Ригведы». Так что все связано, повязано и перевязано. Вот, к примеру, былина о Волхе Всеславиче. О завоевании царства Индийского. Главный герой, родившийся от колдовства, «волхования», слывший оборотнем, собирает дружину и выступает в поход против угрожавшего Руси Индийского царства.

— Вампир, что ли? — с надеждой спросила девушка, ожидая, что ей под вечер расскажут хорошую голливудскую сказку.

— Почти. Сразу бросается в глаза, что врагом Руси поименована не Орда, не Литва, а далекая Индия. Это может указывать на то, что данный сюжет дошел до нас в наименее искаженном виде, и описывает переселение арийских племен в Арьявату, страну ариев — центральную часть Северной Индии, еще за две тысячи лет до нашей эры. Поход прошел успешно, и Волх Всеславич с дружиной поселяются в Индийском царстве после истребления всего местного населения. Короче, перебили всех дравидов и заняли их место.

— Как все-таки в прошлом, во время великого переселения народов, мир был жесток, — огорченно произнес Вадим.

— А сейчас добрее, что ли? — резонно заметила невеста. — И теперь «переселение» идет, не знаешь разве? Только гастарбайтеров. Скоро они со своими дружинами в час X и нас всех истребят. Жди. В своей нотариальной конторе.

— Следует, однако, заметить, — продолжил мужчина, — что зафиксирован и второй вариант того же былинного сюжета, в котором главный герой называется не Волхом, а Вольгой, и Индийское царство заменено на Турецкую землю. Но это является примером того, как древний сюжет привязывается к новому врагу и к новым историческим реалиям. Хотя в самом тексте былины о Вольге и «царе Турец-сантале» встречается анахронизм: главному герою вместе с царем-турком противостоит царица Панталовна, а это имя ассоциируется не с Турцией, а с династией Пандавов в Индии. И вот что особенно любопытно. В походе Волх-Вольга Всеславич, пользуясь своими способностями оборотня, обувает-одевает, кормит дружину, ведет разведку против Индийского царства и побеждает индийского царя. В этом случае он напоминает другого древнего героя — греческого бога Диониса.

— Дионис-то тут причем? — устало спросил Вадим, уже начиная глубоко сожалеть о том, что приволок сюда этого клиента-параноика.

— Ну как же! Он ведь по преданиям тоже совершил поход в Индию с войском вакханок и чудесным образом кормил их в пути. Однако при этом необходимо отметить, что славянский Волх гораздо древнее, архаичнее Диониса. Это, скажу честно, приятно осознавать. Диониса можно считать древним культовым героем первобытных земледельцев, ставшим божеством урожая. А Волх Всеславич, наш «сукин сын» — это образ бога охоты и рыболовства. Он не просто оборачивается зверем и птицею, но и избивает животных на прокорм дружине, так что «и волку и медведю спуску нет».

— Дионис бы так не поступил, — в сердцах бросил юрист.

— Потому и пил только. С лозы виноградной. А Волх, чтобы захватить Индийское царство врасплох, превращает свою дружину в муравьев. Этот образ поддается такому истолкованию: войска ариев, вторгшиеся в Индию, были бесчисленны, как муравьи. А преодолев неприступную каменную стену, которая может быть представлена как образ Гималайского хребта, муравьи снова превращаются в людей. Войско Волха Всеславича истребляет все население страны, оставив для себя только семь тысяч красных девиц.

— Это разумно, — согласилась девушка, — и даже в какой-то степени благородно.

— Но так же вели себя в исторической реальности и переселенцы арии, частично истребив, частично ассимилировав местное дравидское население Северного Индостана. Белая индусская раса в настоящее время насчитывает около ста миллионов человек из более чем миллиардного населения Индии. Откуда они там взялись? Белые индусы — это восточные иафетиты, то есть протославяне. Те самые загадочные арии. А Веды можно назвать арийской «Библией».

— Вы пейте, пейте, — посоветовал Вадим, подливая ему вина, втайне надеясь, что клиент опьянеет, «нажрется и засохнет». Но так ведь не бывает: если куст жимолости поливать, то он расцветает еще более пышным цветом. Вот и тут. Зловредный «куст», изрядно глотнув, воодушевился еще больше:

— Еще один былинный сюжет — о Михайле Потоке. Страна царя Вахрамея Вахрамеича, куда отправляется богатырь Михайло с дипломатическим поручением, находится у «корбы темной, грязи черной». Он едет вроде бы просто поиграть в шахматы — «тавлей золотые». Но это является довольно прозрачным образом дипломатической игры, хотя в данном случае ставка здесь — голова главного героя. А где эта страна лежит?

— И где? — заинтересованно спросила брюнетка.

— Корба — это ложбина, поросшая дремучим лесом, а грязь — это болото. Так что царство Вахрамея расположено где-то между пересеченной лесистой местностью и болотом. Правда, есть еще одно указание, позволяющее привязать рассматриваемый сюжет

к реальной истории. Миша по кличке Поток идет вслед за умершей женой Марьей Лебедью Белой в подземное царство, бьется там с гадкой змеей и воскрешает Марью. А «в благодарность» та пытается извести супруга. Каково?

— Вот ведь ведьма! Да что ж они все такие злодеи и злодейки? — расстроилась девушка и даже платочек достала. Но вытерла не глаза, а губы. Поскольку ела мороженое.

— Время было такое. Впрочем, как и сейчас. Но корни сего сюжета можно отнести к временам борьбы праславян со скифами и сарматами, где «брачный союз» славян со степью таит в себе опасность гибели — поглощения главного героя. Вот вам и ответ. Только геополитика, ничего личного.

— Вам бы книжки писать да кино снимать, — сказала невеста. — А я бы у вас в главной роли снялась. Лебедь Белую или эту... которая флотом разжилась.

— Договорились, — кивнул мужчина, — но я книжек уже и так немало насочинял. Что же касается сармат, то они жили первоначально в Поволжье и Южном Приуралье, но потом переселились в степи Причерноморья, вытеснив оттуда родственных им скифов. Это позволило им не только подчинить окрестные скотоводческие племена, но и богатое Боспорское царство, основанное греческими колонистами за пятьсот лет до нашей эры на берегах Керченского пролива — Босфора Киммерийского. А после прихода сарматов Боспорское царство превращается в Греко-Сарматское государство.

— И таким образом... — начал Вадим, все еще надеясь перевести разговор в другое русло — юридическое, но попытка вновь сорвалась.

— И таким образом, Михайла Поток едет поиграть в «тавлей золотые» к царю Вахрамею именно туда, в боспорский Пантикапей или в Танаис. Тогда «грязь черная» и «корбы темные» получают свое истинное истолкование. Боспорское царство занимало территорию Керченского полуострова, Таманского полуострова, низовья реки Кубань, восточное Приазовье и устье реки Дон. Но в древности на месте современного Азовского моря существовало гигантское болото, названное греками Меотидскими топями. В настоящее время от него остался лишь Сиваш, Гнилое море. Во времена Боспорского царства участки открытой воды, пробитые течением Кубани и Дона, чередовались с заросшими камышом болотами. Это и есть «грязи черные», а под «корбами темными» подразумевались заросшие лесом ложины Керченского полуострова.

— А сучка эта что ж? — спросила невеста. Ей сказки гостя нравились. Она вообще таких людей впервые видела. А то все эти, да эти. Мажоры, одним словом. Безязыкие, но рукастые и карманистые.

— Сейчас доложу. Будущая жена Михайлы — Марья Лебедь Белая тоже оборотень и, обернувшись птицей, летает «по тихим заводям, а по тым зеленым по затресьям». Это близко описанию в древнегреческих «периплах» — лоциях для мореплавателей — западной оконечности Таманского полуострова. Тогда на его месте существовали отдельные острова — Киммерия, Фанатория, Синдика. Они были отделены от материка дельтой Гипаниса — современной Кубани, которая впадает в древности не только в Азовское, но и в Черное море. Надо бы нам еще винца заказать, как вы думаете? — добавил он без всякого перехода. — Хорошо идет.

— Идет — догоним, — подал официанткам знак рукой Вадим и утвердительно произнес: — Вы — историк.

— Вы еще даже не догадываетесь, кто я, — туманно отозвался мужчина.

Тут девушка напомнила:

— А как же смерть?

— Какая смерть?

— Да Святогора же.

— Ах да. Это ведь тоже, если не поэма, так метафизический, философический трактат в духе Гегеля или Спинозы. Хотя нет. Те слишком скучны, а тут опять же мегатрагический катарсис в жанре верлибра. И так, прибыли они, Святогор с Ильей, конным ходом, на гору Елеонскую. Где их поджидала судьба. Рок.

И мужчина на память процитировал:

— «Стоит тут дубовый гроб; как богатыри с коней спустились они ко гробу этому да наклонились». Продолжение известно. Вот смотрите: француз всякий, немец ли, гей-голландец мимо бы прошмыгнули, от греха подальше, а эти остановились и разглядывают. Что это почему, какой такой гроб, зачем тут? Есть во всем этом некий сакрально-мистический умысел. Загадка. Богатырям надо непременно руками гроб ошупать, заглянуть вглубь. Дальше — больше. Сначала Илья в гроб ложится — маловат. Или великоват, не важно, главное — не подходит по размеру. Затем сей деревянный макинтош примеряет на себя Святогор. Ага! В самый раз, шит как по заказу, у лучших портных с Брайтон-Бич. Но и этого ему мало, он еще и крышку гроба на себя натягивает. Короче, затворяется напрочь. И все.

— Все? — с огорчением спросила невеста.

— Ну, почти все, — усмехнулся клиент, положив в рот темную виноградинку. — Святогор из мира видимого исчезает, а его чудесная сила передается Илье. А в его образе и всей Руси, России. Как писал апостол Павел к Галатам: «Я умер для закона — фарисейского, чтобы жить — для Бога». Но тут мы уже подходим к иным, более горным материям. Не за пахлавой же, право, толковать об этом. Добавлю лишь, что, по словам еще одного святого, Макария Великого, когда слышишь о гробах — представляй мысленно не только их видимость. А почему? Да потому что и они, и могила для тебя — твое сердце...

— Как это понимать? — спросил Вадим.

— А понимай, как хочешь! — отмахнулся рассказчик. — Я и сам еще толком этого не понимаю. Время, может быть, еще не пришло. Но мне важно во всей этой давней истории другое: какого черта, в конце концов, он добровольно полез в гроб? А ведь только русский человек на подобное и способен, не так ли? Вот вы, девушка, полезли бы?

— Дудки! — бросила та. А потом, подумав немного, добавила: — Хотя, если для рекламы погребальных аксесуаров, если в цене сойдемся, почему бы и нет? У меня такой фотосессии еще не было.

— Ее Марина зовут, — сообщил Вадим, — и она не русская, а карелка.

— Да какая разница, это не имеет значения, — отозвался мужчина. — Главное не кровь, а почва, земля, ее дух с душою, которыми мы пропитаны. Здесь, в России, за десять лет жизни и Халли Берри русской станет. Если, конечно, полюбит ее. Побелеет даже.

— А вот вы-то все-таки кто? Историк, географ? — поинтересовалась Марина. Как девушка с прагматичным складом ума, она, должно быть, хотела основательно «прошерстить» все окружение своего будущего мужа. Но тут к столику подплыли две дежурные азербайджаночки с игральными кубиками и предложили метнуть кости. Мужчина с удовольствием потряс деревянный стаканчик и бросил на поднос кости. Сразу выпало две шестерки.

— Вам полагается еще один кувшинчик вина за счет заведения, — поздравила одна из девушек.

— Вот и несите, — сказал Вадим и обратился к своему визави: — Как это вам удалось? Сколько раз здесь ужинал, играл — и никогда двух высших цифр не выбрасывал.

— Я профессионал, — скромно ответил клиент и добавил: — Метать кости надо не рукой, а мозжечком и гипофизом, которые просто нужно в данный момент активировать. Ну, как ввести пин-код от банковской карты.

— А какие сказки вы еще знаете? — спросила невеста. — Страсть как люблю слушать на ночь глядя.

— И какие у вас вообще-то проблемы? — спросил юрист. О деле-то мы так и не поговорили. Давайте начистоту. Марина не помешает.

— Да проблемы-то, может быть, не у меня, а у вас, — каким-то нехорошим голосом отозвался тот. Еще и сощурился.

Неким холодком повеяло от его лица. Даже Марина зябко поежилась, хотя она порой бывала девушкой отчаянной и без тормозов. Вадим решил уточнить:

— Но ведь вам нужна моя юридическая помощь?

— Да, — последовал короткий ответ. И мужчина угрюмо замолчал, словно ему теперь вообще расхотелось разговаривать.

Тут как раз принесли обещанный кувшинчик вина, а заодно и ароматный кофе — было чем занять рот. Затем произошло нечто странное. Вадиму, отяжелевшему от вина и пищи, вдруг показалось, что из глубины зала к выходу идут, покачиваясь, три изогнутые и полупрозрачные фигуры — двое мужчин и девушка. И хотя видел он их со спины и мельком, да еще и сквозь какую-то ватно-молочную пелену, но готов был поклясться, отдав все что угодно на отсечение (впрочем, не все) в том, что эта уходящая тройца как две капли воды (точнее три) походила на них самих, сидящих сейчас за столом. Будто двойники или некая отделившаяся от их тел субстанция.

Он вновь испытал какие-то нехорошие предчувствия, словно в скором времени ему, да и всем им, предстояло пережить нечто до такой степени невообразимое, великое и ужасное одновременно, что перевернет и в корне изменит всю их дальнейшую жизнь.

Вывел его из оцепенения голос Марины:

— Когда мама возвращается?

— Через неделю, — механически отозвался он.

Ужин подходил к концу. «Ну, а теперь-то что? Когда же он перейдет к своему делу?» — подумалось Вадиму. Он все еще не в силах был отойти от странного потустороннего видения в ресторане.

— А дело у меня вот какого свойства, — сухо проговорил мужчина, словно отвечая на его мысль.

— Слушаю внимательно. Простите великодушно, но я там, в конторе, так и не разобрал толком, как вас величать? Любомир...

— Велемир Радомирович. Так вот. Я хочу, чтобы меня развели с моей погибшей тринадцать лет назад женой. Официально, в судебном порядке. И выдали бы гербовую бумагу. С печатью.

Сказав это, вернее, даже чуть ли не потребовав обиженным тоном, мужчина откинулся на спинку стула и еще острее и пронзительнее сощурился. Ну, почти как Ульянов-Ленин, выбравшийся вдруг из Мавзолея и отправившийся с таким, не предвещающим ничего хорошего взглядом, в Кремль. На стрелку с Путиным. Тут только Вадим впервые сообразил, что имеет дело с обычным городским сумасшедшим, фриком. И это еще в лучшем случае.

— Мы такими услугами не занимаемся, — растерянно пробормотал он. — К тому же официальный факт смерти уже означает... состояние развода. Чего же боле? Ведь есть же у вас какая-то ... «гербовая бумага» о ее кончине?

— Ну, есть.

— И достаточно.

— Нет, не достаточно. Я хочу еще, чтобы нас развели. В разные стороны.

Клиент вскинул голову и упрямо закусил верхнюю губу. Теперь он стал походить на Наполеона. Даже ла-

донь сунул за лацкан пиджака.

— Без ее присутствия сделать это невозможно, по крайней мере, весьма затруднительно, — только и нашел, что сказать в ответ Вадим.

— А мне по фаллосу, — совсем уж грубовато отозвался Велемир Радомирович.

Марине как суперсовременной девушке это понравилось.

— Да разведи ты их как-нибудь — и делу конец, — решительно вмешалась она. — Проблем-то! Договорись с каким-нибудь ЗАГСом, впервой что ли? И не такое творят. Вон, всю страну на бабки разводят, а ты?

В этом она была права. Но одно дело — разводить народ с помощью, например, налогов на воздух, сливая доходы от углеводородов в свои кармана, и совсем иное — оформить развод живого мужчины с мертвой женщиной. Это уж совсем ни в какие ворота. Так и все другие чудить начнут. Скажем, станут требовать юридических прав на «мертвые души» покойных родственников. Для перепрописки их из гробов в дома. В целях уменьшения квартплаты.

— Надо подумать, — ответил, тем не менее, Вадим, случайно икнув и запивая свои слова красным вином. — Но вы должны рассказать мне все более подробно.

— А чем я, по-вашему, здесь занимаюсь? — насупился клиент. — Но история моя слишком сложна, чтобы понять ее вот так, сразу. Тут двух слов недостаточно.

— Вы говорите, говорите, — приободрила его Марина. — Время у нас есть. У нас вообще весь вечер свободный.

— Мы же в ночной клуб собирались? — напомнил Вадим.

— А мне по фаллосу, — повторила цитату невеста. — Здесь поинтересней будет. Когда еще ума набираться, если не сегодня?

— Вот как? Чего-то ты, подруга, перепила.

— Тормози, присяжный. Не ездь мне по мозгам.

— Дороги нехоженые, все равно ни пройти, ни проехать.

— Вот и отстань. Сутяга.

— Стоп! — остановил их загорающийся спор таинственный собеседник и добавил: — Да, вы правы, время у вас еще есть. Но вы даже не догадываетесь, как мало его осталось.

Прозвучало это как-то апокалиптически, словно напомунало о близком Страшном Суде. Молодые люди вновь встревожено переглянулись. А Велемир Радомирович хладнокровно произнес:

— Однако пора и рассчитаться. Лучше отсюда уйти. Расплачиваться буду я. ■

Продолжение следует.

СВЕТЛАНА МАКАРОВА- ГРИЦЕНКО

Поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России с 2001 года, секретарь Союза писателей России, член Высшего творческого совета Союза писателей России и Белоруссии. С мая 2004 года возглавляет краевую писательскую организацию. С 2005 года – главный редактор газеты «Кубанский писатель». Заслуженный деятель искусств Кубани, лауреат Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного князя Александра Невского, литературных премий им. М.Н. Алексеева, А.Д.Знаменского. Кавалер «Золотого ордена «Служение искусству». Повести, рассказы, очерки автора публиковались в журналах «Наш современник», «Роман-журнал 21 век», «Московский вестник» и многих других СМИ. Живет в Краснодаре.

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

— Подкати меня к окну, — Ольга Сергеевна смотрела на мужа, Игоря Ивановича, бородатого, шелковисто-беловолосого, с молодым румянцем на щеках. Всем хорош! Жаль только, фигура немного оплыла от вечного сидения за письменным столом. Бугры мышц как в прежние времена не выпирают из-под футболки. — ...ты давно не занимаешься гирями? — зачем-то спросила и осеклась, какие теперь гири. Вместо них муж носит ее, болящую.

— Хочешь посмотреть на лужи? — через паузу произнес он, двинул коляску к окну, — наверно, на всю ночь зарядил дождичек.

— ...Не уходи, — она взяла его руку. — Славик говорил тебе про свою девушку? — еще один вопрос повис в воздухе, кажется, они разговаривали, не слыша друг друга.

— Тебе удобно?

Она кивнула и ждала, когда же муж заговорит о сыне.

— Думаю, рано он... не время сейчас, — наконец произнес Игорь Иванович.

— Не время — из-за меня? — она выпустила его руку, тронула край оконной занавески, чуть помедлила и снова обернулась к мужу. — А ты разве не знаешь, сколько времени мне осталось? Хочешь, чтобы случилось после?..

— Олюшка, ну зачем так. Ты поправишься! Славка внуков нарожает.

— Рожают невестки. Как ее зовут? — она опять коснулась занавески.

— Таня.

— Татьяна — русская душою... Вот и давай думать о свадьбе... Зима впереди, а все Тани любят зиму. Славка звонил?

— Какой там, он на свидании, ему не до нас.

Игорь Иванович невольно вздохнул и пошаркал к дивану. Впереди снова пустой вечер. Большая жена не даст ни поработать, ни отдохнуть. Он научился держать свое сердце «крепко», как говорила соседка по площадке, неугомонная баба Дуся. Но сегодня тербил сумерки осенний дождь, и на душе особенно стыло.

— Как ты думаешь, Татьяна действительно любит нашего сына? — изображала улыбку Ольга Сергеевна.

«Зачем же она так улыбается?» — удрученно думал он,

взглянув на жену. Опустил голову: перед глазами расплылись яркими пятнами узоры синтетического паласа, купленного еще в эпоху дефицитов. Ольга так радовалась тогда, что вместо протертого шерстяного ковра — огромный, похожий на цветочную поляну, искрящийся скрипучий палас. По истечении десятка лет сородичи веселенького паласа в большинстве случаев перекочевывали на дачи и мусорки. Будь Ольга на ногах, и этому бы не удержаться в квартире, но... К тому же и дача стоит заброшенной.

— С нами будут жить молодые — и все здесь изменится, — раздумчиво произнес Игорь Иванович.

— Значит, согласен на свадьбу? Как быстро ты меняешь свое мнение.

— Разве мы спрашивали своих родителей, когда собирались пожениться? — он говорил и сам удивлялся тому, как легко и бездумно срываются с губ слова. Пустые, никому не нужные, они заполняют комнату. В то время как недописанный доклад на тему «Психологический портрет власти в России начала третьего тысячелетия» томится в кабинете, вот уже который вечер Игорь Иванович не может подойти к письменному столу, потому что ему мешает присутствие жены. Войди в кабинет — и она захочет сидеть в своей коляске с ним рядом. Раньше он умел работать возле ее постели, но последнее время стало совсем невмоготу. Сколько же не написано, не сделано! Ощущение расслабленной пустоты будто напитало все вокруг, наполнило квартиру до потолка.

— ...А может, мне тоже начать писать? — спросила Ольга.

Он чуть повел бровью, хмыкнул нечто неопределенное.

— Говорят, творчество очень полезно для инвалидов, — продолжила жена. — В юности я, между прочим, сочиняла стихи и даже прочитала... кажется, на втором курсе института, на литературном вечере. Но не призналась, что стихи мои. Просто, мол, понравились... Мы тогда спорили о текстах Гребенщикова. Помнишь, как все сходили по нему с ума? А я сразу поняла — пу-сто-та этот ваш Гребенщик. Ты, кстати, со мною спорил! Тебе нравилось:

Мы до сих пор поем, хотя я не уверен,
Хочу ли я что-то сказать...

В игре наверняка что-то не так;

В этой игре наверняка что-то не так, — пропела она. —
Скажи на милость, что тут от поэзии, музыки и вообще от
здорового смысла?

Игорь Иванович привык к ее умению быстро переключаться с одного на другое, словно она постоянно мыслила параллельно. Хотя сначала раздражался и даже ссорился, казалось, жена только создает видимость своего присутствия, участия в разговоре, а думала о другом. Сейчас же он обрадовался признанию:

— Ты писала стихи? И посвящения были?

— Станный вопрос. Я надеялась, ты скажешь — прочти.

— Неужели помнишь?

— Память, в отличие от моих конечностей, меня еще не подводила. Все впереди. Конечно, стихи о любви. Хотя, честно тебе скажу, мне хотелось и о дружбе написать. Не получалось.

...О тебе и молчу, и пою.

Лунным светом открою дверь,

И задену лишь тень твою,

И поправлю твою постель...

— Постель? На втором курсе института? А я-то, дурак наивный, верил в девичью чистоту!

Игорь Иванович уперся ладонями в колени, помедлил и встал с дивана. Прошелся по комнате. Она следила за ним.

— Ты еще способен меня ревновать? — произнесла Ольга Сергеевна удивленно.

— Я способен, — послушно кивнул он и, вместо того чтобы поскорей закончить разговор, взял нарочито бойкий тон: — Все знают: на первых курсах института ты любила Сиволапого! Но чтобы «поправлю твою постель», то есть его постель... Он сделал выразительную паузу и снова открыл рот, надеясь покрепче отшутиться, но она не дала ему говорить:

— О, не кладите меня

В землю сырую!

Скройте, заройте меня

В траву густую!

Пускай дыханье ветерка

Шевелит травую,

Свирель поет издалека,

Светло и тихо облака

Плывут надо мною!.. —

Помнишь? Мы с тобой вместе читали Тютчева... Игорь, я хочу увидеть свадьбу сына и умереть. Молчи! Ничего

странного в этом нет. Это самая обыкновенная жизнь. И самая обыкновенная смерть...

«Она говорит о смерти... — думал Игорь Иванович, — и уже не боится этого. Для нее страшнее — быть ненужной...»

— Игорь, я хочу порыться в справочниках... Я порой мешаю тебе работать, я знаю. И потому решила заняться делом. Ты слышишь? Я пишу для тебя. Потому что хочу быть интересной и полезной, пока могу. Пожалуйста, отведи меня в кабинет...

Игорь Иванович плохо понял сказанное женой, но поспешно кивнул и покорно двинул коляску к двери кабинета.

— Когда ты будешь отдыхать от своей статьи, я стану рассказывать тебе... Знаешь о чем? — Ольга Сергеевна смотрела на него в упор, словно пыталась прочесть тайные мысли.

Он не поддержал предложенную игру, опустил глаза.

— Помнишь, мы с тобой любили романс «Хризантемы»? И ты говорил, что автор практически неизвестен. А ведь он — гениальный композитор! Помнишь? Так вот я нашла сведения о нем! Может быть, и Славку это будет интересно... А то он запомнит мать как существо болезненное и ни к чему не годное.

— Оля, прекрати! Прекрати ерничать, наконец! Славку пожалей!

«Зачем она опять говорит о своей ненужности? — думал Игорь Иванович, лежа на жестком диване, что стоял в углу его кабинета, теперь он часто оставался здесь на ночь, а супружеская спальня стала комнатой жены. — Разве можно вот так просто... вслух произносить... Неужели она думает, что у меня нет сердца и оно не сжимается от ее слов. И что ответить ей? Язык деревенеет — слова фальшивые получаются... Как же я устал!»

Заснуть не удавалось, и когда в передней стукнула дверь, Игорь Иванович обрадовался приходу сына. Жмурясь от света, в тапках на босу ногу, он через короткое время вышел в кухню, где наследник уже ставил сосиски в микроволновку. В предвкушении ужина движения его были быстрыми и точными. И весь он словно светился от накопленной внутри энергии, от полноты жизни, от молодости и счастья: глаза сияют, волосы растрепаны так, будто их только что коснулась женская рука, на губах улыбка.

Игорю Ивановичу было приятно смотреть на сына. Славку они с женой родили еще студентами. И ребенок получился — пригож да умен — всем на радость и удивление! Солнышко, а не ребенок. Они потом так и не смогли родить второго, потому что, как говорила жена, лучше уже не бывает. Славик учился в двух школах «на отлично».

В музыкалку пошел по собственному желанию, да еще в класс скрипки. Занимался инструментом каждый день по часу, ни больше, ни меньше. А вот за учебником любимой химии времени не считал. К пятеркам по этому предмету прибавились грамоты за победы в школьных и районных, городских олимпиадах. Но после окончания школы сын поступил не на химический факультет университета, как ожидали и учителя, и родители, а в медицинский. Возможно, болезнь матери повлияла на его выбор.

Игорь Иванович сидел с ним на кухне, слушал какую-то чепуху, которой развлекал его Славик, прихлебывал жидкий чай, и больше всего ему хотелось, чтобы не кончался этот поздний ужин, не гас светильник в углу и вот так вкусно пахло горчицей и сосисками.

— Знаешь, со следующей недели у меня практика в стационаре, — посерьезнел сын.

— В какой больнице? — в тон ему спросил Игорь Иванович.

— Скорой помощи. Как раз близко к дому, сам понимаешь...

Игорь Иванович кивнул. Помолчал и вспомнил:

— А наша мама сегодня объявила, что начала писать книгу о малоизвестном композиторе. Надеется, что это будет интересно и тебе, и мне, — он улыбнулся краешками губ.

— Мне? Конечно, интересно. Главное — пусть пишет!

— Я тоже так думаю, сынок...

Отец и сын будто прочитали мысли друг друга.

Славик медленно отодвинул пустую тарелку, поднял глаза на отца:

— А у меня сегодня знакомство приключилось, — сказал так, будто подбирал незнакомые слова.

Игорь Иванович приготовился слушать, откинулся на спинку стула.

— Старик один... в поликлинику приходил.

— Точно старик? Мой ровесник, наверное?

— Нет, па, не напрягайся. На самом деле — старый человек. Я с утра к Танюше забегал, она сейчас подрабатывает, медсестру подменяет у хирурга. Хотел ей сюрприз сделать, а Танюшку отправили срочно санитарную книжку оформлять. Хирург меня уже знает, вот и взмолился: «Посиди, хоть с карточками поможешь». Ну, думаю, так и быть, посижу часа два, для практики. Только мы начали прием — врача вызвали к начальству, понедельник же, коллектив пред ясны очи явиться должен. А в кабинет старик ломится. Я ему объясняю, он ни в какую. «Снимите мне швы, — кричит, — срочно!»

— Что, орет прямо? — шевельнулся Игорь Иванович.

Сын покачал головой:

— Это я так, для ясности картины. На самом деле ста-

ричок из разряда одуванчиков — беленький, опрятный. Но потому и настойчивость его неожиданной была. Я, наконец, усадил его, расспрашиваю. Оказывается, старик очень спешил, прибежал швы снять, плечо у него травмировано... Мне, говорит, обязательно к девяти часам к жене в больницу надо успеть. Я, говорит, покормить ее должен. Мол, срочно и сейчас снимайте швы. Потом вдруг ультиматум: «Не снимите, я так с ними и останусь, ждать не могу. И прийти в поликлинику в ближайшее время тоже». Я, чтоб как-то его успокоить, отвлечь, про жену начал расспрашивать. А то не ровен час и вправду убежит! И представляешь, рассказал мне старик, что у его жены болезнь Альцгеймера. Я, естественно, спрашиваю: «Она будет очень волноваться, если вы не придете вовремя?»

А старик: «Нет, волноваться не будет, моя жена не узнает меня последние пять лет. И даже не помнит, кем я приходился ей по жизни». «И, несмотря на это, — спрашиваю его, — вы все равно каждое утро спешите в больницу к человеку, который даже не узнает вас?» А он, представляешь, улыбнулся и тихо так ответил: «Да, к сожалению, она не знает, кто я. Зато я помню, кто она. С ней я был счастлив всю свою жизнь». Вот так, представляешь?..

Славик опустил глаза, повисла пауза.

— Ну и зачем ты мне это рассказал? — дрогнул Игорь Иванович. Ему показалось, что подобную историю он уже слышал, может быть, даже встречал в Интернете... И очень обидно стало от скрытого нравоучения сына. Зачем он? Хочет надавить на отца примером и придумал про какую-то встречу? Очень боится за маму?

Неловкая пауза сменилась смущенным Славкиным лепетанием, мол, не об отце речь, мол, это он к собственной жизни относит, к их с Танюшкой будущему.

— Согласись, па, не у каждого в жизни получается! Ну, чтоб вот так, чтоб до конца вместе. Правда же? — щеки Славки пылали румянцем.

Повисла тяжелая пауза. Игорь Иванович не то что не захотел, а просто не мог говорить. Объяснять, обсуждать. Буркнув «доброй ночи», поплелся к себе в кабинет. Давила плечи необъяснимая обида и за себя, и за сына, и за того старика, которому так и не сняли швы в поликлинике. Близкие слезы стояли в глазах. Усилием воли он не давал им пролиться... Может, и зря.

Ночью шел дождь. Стоя у окна в кабинете, Игорь Иванович смотрел на огромные лужи внизу, в свете фар проезжающих машин капли дождя вспыхивали яркими белыми звездами на поверхности воды, и он не мог отвести глаз от этого мерцания. Никогда не видел подобной красоты! Грязно-черные лужи — и столько серебристо-белых огоньков! Но только в огоньках этих не было радости, словно состояли они не из света, а из тумана.

«Бояться нужно не смерти, а пустой жизни», – снова думал Игорь Иванович. И не мог вспомнить, жена сказала ему об этом или он прочел, кажется, у Брехта...

Весь следующий день Игорь Иванович ловил себя на мысли, что делает нечто ненужное, находится не там, где должен, и голова его забита чепухой. В то же время его распирало чувство полученной вдруг внутренней свободы. Но это ощущение не добавляло радости. Наверное, так бывает у старого раба, оборвавшего цепи и оставшегося вдруг в одиночестве. Как перст... «И пусть. Устал. Никого не хочу видеть и слышать. Почему я виноват? Зачем я должен оправдываться и постоянно доказывать невиновность, изображая при этом благостную улыбку? Даже Славка пытается меня учить и воспитывать».

Появившись на кафедре, Игорь Иванович полистал подготовленные в помощь первокурсникам методички, встретился с заместителем декана по учебной работе, чтобы согласовать нагрузку по заочникам, и вскоре ушел из университета. Благо лекций у него в этот день не было, а консультации с дипломниками, по их слезной просьбе, он перенес на следующую неделю.

Выходя из здания, Игорь Иванович кивнул вахтеру, толкнул дверь – и сухой ветер ударил в лицо, солнце хлестнуло по глазам, будто и не было вчерашнего холодного дождя. «Середина октября, а лето не сдаётся», – подумал он, медленно шагая мимо клумбы с цветущими розами. За оградой университетского двора гремели и тревожно звенькали трамваи, рычали авто. Неожиданно для себя Игорь Иванович пожалел, что так рано уходит со службы. Но не возвращаться же обратно...

И он пошел вдоль забора, мимо золоченых кленов, в тени еще густых крон. Решил пройтись, освежить голову и попытаться понять смысл этой вековой игры в жизнь, которая представилась ему теперь пустой функцией. «Смерть делает ее напряженнее, добавляет накала, – думал он, наступая на сухие листья под ногами, – иначе – вечная болезненная бледность». Ему представилось лицо жены. «Хорошо, что она пишет книгу об этом неизвестном композиторе Николае Харито, его романс тоже, в сущности, о жизни и смерти. «Отцвели уж давно хризантемы в саду» – мы ведь любили и часто слушали. И тогда, в Крыму...»

Игорь Иванович старался не вспоминать о былой радости, потому что не верил, что эти воспоминания могут приносить облегчение в трудные дни. Но поездка в Крым... Картины безмятежного молодого летнего счастья вызвали невольную улыбку. Цветущий олеандр и горячие маслянистые хачапури. Румянец на щеках жены, ее смех без причины, торчащие розовые уши в мокрых коротких волосах, когда она бежала по кромке прибоя и кричала,

хохотала, звала его: «Хочу водки и на ручки! Слышишь? Игорь, лови меня!»

Олю воспитывали дедушка с бабушкой по материнской линии. Отца она никогда не знала и не видела, мать работала с утра до ночи. Бабушка часто болела. Дед же готов был вовсе не расставаться с малышкой. Он забирал ее из детского сада, сажал в свой старенький «запорожец» – и жизнь начиналась!

Дед выполнял все желания «королевы»: вез ее по указанному маршруту, кормил мороженым, бегал в парке за бабочкой или пинал резиновый мячик. Деду нравилось угождать девчужке. Игорь Иванович, кажется, унаследовал от него это стремление баловать Олю. Впрочем, любой мужчина, после тихого голоса, задорного смеха, захотел бы слышать ее снова и снова. Голос меньше всего меняется с возрастом. Сколько красоты в переливчатых игривых интонациях, в них-то и сокрыта неувядающая молодость. Впрочем, молодость – это движение. Невозможно представить, как тяжела для нее теперь бездвиженность... Хотя жена всегда умела справляться с трудностями и проявлять характер. Однажды она приревновала Игоря к молоденькой аспирантке. Демонстрируя обиду, Ольга забралась на подоконник, они тогда жили в трехэтажке сталинской постройки, и просидела на подоконнике целых пять часов. Так она доказывала свою правоту. Сидела, почти не двигаясь. Игорь Иванович не мог уговорить ее. Он уходил, возвращался, пытался объяснить с ней, но она сидела, как истукан...

«О чем может думать женщина, сидя пять часов на подоконнике?» – Игорь Иванович брел уже возле университетских общежитий. Но не видел окрестностей, его мысли вращались вокруг одного имени – Оля. «Как помочь? Как спасти?» – контрапунктом долбило сознание. И в то же время душа его противилась этим мыслям, потому что Игорь Иванович очень хотел хоть на время забыться, уйти в себя, отдохнуть... «Если невозможно сегодня уехать в Крым, поеду на дачу. Позвоню соседке, пусть зайдет к Оле. И Славика попрошу прийти пораньше. А сам хотя бы выплыву...»

Он решительно зашагал к трамвайной остановке. Ему так захотелось поскорее оказаться на даче!

«Несомненно, смысл жизни связан с концом. И если бы не было конца, если бы в нашем мире была дурная бесконечность жизни, то смысла в жизни не было бы вовсе. Выходит, что смысл лежит за пределами этого замкнутого мира? И обретение смысла предполагает конец в этом мире... – рассуждал Игорь Иванович и почти параллельно: – Оля всегда была музыкальна. Первое образование – учитель музыки – ей очень шло. Почему она не захотела работать по специальности? Капризная девчонка...

«Отцвели уж давно...» А ведь Николай Харито — уроженец Крыма. Там жила его семья. Потом, кажется, они переехали в Киев. Потом Гражданская война. Харито был в Белой армии и погиб на Кубани. Но не на поле брани. Его застрелил знакомый офицер, Харито нравился женщинам и был убит из ревности. Это случилось в Тихорецке. Очень интересный материал! Ведь поступками большинства людей руководит любовь, зависть и ревность... Человек может быть разным: и великим, и низким до бесконечности. Один и тот же человек».

Игорь Иванович так углубился в собственные мысли, что почти перестал замечать окружающее. Он вдруг понял, как помочь жене: нужно ставить для нее великие задачи и помогать дожить до их осуществления. «Это придаст ей сил и спасет! Сколько раз твердили: чтобы выжить — нужно измениться! Я помогу Оле написать книгу, и мы издадим ее в подарочном варианте, с фотографиями, цветными вклейками. Потом — презентация! Да хоть у нас в университете! Оля сможет...»

Оживленный перекресток не испугал Игоря Ивановича, ему хотелось поскорее добраться до тишины и одиночества, чтобы хорошенько все обдумать. И послушать, наконец, «Отцвели уж давно хризантемы в саду». «На виниле романс точно должен быть! Приеду — сразу полезу на чердак!»

Светофор на пешеходном переходе мигнул желтым и включил зеленый свет. Игорь Иванович ступил на проезжую часть, но в кармане пиджака завибрировал телефон, он замешкался, приостановился, доставая аппарат, увидел высвеченное имя жены, приложил аппарат к уху и... В следующее мгновение его жизнь остановилась. И только через пропасть, провал, через ледяную вечность жизнь началась снова. Потому что на огромной скорости мимо него, буквально коснувшись ботинка, промчалось огромное ревущее чудовище — черный джип оглушил, накрыл, ошеломил и смял пешехода! Удара Игорь Иванович не почувствовал, но горячей душливой волной обдало его, на долю секунды прижатого к автомобилю, и покачнуло, отбросило! Он полетел от железного монстра, теряя равновесие, беспомощно махнув рукой, открыв рот в беззвучном крике, и рухнул спиной на асфальт, головой ударившись о бордюр тротуара!

— Да живой он, живой, может, зацепило слегка! Слышь, мужик? Повезло тебе!

— В рубашке родился! — кто-то мокрым платком протирал Игорю Сергеевичу лицо, и он, наконец, приоткрыл глаза — незнакомые люди окружали его.

— В «скорую» позвонили? Его в больницу нужно отвезти на обследование.

— Это ж надо! Полшага — и точно б по дороге размаза-

ло, с такой скоростью джипяра летел! ГИБДД вызывайте! Человека в лепешку расшибить могло! Мокрое место осталось бы!

— До чего дошло, на пешеходных переходах людей убивают! Я номер машины запомнила. И ведь не остановился даже, изверг! — пожилая женщина убрала мокрый платок со лба пострадавшего.

Игорь Иванович чуть пошевелился, попытался привстать. У него получилось. Через минуту не без труда и помощи подошедших он поднялся. В голове шумело, болела правая рука.

Ему помогли оправиться и отряхнуть от пыли пиджак, нашли телефон, который от удара об асфальт перестал работать. Потом появились полицейские, подъехала машина скорой помощи. Игорь Иванович отвечал на вопросы, давал себя шупать, мерить пульс и давление, что-то подписывал. Потом его везли в «скорой помощи» в приемный покой больницы. И там тоже спрашивали, шупали, заставляли что-то подписывать...

Домой возвращался в такси, сжимал телефон в кармане пиджака. Смотрел на проплывающую мимо городскую панораму холодными сухими глазами и думал о старике, который, по рассказу сына, так боялся опоздать к больной. «Славка уверен, что старик спасает свою жену. Но нет же, нет! — лицо Игоря Ивановича болезненно исказилось. — Это они даны нам для спасения! Они — для спасения... И если б не Олин звонок, если б на мгновение позже она набрала мой номер... как же почувствовала? Как успела?! Доля секунды — и я бы уже никогда никому на этом свете не смог ничего ответить. Вот уж воистину неисповедимы пути твои!..» Сухие глаза его наполнились горячими слезами, он пошарил в кармане — носового платка не оказалось — и кулаком неуклюже провел по лицу, конфузливо улыбнулся: «Ничего... будем жить».

СМС

«Итак, форум закончился. Дело сделано! Шеф доволен». Петр Григорьевич Калашников в поздний час шел по длинной пустынной улице, кутаясь в воротник драпового пальто, которое вовсе не спасало от колючего, с редким снежком ветра. В свете фонарей снежные заряды хаотично крутило, выбрасывало из светового потока, чтоб через мгновение снова завернуть их в бледно-оранжевый световой сноп. Корявые липки, высаженные вдоль тротуара, ловили невидимые снежинки и качали голыми ветками вслед проносившимся мимо авто. За деревьями прятались мерцающие бледными окнами новенькие мно-

гоэтажки. Словно гигантские великаны нависали они над Приморским проспектом и растворялись в мутно-сером небе. Было неудобно, сыро, стыло. Калашникову с каждым новым порывом хотелось еще больше ускориться! Разбегавшись на просторах Невской губы, ветрище пробирал до костей. Бегом — в такую погоду не погуляешь тихим шагом — к остановке автобусной. И домой, в тепло! Только б транспорт не подвел, времени в обрез, до закрытия метро меньше часа. А вдруг последний «бас», как случилось недавно, на маршрут не выйдет. Только б не сегодня! И без этого третье ноября наполнено событиями по самое горлышко. Форум сделали! Отработали как часики — тики-тики-так! Наконец мероприятие закончено, и шагавшему по мокрому асфальту усталому Калашникову хотелось забыть о работе, но она не отпускала! Застряли в памяти испуганные глаза мальчишек, менеджеров по площадкам. Зудели слова шефа о том, что цель у форума одна, а у организаторов их много! И все главные: заработать максимально, зарекомендовать себя экспертами в области инвестиций, сделать все филигранно!

Кто ж спорит, мелочей в бизнес-центре не было, с первого шага гостей под локотки вели. И очень кстати Калашников поставил на входе именно Дениса и куколку Ляльку! Не подвели, приветствовали участников так, что дамы подтягивали животы, а мужички плотоядно переглядывались.

— Несмотря на то что профессиональный конференционный бизнес зародился в нашей стране не более десяти лет назад, я оцениваю его будущее весьма и весьма позитивно, — монотонно гудел в ушах голос шефа, застрявший в памяти от бесконечных повторов на еще более бесконечных совещаниях. Международный инвестиционный стал первым для коллектива, собранного при администрации области. Калашников, правая рука шефа, числился арт-директором. Опыт работы в подобных мероприятиях у него, конечно, имелся, но здесь, в Питере, все впервые, и заново пришлось доказывать, что ты на своем месте... «Профи! Отработали во славу шефа. Дальше будет легче. А теперь до дома бы доплестись...» Калашников и не заметил, как сбавил скорость. Голову раскалывало. Но хуже того — тупая боль в животе, каждый шаг усиливал ее, будто расходовался, истончался отведенный на сегодня запас сил и движений.

— Объем рынка деловых мероприятий в России освоен не более чем на 15–20 процентов! Это наш шанс, друзья! А если мы... и если качество, и если результативность...

«Если?... — продолжал внутренний монолог Калашников. — Справились мы, Евгений Сергеевич! И ты почти не мешал», — невольно хмыкнул при мысли о шефе. Будто услышал здравицы в его честь, сейчас на банкете шефу точно поют дифирамбы, хотя сам он, конечно, сидит с

«випами» в голубом зале, на пятнадцатом этаже. Вид там открывается... Надо отдать должное, бизнес-центр выбран шефом очень удачно, с панорамой и на восточную часть Финского залива с его песчаными пляжами, и на большой ухоженный парк, сочные оранжево-белые новостройки — иностранцы только бровями двигали. В холле по очереди у чучела медведя фотографировались. Его шеф раздобыл на время форума. «Слава Евгению Сергеевичу, слава...» Калашников шел теперь совсем медленно, дотянуть бы до остановки, а там на автобусе до Новой деревни и метро. Эх, зря двинулся в ночь! Пристроился б на диванчике в комнате персонала, отлежался, пока молодежь гуляет.

В правилах Калашникова и раньше было лишь обозначиться на корпоративах: он обычно звенькал первой рюмкой и по-быстрому ретировался, мол, чего ему с молодыми-то байки травить? Сегодня ушел еще раньше, седьмым чувством понимая, что сил бодро «петь» в общем хоре в угоду шефу у него уже нет. Лучше с глаз долой, чем остаться в глазах окружающих слабаком. Интуиция сработала верно: валялся бы сейчас на диванчике, крячась от боли, пока б не обнаружили и не повезли в больничку. «Хорошо б в больничку...» Он не дошел несколько метров до остановки, фонарного столба с написанной на жестянке буквой «А» и расписанием автобусов. Пришлось приткнуться к железной балке невысокой решетчатой ограды, отделявшей тротуар от придомовой территории. Сидел, согнувшись от боли. «Ночь, улица, фонарь, а где аптека? Хоть бы болеутоляющее... хреновато уж очень. Загнусь на дороге. И ведь никто не хватится!»

Жесткие невидимые снежинки били по лицу, но Калашников не шевелился. Не от боли, от мысли, справедливой и беспощадной: «Никто не хватится... ребята на работе подумают, что, как бывало не раз, дома корплю, тем более выходные впереди. Сыновья в солнечной Анапе и вовсе ни о чем не догадуются, месяца через два, может, вспомнят, найдут номер в мобильнике и кроме как «телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети» ничего не услышат. А жена? Ну, какая жена у разведенного? Была Елена Прекрасная — да вышла вся».

Калашников застонал и от боли и от жалости к себе. Его скрюченная длинная тень на сыром асфальте выглядела намного внушительнее жалкой фигурки невысокого узкоплечего лохматого человека, почти воробья на жердочке. «Вот так финал... И случилось в Питере, на пике карьеры». В голове Калашникова уже составила картинка очоченевшего трупа в нелепо задранном драповом пальто с вывернутыми карманами. «Конечно, ограбят, — скрипел зубами, беспомощно раскачиваясь из стороны в сторону. — В морге рядом с бомжами сложат...» За этим приехал в культурную столицу? Целый год в коммуналке, перебивался с шабашки на

шабашку, и вот, наконец, пригласили в солидную контору... Вот оно — начинается! И теперь без него?

Калашникова мутило, спазм от сильной боли парализовал тело. Что с ним происходило, он определить не мог. Раньше такого не было никогда. Пустая холодная улица равнодушно качала жалкую тень, двигалась с нею вместе, норовя опрокинуть скрюченного человека наземь.

И он бы упал! Не на терку асфальта, а назад, на тронутую снежком, укрытую бурными листьями землю. Но впереди вспыхнули и все ярче горели мощные фары. Светящийся широколобый монстр — автобус плавно двигался к остановке. Мокрый асфальт золотом блестел перед ним. Двигались тени деревьев. И перед глазами Калашникова расплывалась картинка, мало похожая на реальность. В этом позолоченном преображенном пространстве боль, кажется, утихла. Он потихоньку смог разогнуться, потом, не веря себе, медленно поднялся с железной балки, шагнул к остановке. Войти в автобус, преодолев несколько ступенек, у него тоже получилось. Купил жетон у водителя, прошел в салон. И сел! Откинулся на спинку кресла. «Спасен. Не помру вроде?»

Через двадцать минут Калашников стоял на эскалаторе метрополитена на станции «Черная речка», теплый ветер трепал его шевелюру, а он старался не шевелиться и со страхом прислушивался к себе: «Отпустило? Неужели доеду?»

Доехал... Рухнул на диван, даже не сбросив ботинок. Свет из передней припечатался к линолеуму желтым квадратом, резал глаза, пробираясь сквозь сомкнутые ресницы. Встать и щелкнуть выключателем не было сил. Но даже не это раздражало и мешало заснуть Петру Григорьевичу, а осознание собственного бессилия. Меньше всего ему хотелось сейчас валяться в квартире на пятом этаже шестизэтажного дома по Каменно-Островской. Вдыхать тяжелый запах чужого съемного жилья. Нет! Уйти отсюда, двигаться, ехать, лететь! Куда? В Анапу.

Он никогда не был в этом городе, но подобно знаменитому венецианцу-картографу Фра Муаро, не выходившему из своей мастерской и создавшему потрясающие атласы и карты мира благодаря снам, Калашников «увидел» узкие улочки в колючих «мехах» итальянских сосен, белую анапскую набережную, солнечных рыбок, пляшущих на волнах, темно-зеленые водоросли в прозрачной теплой воде, морщины песка, намытые легким прибором. Елена Прекрасная, растрепав косы, бежала по пляжу, удалялась. Калашников лишь смотрел вслед. Останавливать не надо, она давно стремилась к этому ветру, солнцу. А главное, она чужая для него. Сильная, уверенная, успешная. Куда бежит? Где сыновья? Почему не с матерью? Ах да, мальчишки выросли, они теперь взрослые и самостоятельные. Главы семейств...

Проснулся Калашников от зуда мобильного. С трудом соображая, где находится, уперся взглядом в черные окна — ночь глухая. Застонал, возвращаясь в реальность: «Кто посмел? Убью!.. Неужели шефу с перепою не спится?» Нащупал аппарат в кармане пиджака, больше всего хотелось запустить им подальше, медлил, болезненно морщился, разглядывая незнакомый номер. Ткнул пальцем в экран и рубанул грубо, чтоб на том конце все правильно поняли по одной интонации: «Да! Говорите!»

— Па! Папа, это я, Роман! Слышишь меня?

— Ромка? — подпрыгнул на диване, узнав голос старшего, — Роман, что случилось? Где ты?! — в голосе Калашникова звенел страх за сына.

— Все в порядке! Я в Анапе. А ты где?

— В Питере, я ж рассказывал! Работаю здесь, вот первый международный форум организовали. Очень солидно! Ты чего среди ночи звонишь?

— Не поверишь... Короче, мы же с Риткой новоселье справили месяц назад. И я фотку твою на тумбочку поставил. Сегодня сидим на кухне часов в одиннадцать вечера, и вдруг шум из комнаты. Представляешь, портрет твой упал сам! Никого в комнате не было, и не мог он никаким образом сорваться. Полтергейст, слышишь? Упал, но не разбился, даже стекло не лопнуло. А я вот успокоиться не могу. Вдруг случилось что? Пап, я ж телефон поменял, номер этот сохрани! Думаю, вдруг ты дозвониться не сможешь?

— Я? Да, я не смог... вернее, не звонил, но думал... были проблемы. Как раз в это время, кстати! Спасибо, сынок! Спасибо, что вспомнил меня! Номер поменял давно?

— Давно, все собирался позвонить! Извини, заматался.

— Как вы там?

— Все хорошо! И у Сережки с мамой! Я тебе говорил, что у нее агентство по недвижимости? Крепнет! Вполне! Вы у нас люди успешные! Будем надеяться, что и мы с Сережкой в грязь лицом не ударим! Ладно, пап, извини, что потревожил! Не волнуйся за нас! В гости приезжай! В Питере у тебя кисель, а не погода! Приезжай!

Калашников кивал, улыбался растерянно... Мобильник уже лежал рядом, а Петр Григорьевич продолжал прислушиваться к отзвукам прозвучавшего из трубки. В конце концов зацепился за слова сына про «успешные». Ему льстило и в тоже время беспокоило признание Ромки. «Да... успешные. Всегда стремились! Сыны точно не подведут. Но... как же я не сказал ему... не предупредил!»

Перезванивать Калашников не решился, заснуть не смог. Под утро сочинил фразу и вбил ее в СМС: «Сынок, стремясь к большему, очень прошу — не потеряй главное!»

Читал, перечитывал, добавлял слова, потом стирал их. «Не поймет, — скорбел Калашников. — Я б в его возрасте точно не понял! Хотя...» Короткое СМС улетело в туманный ноябрь. ■

СВЕТЛАНА КРЕВСУН

Родилась и всю жизнь живет в кубанской станице Новодеревянковской. Работает заведующей библиотекой в школе № 44. Занимается краеведением, пишет очерки и рассказы об истории станицы и станичной жизни. Ни один сюжет для своих произведений Светлана Кревсун не выдумала — в основе каждого лежат реальные истории. Публиковалась в журнале «Станица», районных газетах «Каневские зори» и «10-й канал». В 2011 году вышла книга Светланы Васильевны «Родина быть должна», которую автор посвятила 190-летию образования станицы Новодеревянковской.

ГУСИНЫЙ СРАМ

Недалеко от станичной окраины жил довольный собой казак Петр. Все у него было: и куры, и гуси, и утки, и дойная корова, и телка с бычком, и с десяток свиней, и самое главное — крикливая и говорливая жена Галина, ребятишек двое. Ну и, как водится, тяжелый мотоцикл и легковая машина. Любил Петро летним знойным вечером выйти во двор с замысловатым видом в одних семейных трусах, почесывая округлившееся пузцо, и окидывать счастливым взором гогочущее и мычашее хозяйство.

А вечером да с хорошей закусточкой (сальце и яйца с картошечкой) опрокинуть рюмашечку своего, домашнего первача, выгнанного из чистого сахара на ядреной пшенице.

Этого священнодействия он не доверял никому, даже своей разбитной хозяйке Гале. Среди кумовьев Петр слыл «спецом» в этом деле.

Как-то, в очередной раз попробовав брагу, Петр счел ее негодной и, дабы не терять марку, вылил ее вместе с пшеницей в кормушку гусям — не пропадать же добру! На этом неудача тут же была предана забвению.

В это время в станице свирепствовал мор на домашнюю птицу. Станичники десятками уничтожали падших кур и гусей. И Петр с содроганием сердца каждое утро выходил на подворье, пересчитывал хозяйство — не перекинулась ли зараза на его живность.

Сердце Петра похолодело, когда он, войдя утром в загон для гусей, увидел кладбище мертвой птицы. Он ошалело уставился на 23 бездыханные гусиные тушки. Не помогли и прививки! Вот и верь медицине!

Петр потерянно поднял крайнего гуся за ногу — он мертво растопырил крылья, издав какой-то непонятный гык. Хозяин в сердцах отбросил птицу, та, упав, опять странно гыкнула.

Тут вышла во двор и зычно запричитала Галина.

— Ой, боже ж мий! Господы, ну за шо ж ты нас наказуйиш! Ну, хотя бы трохы сдохло, як у людэй, а тут вси сразу! Такы-ы-ый убыток! Давай, Пытро, хоть пыро выщипайим та сдамо, хоть трохы грощи вэрным....

Пусть и лаялась Галина с соседками то за выскочившую курицу, то за между на огороде, а то и вовсе потому, что душа требовала, но в тяжелую минуту наступал мир, и соседки бежали помогать друг дружке.

Кликнув «правую» соседку Наталку с «левой» Настей, Галина принялась за дело. Ощипанный пух бабы бросали в ваганы, а мертвые тушки в прицепленную к мотоциклу тачку. На птице оставляли только большое перо на крыльях.

Когда последняя тушка была ощипана, чтобы сердцу было не больно, Петр тут же завел мотоцикл и вывез падеж за станицу, на свалку. Благо ехать было недалеко.

Вечером Петро с Галиной, чтобы как-то развеять мрачное настроение, нажарили семечек и вышли на лавочку, где уже собрались соседки перемывать кости тем, кто еще не подошел.

Когда пересуд был в самом разгаре и горе-несчастье в пылу споров стало забываться, наши посидельщики услышали какое-то странное гоготанье. Все разом повернули головы на звук: к дому Петра, пошатываясь и стыдливо прижимаясь друг к другу-

ке, два шага вперед, один назад, подходили пьяные, ошипанные и осрамленные гуси. Зрелище из незабываемых!

— Ой, лышенько! Та шо ж цэ такэ! Пэтя, глянь! Ожили наши гусы! Ходим скориш заганять!

Проведенное Галиной расследование с пристрастием выявило казус с вывернутой бражкой и не мертвыми, а пьяными вусмерть гусями.

Благо дело, что лето было теплое и птица легко могла обходиться без «одежды», принимая загар и устраивая днем на подворье «нудистский пляж».

Вечерами Петро выгонял гусей на улицу пощипать травку у двора — «нагулять» жир. Проезжающие и проходящие мимо двора, не сведущие в гусиной трагедии, в изумлении останавливались и искали просвещенных в выведении нового вида гусей без перьев. Узнав, хохотали до упаду.

Постепенно пух на гусиных тушках стал отрастать, превратившись к осени в теплую зимнюю шубку.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ Бывальщина

Коммунист по велению сердца, рьяный партиец, кося сажень в плечах, Иван Тимофеевич в станице был на большой должности председателя совета. Самый главный в кубанском селении человек! Службу свою Иван Тимофеевич справлял добросовестно. Станичники были им довольны. Справедливый был дядька и, что немаловажно для женской половины селян, видный.

Любил председатель летом порыбачить, а зимой сходить поохотиться на зайца. Но еще больше любил Иван Тимофеевич, как и все из этой породы, порассказывать потом о невиданных размерах пойманных им рыб, о гигантских застреленных им зайцах.

Однажды морозным предрождественским днем, надев белый маскхалат, отправился Иван Тимофе-

евич в очередной раз на охоту. Долго бродил он по полям, пытаясь поймать на мушку серого, прошел не один десяток километров. И наконец-то удача! Добыча весила килограммов шесть—семь. Иван Тимофеевич положил зайца в специальный мешок и забросил за плечи под маскхалат.

На землю опускались сумерки. Домой идти несколько километров, но Иван Тимофеевичлетел, как на крыльях. Куда девалась усталость после удачной охоты?

Поскольку в поле хвастаться о пойманной удачей было не перед кем, Иван Тимофеевич бессознательно стал сочиняемый им рассказ проговаривать вслух. Шел и все шире и шире разводил руки для демонстрации размеров зайца.

Когда коммунист Иван Тимофеевич подошел к станице, были глубокие сумерки. Наохлившись, присыпанные снегом стояли станичные хаты. Обычно глухая стена постройки служила одновременно и огорожей от улицы, посреди этой стены было окно — как средство связи с внешним миром. У одних станичников в домах горел каганец, а у других, побогаче, — керосиновая лампа.

По небу лениво проплывали редкие облака. Играющая с ними в гляделки луна рисовала на снежном покрывале земли мигающую мозаику теней деревенских хат, изгородей, деревьев.

Чистый сладкий воздух переполнял легкие и немного пьянил. Но всей этой дарованной человеку свыше красоты Иван Тимофеевич не замечал. Снег смачно поскрипывал у него под ногами, а в душе звучала музыка удачной охоты.

И вдруг сердце нашего партийца, участника Финской и Отечественной войн, оборвалось. По телу поползли предательские мурашки, а душу парализовал страх. За долю секунды пронеслись перед глазами яркие картины деревенских баек об огненных колесах, о скачущих безмолвно лошадях. А все потому, что увидел Иван Тимофеевич на снегу падающую откуда-то сверху, делающую странные пассы человеческую тень. Было похоже, что небесный байкер пытается завести мотоцикл.

Коммунист Иван Тимофеевич поднял голову: на

фоне яркой луны стояла на крыше хаты ведьма, размахивала метлой и пыталась взлететь. Рядом с ней, подергивая поднятым хвостом, ее пособник — колдовской кот.

В следующую секунду кот свирепо мяукнул и прыгнул на представителя власти. Иван Тимофеевич в ту же секунду дал деру. Он не помнил тот промежуток времени, когда бежал, — опомнился председателем, лишь поняв, что дома.

Сердце бешено колотилось, пот застилал глаза, расширенные от страха зрачки никак не хотели возвращаться к первоначальному размеру, брови предательски ползли вверх.

Стоя у двери в хату, пытаюсь отдышаться, Иван Тимофеевич почувствовал, что потерял шапку. По всей видимости, ее сбил прыгнувший ему на голову, почувшавший запах свежего заячьего мяса ведьмин кот.

Глава неожиданно для самого себя в испуге поднял голову: не летает ли над его подворьем нечистая сила?

«Я, коммунист, партиец, участник двух войн, испугался какой-то антисоветской ведьмы! Что скажет партия, если узнает?» — пронеслось в голове Ивана Тимофеевича.

Зубы председателя мелко постукивали, сопротивляясь его коммунистическому мировоззрению.

Чтобы домашние не увидели волнения, председатель первым делом пошел в сарай разделять зайца, и здесь его осенила спасительная мысль: пойти завтра к бабке Куделихе, на хате которой он увидел неопознанный объект, и как коммунисту, борцу с мракобесием, во всем разобраться.

На следующий день, едва рассвело, Иван Тимофеевич двинулся в путь. При подходе к хате Куделихи сердце председателя непослушно заколотилось.

Иван Тимофеевич постучал в окно:

— Параска Мытрофановна, ты тут жива? Я от совета прыйшов узнать, ты тут ны в чем ны нуждаешься?

— Тимохеич, цэ ты? Заходь! — и Куделиха, снимав засовы, открыла дверь.

— Ну як ты тут, Мытрофановна, як дила?

— Ой, Тимохеич, шо ж мини було! Затопыла я вчера пичку, а дым увэсь пишов у хату, я и полизла старистью ночью дымарь прошишкарыть митлою, той, шо в синях стояла, и кит за мною увязався. Тикэ стала дило робыть, як гляну у ныз, а там стоить черт, весь бильий, сзади горб и руки розвив, собирайтесь прыгнуть, мэнэ схватить, старуху. Надругаться рышив, нычиста сыла! Мать знасылувать надумав.

— Та вы шо, Мытрофановна! Ны можэ такого быть! А вы его ны взналы?

— Ни! На его кит мий як прыгнэ, ну я й ны стала дожидаться, колы вин моего кота зыйисть, а тодди за мэнэ прыймытсья. Я тожэ як прыгну назад и покотылась с крыши. Та добрэ шо сниг в кучу пид хатой росчишала и скидала. Так я в ту кучу и впала! А то, можэ, и пичинкы сыби б поотбывала.

— Ны дай Бог, Мытрофановна, оцэ старистью так стрыбать! Дай вам Бог здоровья! — посочувствовал глава.

— Так я в хату заскочила, пичку бильшэ ны топыла и всю ничь ны спала, ждала, колы вин, нычиста сыла, за мной прыйдэ. А утром, оцэ ныдавно, тикэ розвыднылось, дай, думаю, пиду подывлюсь на тэ мисто, дэ вин стояв. Глядь: ось чиясь шапка лыжить. Наверно, Тимохеич, вин ужэ когось зыйив!

— Ну нади ж, Мытрфановна! Цэ дило надибно розибрать навырху, в Органах! Шо за сыла на нас идэ? Ты давай мини шапку для следствию и ныкому ны розсказуй, а то могут арыстувать. За розглашение государственной тайны! Ты ж сама знаишь, шо у нас цэ ныдовго...

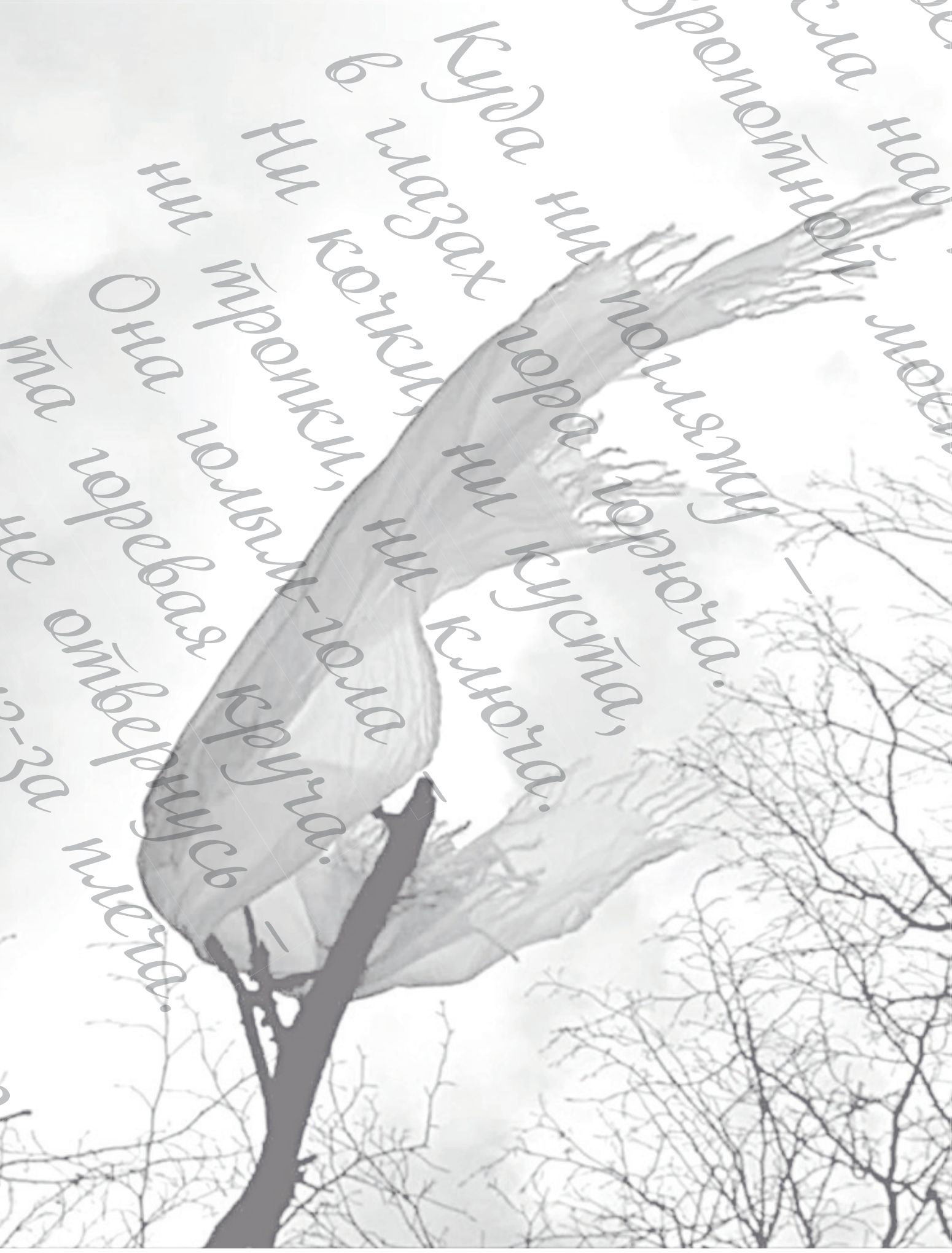
— Та свят-свят, Тимохеич. Та упасы Божэ! Могыла!

И Иван Тимофеевич, попрощавшись с Куделихой, вышел на улицу. Было красивое морозное утро. Добрые снежинки неспешно опускались на землю. Чистый воздух настойчиво обволакивал: «Я тут главный!» — казалось, кричал он. Снег радостно похрустывал под ногами.

Вздохнув полной грудью, Иван Тимофеевич подумал: «Красота! И никакой тебе нечистой силы!» ■

Куда ни поезжу
Гору гору —
Ни когем,
Ни кустя,
Ни тронем,
Ни ключа.
Она польм-пола
Круча.
Она польм-пола
Круча.
Она польм-пола
Круча.

АННА РЕВЯКИНА

Родилась в 1983 году в Донецке. Поэт, автор книг «Сердце», «UNTITLED», «Хроники Города До. Безвременье», «Зубная фея», «Dominus», «Шахтерская дочь». Член Союза писателей ДНР, член Союза писателей России. Кандидат экономических наук, доцент Донецкого национального университета.

ШАХТЕРСКАЯ ДОЧЬ

***

*Здесь густая трава и беспечные песни
сверчков,
здесь разверзшийся ад среди райского
лета.*

*И плывут облака по чернильному небу
зрачков,*

*и в кармане сломалась последняя
сигарета.*

*На войне не бывает ничьих, только
свой и чужой.*

*По чужому стрелять, своего
прикрывать, что есть силы,
повторять: «Слава Богу! Живой! Слава
Богу! Живой!»*

*И звонить дочерям с почти севшей
мобилы.*

*И любить сыновей, тех, что рядом — в
окопе, в пыли —*

*делят тяготы дней, делят хлеб и
говяжьё тушенку.*

*Эти воины — дети кротоми изрытой
земли,*

*вместо нимба Господь отдал им
коногонку.*

*Вместо сердца Господь даровал
антрацит,*

*вместо вдоха степного — горючесть
метана.*

*Здесь густая трава, что так ярко,
чадаяще горит,
словно вечная слава победы на груди
ветерана.*

***

*Это был страшный август четырнад-
цатого года, два народа шли в лобовую.*

*Николай с лицом черным, как добывае-
мая им порода, прикрывал собою горя-
щую передовую. На его руках умирали и
воскресали, на его глазах открывались
ходы в преисподнюю. Город детства
его, город угля и стали, превращали в
пустошь, в пустыню неплодородную.*

*Сеяли смерть, как раньше сеяли хлеб,
сеяли ужас, боль и жуткое «зуб за зуб»,
а зеленые пацаны, утверждавшие, что
смерти нет, рыдали от страха, увидев
свой первый труп. А увидев второй, на-
чинали, кажется, привыкать, говори-
ли: «Война — не место для бабьих слез!»*

*И у каждого в городе оставалась мать,
в городе миллиона прекрасных роз.*

***

*Мы – подвальные, мы – опальные,
кандалы наши тяжелы.*

*Мы – идея национальная,
мы – форпост затяжной войны.*

*Черной совести боль фантомная,
боль, что мучает по ночам,
эта домна внутри огромная,
наша ненависть к палачам.*

*Мы священны, мы убогие,
мы у Боженки в рукаве.*

*И глаза Его слишком строгие,
И следы Его на траве.*

*Утром встанем, пересчитаемся,
похоронимся, поревем.*

Эх, война-война – девка та еще!

*Частоколы да бурелом,
заминированы окраины,*

человеческий страшный суд.

*Авель помнит, что всюду Каины,
только высунешься – убьют.*

***

*С нами Бог, с нами солнце и с нами
дождь,*

зарядивший снайперскую винтовку.

*Это поле – рожь, а за рощей – ложь,
а за ложью – ружья наизготовку.*

Это поле – ржавчина старых битв.

Что посеет ветер степей разъятых?

Террикон лежит, словно мертвый кит,

облака плывут, облака из ваты.

*Золоченый гулкий степной закат,
уплывает солнце за край планеты.*

Кто во всем случившемся виноват?

Кто спасет распятую землю эту?

*А с неба не снег, а серые лепестки
пепла.*

*Мария лежит, и горы над ней огромны,
но Мария не видит горы – она ослепла,
врастая хребтом в донецкие
черноземы.*

*Она захлебнулась огнем, прикрывалась
дымом,*

*ползла, а после бежала к густой
зеленке,*

*держала винтовку крепко, так держат
сына,*

младенца, завернутого в пеленки.

*Ей было почти не больно, почти не
страшно,*

*ее прикрывали громкие пулеметы,
на палец левее – в одном километре*

башня,

а справа стоят огнедышащие расчеты.

*– Ребята, прикройте, я отхожу,
ребята! –*

*Мария кричала и падала навзничь в
почву,*

*и кровь ее растекалась, как сок
граната.*

Мария, моя Мария, шахтерская дочка.

*На самой вершине дальнего рыжего
террикона,
где колокольный звон — музыка из
привычных,
они встретятся — отец и дочь —
натянут сетку для бадминтона,
а у подножия плещется море — поле
пшеничное.
И у них не будет другого занятия,
кроме счастья,
и только Донецк с его улицами,
проспектами и мостами
навсегда останется с ними, будет их
лучшей частью,
навсегда останется с нами —
погостами, розами и крестами.
Это память, с которой не стоит
бороться, она нетленна.
Я помню звук, с которым стреляют
«Грады», ложатся мины.
Но Донецк — это не просто город, это
вселенная,
Донецк — это шахтерские девочки и
песня их лебедина. ■*

ВЯЧЕСЛАВ ТЕРКУЛОВ

Поэт, ученый, автор трех книг, член Союза писателей ДНР. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета. Академик Международной славянской академии наук, искусств, образования и культуры. Родился и живет в Донецке.

В ДОНЕЦКЕ ДОЖДЬ

*В Донецке дождь – плащи, дождевики,
Беспрецедентных зонтиков стихия:
Штрихованные улицы хмельные –
Гравюраами неопытной руки,*

*Троллейбусы, маршрутные такси...
Прохожие в переплетенье улиц
Бегут к машинам, под дождем сутулясь,
Сжимая мелочь нужную в горсти.*

*Дождь без труда нарисовал Собор,
Рисует нищих по дороге к рынку,
Цветочных будок пестрые картинки
И чей-то торопливый разговор.*

*Дождь по проспекту движется к реке,
В ней ощущая родственную душу,
Дождь многолик, исполнен всякой чуши,
Он еретик, безбожник, сатдукей.*

*А ты так юн, тебе семнадцать лет,
Ты только что вернулся из Алушты.
И дождь пошел легко, великодушно
Вплетаясь в дым отцовских сигарет.*

*Откроешь форточку, чтоб подышать грозой,
И ощутить дождя соленый привкус,
И осознать, что жизнь не получилась,
И посмеяться над самим собой.*

*А дождь стучит морзянкою морской
О кораблях, финвалах и касатках,
О странных снах, придуманных украдкой,
О безуспешной жизни городской.*

*И запах кофе, сдобы аромат,
И улица Артема за окошком...*

*И нежный лепет как бы понорошку,
Пока не слышен грохот канонад.*

*День отшумит, день превратится в ночь,
Погаснет свет и силуэты в окнах...
И будет дождь, и дождь придет с востока,
Ты выйдешь из дому, куда-нибудь пойдешь...*

*И, как всегда, ты что-нибудь поймешь
И снимешь плащ, промокиший, церемонно...
И повторишь кому-то грустно, сонно:
«Есть город, есть Донецк: в Донецке – дождь».*

УВЕРТЮРА

*Ты ветер над полем, полынным, штормящим,
прогорклым,
Несущий листву непонятных ночных сообщений,
Ты гений,
Бессонный, бездарный, бездушный, стоокий,
Но все-таки гений...*

*Ты утро, ты кофе, ты несколько слов на прощанье,
Бессмертные книг и прочитанных лекций
минутность,
Ты гулкость ступеней, ты тело, покрытое
тканью,
Безлюдие улиц...*

*Ты снег в декабре, ты деревья, фонарь у подъезда,
Прогулка с собакой под вечер в преддверии чая,
Ночные беседы на кухне, вино, сигареты,
Звонки, на которые
Не отвечали...*

*Когда-то (полвека тому) это стало телесным,
Вселенная выросла, вместе с тобою взрослея,
Но, кажется, скоро
Придуманность эта исчезнет,
Как ветер, как утро, как гулкость озябших
ступеней...*

КОСМОС

*Перед выходом в открытый космос утренней
свежести,
Держась за ручку подвездной двери межпланетного
корабля –
Дома,
Ты переполнен какой-то нелепой, бессмысленной
нежностью,
Предвосхищение выхода в открытый космос
боготворя...*

*Ты отворяешь дверь, впуская рассвета
непрочность,
Птиц гомонящих, поющих на ветках какую-то
ерунду,
Шарканье дворников, лепет детей, крик
молочницы
В легкие,
И задыхаешься на ходу...*

*Ты сегодня почти Гагарин, вернее, Леонов,
Гагарин... Леонов... О чем ты думаешь? Какая
разница?
Ты надеваешь на себя космос –
Утренний, терриконный –
И путешествуешь по нему, шатаясь, как
невывисавшийся пьяница.*

*Ты шатаешься, ты медведь-шатун, ты очнулся
от спячки,
Ты вышел в космос из берлоги своей словарной
работы,*

*Ты даже не помнишь, на что еще вчерашний день
был потрачен –
Ты даже не знаешь, что вчера была среда, а не
суббота.*

*Но это неважно, день проживается, чтобы быть
пережитым,
Чтобы где-то на клавиатуре осталась
неосознанная рифма
О том, что ты в космосе, что ты уже вышел на
орбиту
Наступившего утра, несущего в себе все признаки
мифа.*

*Пятьсот шагов от подъезда к автобусной
остановке
В метеоритном дожде, в астероидах машин,
порождающих скорость...
Ты становишься персонажем в утренней
акварельной зарисовке
Разноцветной художницы, рисующей космос.*

МАРИЯ

*Мария красива, потому что она Мария,
Потому что она существует в написанных кем-
то полотнах.
Она королева эфира, вырывающегося из диглосии
несказанных слов, мелодий свинга, души
бесплотной.*

*Мария ходит в красивых одеждах, а иногда без
оных,
И это важно – она гармонична в обнаженности
времени,
И утром ее согреет кофе, озвученный в телефоне
Вчерашнего дня, прожитого келейно*

*В разговорах с подругой, в заботах о хлебе
насуцном,*

*в прикосновениях дождя и бездушных прохожих...
Мария, завтрашний день будет намного лучше:
Он будет пульсировать в венах под тонкой кожей.*

*И ступа ступеней отзовется гулко в этом пульсе,
и пятен не будет на солнце, но будут на небе,
Которое исполнено по всем законам искусства.
И как тут поверить в то, что ты не Небыль?*

ГРОЗА

*Гроза пролетает над городом певчею птицей,
Поющей тирольские песни сигнализации,
Гроза у оставленной книги листает страницы,
Заучивая наизусть
Абзацы.*

*Гроза начинает звучать как японский оркестр —
Карнизами, стеклами, крышами и чердаками,
Гроза по дорогам летает как манна небесная,
Чтоб стать сочиненными ночью
Стихами...*

*И зелень травы, и несказанность, странные
мысли
Под громы и молнии стали единым пространством
Грозы безутешной — рисунка супрематиста,
Искусства, граничащего
С хулиганством...*

*Все стихнет, пройдет, ничего не оставив на
память,
И я позволю тебе — просто, чтоб было что
вспомнить...
Гроза над Донецком — томительная, колдовская...
Прощанье
С весной...*

СЕЛФИ

*Город Донецк переполнен дождем.
Делаем селфи с моей аспиранткой.
Сквер, полусумрак и памятник танку,
Пушкин, кофейня. Куда-то идем,*

*Что-то читаем, спеша, как в бреду,
Рифмами шить неумелые строчки,
Город — осознанный первоисточник
Избранных слов. Поцелуй на ходу*

*Запечатлен возле входа филфака:
Наши студенты живут как всегда
В этом дожде, в Гефсиманских садах,
В Питере, Страсбурге и на Итаке.*

*Взглядом рассеянным их проводив,
Мы позабудем о старых тревогах.
Ветер сентябрьский и эта дорога
Переживают, преобразив*

*Город, весь вечер живущий во мне
Отсветом фар, дождевым хронотопом,
Библиотекой, всемирным потоком,
Блеском склонившихся ниц фонарей.*

*Мир отражается в зеркале луж,
Небезуспешно становится небом,
Терпким вином, мандаринами, хлебом,
Нежным ловцом зазевавшихся душ.*

*Мир возрожден в телефонных звонках,
В старых друзьях, неожиданных встречах,
Дождь, постепенно спустившийся вечер,
Город, постигнутый мной впопыхах... ■*

ДИАНА ДАСКАЛИЦА

Родилась в 1997 году в Севастополе. Студентка 3-го курса факультета журналистики Кубанского государственного университета. Пишет стихи и прозу. Ранее не публиковалась.

ГОРОД У МОРЯ

5-18

Мне пять лет.

Воздух душный и более сочный, пахнет спрелыми водорослями и солью, галька жарит. Один маленький камушек, острый, встрял меж пальцев. Я морщусь. Больно. Скоро мама вернется. Я вижу, она спешит. Ей страшно, ведь плавать еще не совсем умею. За руку оттягивает на пару шагов и кричит, что еще раз, и я получу по шее.

Мне пять лет.

Пахнет ладаном и свечами, шею натер платок из сизого хлопка. Я чувствую, дед стоит за моими плечами и кто-то еще, кого я не вижу толком. Мне жарко, и крестик кажется тяжелой ношей. А скоро причастие? А «Отче Наш» уж спели? Каждый глас хора я ощущаю кожей. Ну. Наконец-то. Дашенька дотерпела.

Мне пять лет.

Девочка кажется мне забавной. Ленгты, бублики из волос, дичка, бабушка Нэля. Я не знаю еще, что потом беседы о Главном будут именно с ней вестись на ночной качели. Темная, рыжая, тонкие ноги и руки.

Я смеюсь. Щеки в разводах клубники. Целую горсть ссыпаю в чужие руки. И в этот час мы счастливы и велики.

Мне восемнадцать.

Воздух прозрачен и свеж. Ноги — в кроссовки, еле успеть в трамвай. Я научилась совсем не питать надежд и легким дыханьем взбивать непокорный май. Щеки все те же, волосы — тот же цвет. Я их обрезала, как отсекаю Крым.

Вспоминаю, как ощущала любовь в пять лет.

Консервирую свет и иду, наполняясь им.

2014 г.

ГОРОД У МОРЯ

*Я пишу осколками мыслей и облаком солнечной бури,
Вздымающей в сердце пламень. И шторм из света
Пронзает иглой золотую путь старой пули,
В плечо прочно встрявшей мечтой о счастли-
вом лете,*

*В котором-то точно будет все по-другому:
Не так отчужденно, не так тет-а-тет с собою.
Но взгляд неизменно стремится обратно к дому
И падает в море чайкой, как сталь, седого.*

*Прости, Севастополь, ты мал для меня безмер-
но.*

*Ты мил для меня бескрайне и дорог мне как
душа.*

*Но впредь оставаться в стенах из пены соленой
— терпко*

*И горько. Я чувствую ветер, зовущий уйти
навсегда.*

*Я чувствую запах солнца, осколки лучистой
бури,
Бессовестный трепет пальцев, доверчивый
шелест волн.*

*Я чувствую, Город Славы, прозрачный в своей
лазури,*

*Что ты — отправная точка в бушующей жизни
шторм.*

*Пускай разобьюсь о рифы, пускай меня свалит
горе,*

*Пускай мое сердце бьется как будто в последний
раз!*

*Покой сбережет мой пучина самого Черного
моря,
Чья гордая воля сочится живым родником из
глаз.*

2014 г.

***

*отпусти меня,
нет сил болеть твоим именем сильным.
отпусти меня,
в глотке сухо и пальцы хватают дым.
отпусти меня,
под небом смертельно синим
мною после тебя другой человек любим.
отпусти меня,
тень, проходящая в трещину,
я уже больше года тебя отпустившая,
никогда твоего не бывшая
женщина
А.Г.И.
отпусти.*

***

*До какой же степени надо ценить человека,
Чтобы сотни стихов посвящать ему одному,
Чтобы, зная, что чтит другую, в начале века
Через здравый смысл стремиться душой к
нему?
Он этого, слава Богу, не замечает.
Чувством своим не желаю мешать ему жить.*

*«Я тебя отпускаю», — но это вовсе не означает,
Что я хоть на минуту забыла или устала тебя
любить.*

2014 г.

*Синий цветущий
сдается, я не посвятила конкретно тебе ни
строки
целенаправленно,*

*не растекаясь пеной по водной глади,
не знаю, стоит ли исправляться и штамповать
стихи —
свинец печали к виску не приставлен.*

*так и пустое я, ты, нас. или без этого нас
знать
чего ради.*

*может быть, статья, я от того и молчу,
в себе резонирую
без явных всплесков.*

*боюсь, видно, что сквозь буквы свои кричу,
дышу твоим воздухом,*

если не тобой,

и

п

р

о

е

ц

и

р

у

ю

каждое лезвие взгляда,

блакитно квітучого,

в пришедший сквозь сон язык нежных жестов.

2015 г.

***

Он знает, что юность на ощупь, как грубый лен.

*Но ваша любовь сквозь пальцы, как сизый тюль,
Как жидкое нежно-розовое стекло
В оправе очков превращала печаль в июль.
Душа его, солнечный с пылу да с жару корж,
Задыхалась от счастья и плавил неба глазурь,
И она стекала с дождем и питала рожь
Ваших ржавых волос. В глазах любящего лазурь
Разлилась океаном, не знающим берегов.
Он помнил ваш смех, что звучал, словно звон
клинки,
Стремительным шагом летящий за сто шагов.
Помнил, что ваша поступь упруга, рука легка.
И волосы: ржавая рожь да янтарный мед.
Загар на руках, что пахли, как свежий хлеб.*

*Он увидел весну (но ее отражает лед)
И взял ложный след.*

***

*Проведи меня, Боже, за руку за собой.
Я устала «налево-направо» считать шагами.
Не поймешь ведь сразу, какой из отрезков — мой,
А какой из путей пойдет трещинами под нога-
ми.*

*Я же знаю, ладонь твоя нежная, словно лен.
Нет уж сил чеканить стихи искрометным
маршем.
Скользкий путь по лезвию мысли и меж знамен
Бесконечно долог и безразмерно страшен.*

*Это даже не те слова, что хочу пропеть.
Это даже не та молитва или прошение.
Это просто... Гулко звенящая хохотом медь,
С родника чистотой внеплановое воскресенье.*

*Ошибиться нельзя. Но любой из вариантов —
пуст.*

*Словно пьяная вспышка мерцаю в туманном
круге.*

*Танго собственной лжи сливается в гулкий
хруст.*

Уведи же меня за собой. Я не вижу дороги.

27.12.2013 г.

***

в тот день

*твоя улыбка будет бархатней, чем обычно,
часы ломаются и кофе прольется на пол.
цвет глаз голубых, таких мило-привычных,
разольется бурлящим морем с востока на запад.*

в тот день

*солнце поцелует в висок нежно и кротко,
и кошка свернется сонным клубком у моей
лодыжки,
по делам будем бегать летящей походкой,
сдерживая улыбки, чтобы чужим не бросалось
слишком*

в тот день

*волосы будут уже длиннее лопаток,
лицо — уставшее донельзя, но все же то же
и в жизни, и дома условный порядок,
как перестать влюбляться в тебя вновь и вновь,
Господи Боже?*

в тот день

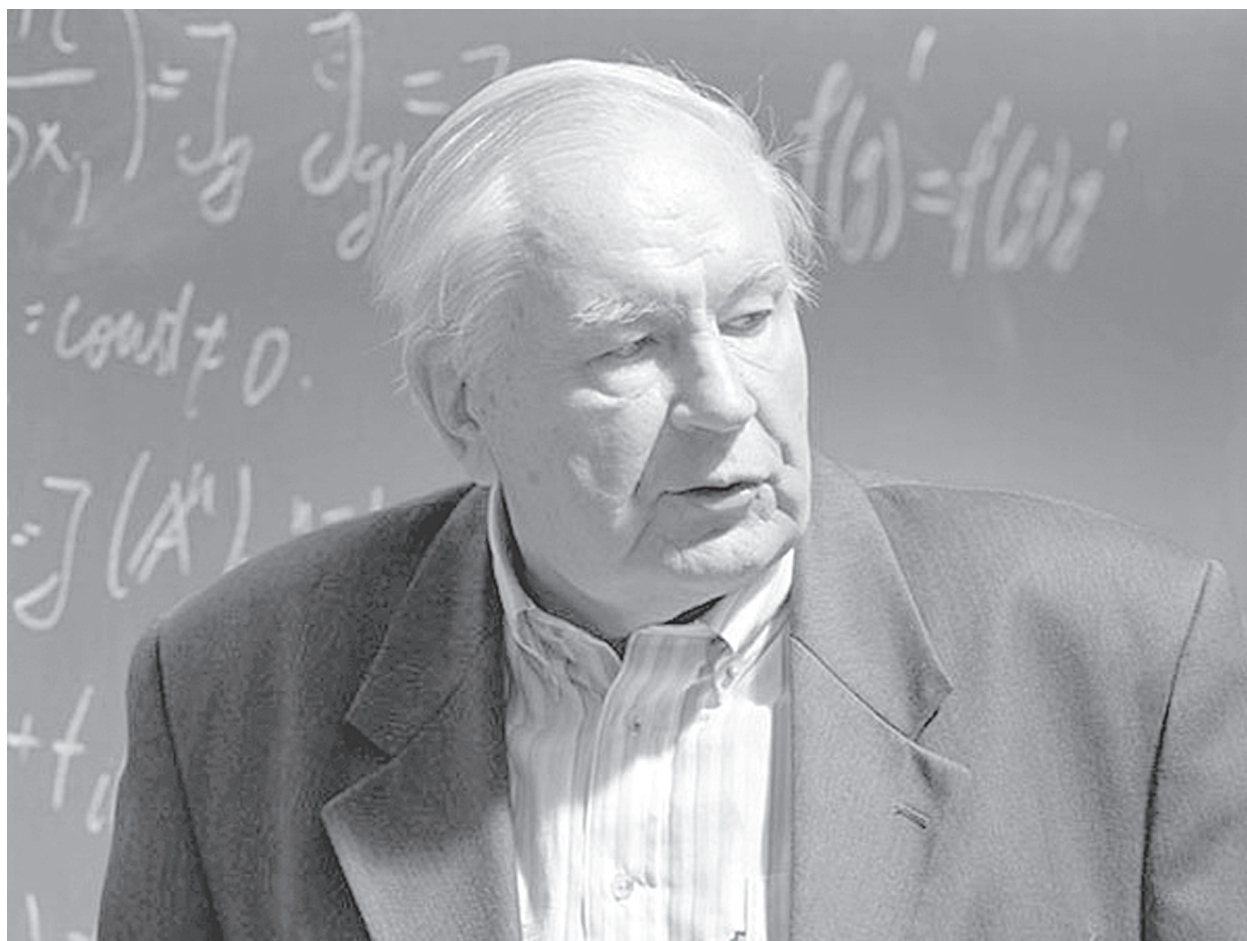
*наверняка будет много грязной посуды
(как обычно),
неважно, какие волосы, какая погода,*

*я буду сидеть и ждать с терпением Будды
у моря погоды. ■*

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ РУССКОЙ МЫСЛИ

Это интервью Игорь Ростиславович Шафаревич дал Капитолине Кокшениевой в 2001 году, когда их объединял журнал «Москва» и писатель Леонид Бородин. Теперь, после кончины выдающегося русского мыслителя, математика-академика РАН, все сказанные им прежде слова звучат и понимаются особенно остро.

ВСЕ СТАЛО ЯВНЫМ

К.А. Кокшенева: Игорь Ростиславович, расскажите, пожалуйста, нашим читателям о себе и семье, в которой вы росли.

И.Р. Шафаревич: Родился я в 1923 году. Я всю свою жизнь прожил в Москве, но родила меня мама в городе Житомире, куда она уехала потому, что ее отец там был управляющим государственным банком и имел квартиру, а в Москве у родителей не было отдельной квартиры. Несколько месяцев я был вне Москвы, а потом вернулся вместе с мамой.

Родители мои происходили из небогатой дореволюционной интеллигенции, но все-таки это были люди с высшим образованием. Я окончил позже тот же самый факультет — математический в Московском университете, что и когда-то мой отец. А мать окончила Бестужевские курсы как филолог. Но после революции они уже работали не по специальности, а там, где могли, чтобы заработать деньги на содержание ребенка (то есть меня) и своих родителей.

В Москве жили мы типичной жизнью того времени, и так я прожил половину своей жизни. Это была громадная коммунальная квартира. Адрес наш я часто встречал на нотах — до революции в нашем доме располагалась известная нотная типография. А потом печатный зал, где стояли станки, был переоборудован под квартиры и разделен на комнатки. В нашей квартире было семь семей. Двадцать один человек жил в этой квартире с одним умывальником и одной кухней. А летом снимали обычно то, что теперь называется дачей. Крестьяне сдавали одну комнату в доме, которую мы и снимали.

Пожалуй, первое пробуждение духовно-ин-

теллектуальных интересов началось тогда, когда мне случайно попала в руки книжка по истории. И, как я сейчас себе представляю, довольно неинтересная. Это была книга по древней истории для немецкой гимназии, переведенная на русский еще до революции. На меня она произвела громадное впечатление. Я помню свое чувство — передо мной открылся мир; я осознал, что мир существует не только в тот момент и в том пространстве, в котором я сейчас живу, но что он бесконечен — и в пространстве, и во времени. Это был жизненный переворот. Я начал читать очень много книг по истории.

Мой дед, отец отца, был школьным учителем и любил собирать книжки. Он покупал книжки без переплета и сам их переплетал (не потому что жил он недостаточно богато, а просто был, видимо, скуповатым человеком). Вот в таком домашнем переплете я их и читал. Некоторые эти книги сохранились до сих пор в моей библиотеке.

Я запоем читал книги по истории. Это был мой первый выход в духовный мир.

К.К.: И когда же возник интерес к математике, которой вы верны всю свою жизнь?

И.Ш.: Не очень понятным для меня образом увлечение историей резко сменилось увлечением математикой. Тогда мне было лет двенадцать. Увлечению историей были отданы предшествовавшие, может быть, года четыре. Почему это произошло, я не знаю. Помню, что я болел и начал, чтобы не отстать, читать учебники по математике. Мне это показалось интересным, стал читать книги помимо обя-

зательной программы. Обаяние математики, стройность, красота построений на меня произвели очень большое впечатление. Отец к этому моменту преподавал уже теоретическую механику, но у него книжки и по математике были.

Я задумывался о том, как же все-таки произошла эта смена? У меня такое подозрение, что я как-то почувствовал, что для занятий историей нужно идти на очень большие компромиссы. На самом деле и в то время были очень хорошие историки, которые умели находить свою линию. Тихомиров, в частности. Однако общее чувство было правильным. Я не помню никаких своих сознательных мыслей по этому поводу, скорее сложилось все как чувство.

Я стал заниматься математикой. Потом мне разрешали на механико-математическом факультете сдавать экстерном экзамены, я учился в школе и за несколько лет одновременно сдал экзамены за большую часть университетского курса. И как-то вообще вошел в эту среду. Университет был колоритным местом, там было живое общение преподавателей со студентами, студентов друг с другом. Много узнавалось в общении и со старшими студентами, знавшими немного больше. Знания формировались и «из воздуха», в общении. Кроме того, читалось много факультативных курсов. Это было время расцвета советской математической школы. Было очень много ярких математиков.

Перед Отечественной войной я окончил университет, поступил в аспирантуру. Началась война, я эвакуировался с университетом в Ашхабад, потом в Свердловск, защитил кандидатскую диссертацию и переехал в Математический институт Академии наук, который был эвакуирован в Казань, а потом вернулся в Москву. И так в этом институте я начал с конца 1942 года свою работу. Я тогда был принят докторантом для подготовки докторской диссертации, и до сих пор, почти 60 лет, я работаю

в этом институте. Из них 30 лет я заведовал отделом. Потом по возрасту я ушел с должности. Сам же выступал за эту реформу Академии, за ограничение срока, при котором можно заниматься ту или иную административную должность. Сейчас я являюсь советником Академии. Это форма почетной отставки. Вся жизнь моя там и прошла.

Кроме того, часть моей математической жизни заключалась в том, что я с того момента, как Математический институт вернулся из Казани в Москву, стал преподавать в МГУ еще совсем молодым человеком, так что студенты первого курса иногда были старше меня. Всякое было — в какой-то момент меня увольняли, потом опять принимали. Но все-таки преподавал я больше 30 лет и имел много учеников. Кандидатскую диссертацию у меня защитили 34 человека, примерно половина из них потом защитила докторские. В 1975 году я был уволен из университета за диссидентские грехи. Такова внешняя сторона моей математической биографии.

К.К.: Другая сторона вашей биографии, как мы знаем, связана с осмыслением тех процессов, что происходили в советском обществе. Вы начали писать без надежды когда-либо напечатать философские, публицистические, социологические статьи?

И.Ш.: Да, была у меня и еще одна биография. Может быть, это все восходит к моим детским интересам к истории. Мне всегда казалось важным понять (и это просто нормальная человеческая реакция) ту жизнь, которой ты живешь, то общество, в котором ты живешь. И вот когда-то, уже после смерти Сталина, возникло чувство, что в обществе что-то меняется. Раньше было впечатление, что наше общество, как мощная железобетонная конструкция, построено на века. А теперь вдруг появилось ощущение, что оно становится пластичным и подвижным. Что сама его подвижность зависит

от людей, от их действий. И совсем не реагировать на окружающую жизнь — это значит уходить от своей личной ответственности. Было такое чувство, что необходимо свои размышления распространять на современность и делать их более активными.

К.К.: Какими были ваши первые опубликованные размышления?

И.Ш.: Я писал и раньше. Как я мог реагировать на реальность? Склонности к партийной, организационной деятельности у меня никогда не было. Я мог только попробовать осознать происходящее через чтение, составлял записки, делал выписки. Сам писал. А потом появился самиздат. И первое, что было мною сделано для широкого распространения, — это документ о положении Церкви в Советском Союзе. Это, надо сказать, было загадочное явление. Да, было ощущение, что после увлечения марксизмом, которое постепенно выветрилось, все сложилось в бюрократическую систему несколько азиатского типа — жесткую, существующую по принципу властного подчинения. И возникал вопрос: а чем же мешала такой системе Церковь? Ведь в брежневское время Церковь, казалось бы, была согнута до конца предшествующими хрущевскими гонениями. Если еще в начале революции можно было представить себе, что у новой власти от страха глаза велики — а вдруг эти «попы» поднимут против нас народ? — то уже позже ничто внешне не препятствовало власти. Церковь не боролась с властью, все принимала, что ей навязывали. Никакого даже поползновения к сопротивлению власти, казалось бы, не было. Но тем не менее Церковь вызывала непреодолимое отталкивание. Власть ощущала, что Церковь — это то, с чем одновременно существовать нельзя.

Я начал интересоваться, читать законы государства относительно Церкви, мне в этом помогали. Там были, например, законы такие:

причастить священник мог тяжелобольного или умирающего в больнице, но при наличии специально для этого приспособленного и изолированного помещения. Что это за специальное помещение — никто не представлял, а главное — почему закон отразил такой страх? Я постепенно пришел к странному убеждению, что этот страх, с которым относились властные органы к Церкви и ее обрядам, и был свидетельством присутствия веры. Получался почти парадокс — коммунисты были как бы «верующими», так как признавали в Церкви и вере большую силу. Как говорит апостол Иаков: «И бесы веруют. Веруют и трепещут». Они-то как раз и верили, что все воспитание детей с детского сада, весь школьный атеизм — все это может разрушиться в миг, когда человек увидит, что батюшка пришел и кого-то причастил.

К.К.: Кому были известны эти законы?

И.Ш.: Законы были тайные — существовала такая категория законов, которые не подлежали опубликованию и огласке. Они все сводились к тому, что Церковь может быть допущена как некоторая форма деятельности и жизни, но она должна быть надежно спрятана — в церквях, за церковной оградой. Мало того, церковная жизнь должна быть невидима — ни о крестном ходе, ни о похоронах церковных, ни о других обрядах за стенами храма и речи быть не могло — все это было закрыто. Это было первое мое сочинение — в защиту Церкви.

К.К.: Оно было напечатано на машинке и распространялось в самиздате, как я понимаю?

И.Ш.: Да.

К.К.: А этот ваш материал, кажется, не вошел в изданный в 1994 году двухтомник ваших статей?

И.Ш.: Не вошел потому, что, возможно, просто для чтения этот материал был несколько нудноват. Ведь там было много цитирования законов, однако дух жизни, конечно, был передан точно. Я потом много раз пытался со-

знательно продумать эту ситуацию с Церковью – все казалось, что властям можно на что-то указать и что-то объяснить. Мы писали бумаги, собирали подписи в защиту религии. Причем были межконфессиональные обращения, среди подписавшихся были и католики литовские, например. Какой же смысл гонений? Дело не в религиозной стороне. Ведь верующий человек мог смотреть на эти гонения с иной точки зрения – как на посланные Господом испытания, как на подражание жертве Христовой. Для верующего тут иной пласт важен. Но с точки зрения чисто государственной – зачем отталкивать от себя, причем последовательно и непрерывно, зачем делать себе враждебной наиболее положительную часть своих граждан? Уже заведомо это были не считанные никогда миллионы людей – лучших людей. И непьющих, и работающих. То есть это, казалось бы, бессмысленно с государственной точки зрения.

К.К.: Пытались ли вы еще как-либо привлечь в то время внимание к церковным вопросам?

И.Ш.: Да, я собирал пресс-конференции. Собирал бумаги и с целью распространить их за границей. И тогда меня поразило, помню, то, что иностранные корреспонденты, очень падкие на всякие диссидентские заявления, абсолютно не реагировали на проблемы, связанные с нашими церковными заявлениями. Я помню, как готовился к одной такой пресс-конференции: делали мы заявление, которое, как нам казалось, должно произвести впечатление. В заявлении участвовали православные и католические священники, и даже баптисты. Я показал литературу, которую издает подпольное движение нерегистрирующихся баптистов (у них была подпольная типография с идеальной печатью, намного лучше государственных издательств). Мы намерены были огласить и списки православных мучеников XX века, которые давно составлялись – однако с нами очень

мило разговаривали, но ни слова о нашем заявлении не было произнесено, хотя, казалось бы, во главе Америки стоял человек, который называл себя баптистом. Тем не менее интереса не было.

К.К.: Вы полагаете, что иностранцев эта часть жизни не интересовала по каким-то идеологическим причинам?

И.Ш.: Не просто не интересовала, но казалась нежелательной. Они, по-видимому, считали, что это элемент возврата к прежним традициям, влиянию Церкви, патриотизму, национализму. Этого они всегда боялись. Проще было заниматься текущими политическими вопросами.

К. К.: Игорь Ростиславович, вы сказали, что ваши родители принадлежали к кругу дореволюционной интеллигенции. Они были людьми верующими?

И. Ш.: Нет, не были они верующими. Причем это относится не только к ним, но почти ко всем людям их поколения. Это была общая судьба поколения – в детстве их вера была искренняя, они не знали сомнения. Отец мне рассказывал, что он собирался в монастырь. Ему было видение – являлась икона. Рассказывал о том настроении, которое было у гимназистов, когда их водили всем классом причащаться, – после причастия в салки играть было невозможно, так как каждый другому старался поддаться. Отец мне говорил, что после Гражданской войны он перестал верить в личного Бога как благого и всемилостивого, с которым человек может иметь личное общение.

Он говорил, что может себе представить абстрактного Бога, который управляет миром, но личного Бога он потерял. Но я думаю, что какие-то изменения уже произошли перед революцией. Может быть, именно эти происшедшие изменения и были одной из причин революции. Повторю, что это касалось почти всех.

Я много общался с моим учителем по университету (он из поколения моих родителей). Он рассказывал то же самое о детской вере и ее потере.

К. К.: **А тогда как вы вышли на вопросы Церкви и веры в советское время? Каким был ваш импульс?**

И. Ш.: Что-то было здесь такое, о чем говорил Тертуллиан – о человеческой душе как врожденной христианке. Есть некий крючок, который вдруг тебя зацепляет. Домашнее Евангелие... Меня никто никогда не настраивал против веры и Церкви, хотя я помню общий настрой – в наш век верить интеллигентный человек не может. Я помню, что для меня был потрясающим вопрос, который я сам себе задал. А что же такое мы, собственно, знаем, что делает для нас невозможной веру? Тогда я начал перебирать: неужели факт изобретения атомной бомбы может быть решающим в вопросе веры? Нет... Хотя импульсов к неверию всюду было много – просто их было много в самом типе жизни, из которой все духовное исключалось, а ценились порыв, энергия, достижения, дисциплина.

К. К.: **Скажите, а вы помните те моменты, когда совершали научные математические открытия? Есть ли в этот момент присутствие Высшей силы, Божественной, творческой? Кто-то считает, что ученый обязательно безбожен, но, с другой стороны, мы знаем много примеров великих ученых, которые были верующими.**

И. Ш.: О том, как происходят открытия, написано много, но все пишут об этом очень похоже. От гениальных ученых до просто способных людей. Это, по описанию и по моему опыту, есть некое напряженное думание, которое по видимости не имеет никакого результата. Но в какой-то момент, когда человек отвлекается на что-то другое, вдруг правильная мысль оказывается в голове. Я помню день,

когда я работал в библиотеке с большим усилием, напряжением, потом пришел домой и лег спать, а наутро я проснулся от того, что меня словно разбудила какая-то чужая фраза в моей голове. Я проснулся и осознал, что это было объяснением того, что мне нужно сделать для того, чтобы доказать то, о чем я думал. И это не моя особенность, есть, видимо, какая-то закономерность в том, как происходит открытие.

К.К.: **Как вы оцениваете нынешнее состояние науки? Не дошла ли она до последней черты, описав и разложив мир на малейшие составные части?**

И. Ш.: Мне кажется, что наука не течет равномерно, накапливая знания. Существовали цивилизации (полноценные), в которых наука не играла никакой роли. Близкие античные цивилизации – Греция и Рим. В Греции возникло теперешнее представление о науке: греки придумали не теорему какую-нибудь, не просто создали область науки, не совершили только физические открытия, но сформировали именно понятие науки. Оно и было развито дальше – начиная с первых представлений, что Солнце может быть величиной с Пелопоннес, а дальше шли точные расчеты расстояний от Земли до Солнца, создание разных систем, геоцентрической и гелиоцентрической гипотез. В Риме наука не играла никакой существенной роли, хотя это была мощная и вполне содержательная цивилизация. Современная западно-европейская наука началась с резкого толчка в XVII веке. Так ее обычно и называют – научная революция XVII века или коперниканская революция.

У меня такое впечатление, что наука сейчас закончила свой цикл развития. Помню, что когда я стал интересоваться наукой, весь воздух дрожал от возбуждения, от тех великих преобразований, которые произошли только что, в предшествующие десятилетия. Появились

действительно новые области, которые меняли отношение к природе, меняли представление о человеке – квантовая механика, теория относительности, генетика, открытие материальных носителей наследственности. А во второй половине XX века ничего похожего не произошло. Сейчас, когда говорят о достижениях человечества, то подразумевают технические новшества – говорят о спутниках, о компьютерах, но это техника. А главный смысл науки – открытие законов природы. Я помню, что лет 30 назад был такой случай. В Академии был большой отчетный доклад отделения физико-математических наук. И после основного доклада я говорю докладчику: «Вы обратили внимание, что основным достижением науки назвали запуск спутника и создание какого-то громадного ускорителя? Ведь это не наука, не открытие законов природы». А он мне ответил, что давно убедился, что наука в смысле открытия законов природы кончилась, что законов природы не так уже много и основные из них уже открыты. Кто-то чувствовал это раньше, кто-то позже. Я считаю, что наука прошла золотую эпоху своего развития. Будут существовать отдельные открытия. Но история науки за последние 300–400 лет поражает именно взрывом идей, которых сейчас больше нет. Пространство бесконечно, земля движется – это все идеи, полностью преобразующие взгляд на мир.

К. К.: Можно ли сказать, что наука теперь углубляется в самого человека? Появилась генная инженерия, появилось клонирование?

И. Ш.: Это все прикладная наука. Описание ДНК – это, конечно, наука, но, в сущности, продолжение открытий 20-х годов, когда были сделаны принципиальные открытия в генетике. Если посмотреть и на развитие науки в античности, то после героического периода, закончившегося в 300 году до Р.Х., тоже что-то прибавлялось, уточнялось, но не изменялось принципиально. Генная инженерия – это все техника, только не

на уровне железок, но на уровне живых существ. Современная ситуация созвучна поразительной книге Шпенглера «Закат Европы», где он говорит, что вообще представление о прогрессе и линейном развитии являются чистой фикцией. Он говорит, что человечество состоит из определенных цивилизаций, и каждая проходит свой цикл. Каждая живая цивилизация родит много духовных ценностей, научных. А умирающая цивилизация все свои силы сосредоточивает в одной области – именно в технике. Это очень похоже на современную картину. В геополитическом плане характерным для этого периода является империализм, который проявляется именно как попытка подавить тех, кто слабее. В то время как в героический век войны ведутся с более сильными противниками и выигрываются за счет большей силы духа и жертвенности. И это тоже имеет современное звучание. Завершение цикла развития науки есть только часть того, о чем говорил и Шпенглер, и наш соотечественник Н. Данилевский в книге «Россия и Европа». Завершается западная цивилизация, которая началась с величайших духовных ценностей, которая построила грандиозное здание науки, а теперь все обратила в технику и технологии.

К.К.: Можно ли говорить, что по-прежнему актуален вопрос о науке и вере. Каков ваш опыт? Моральный и нравственный аспект в каждой ли области науки имеет значение?

И.Ш.: Мне кажется, что все развитие европейской науки, основного ее направления, конечно, способствовало принижению, торможению и приглушению всех импульсов веры. Все принципы естествознания заключались в том, чтобы представить себе все: явления материального мира, деятельность живых организмов – как простые причины и следствия, которые можно четко описать и вычислить. В конце концов, в основе лежало представление о машине в качестве идеала. Этот механисти-

ческий взгляд и был в основе развития естествознания. А разные ученые могли иметь личные взгляды иные – причем эти взгляды могли находиться в противоречии с их собственной деятельностью. Ярко это видно у Ньютона, о религиозных взглядах которого мало известно, но, по-видимому, они были глубокими, хотя и скрытыми. Он никогда не был женат, и я, например, был уверен, что это человек, всего себя полностью посвятивший науке. Оказалось, что ничего подобного. В Тринити, колледже, где он преподавал, таково было правило – собираясь преподавать, они давали обет безбрачия. Это было нечто вроде тайного ордена в чисто протестантской среде. Религиозные его взгляды совершенно неясны. Но ясно, что он был глубоко верующим. В то же время Ньютона обвиняли, что его научные взгляды подрывают веру в Бога. И не только веру в Бога, но вообще во все живое, органическое. Он говорил: «Моя система мира». Это и была, действительно, как бы теория мира, и она основывалась на чисто механических законах, а его основное сочинение кончается тем, что он заявляет, что мог бы объяснить, как и живые организмы действуют, но тут места не хватает и еще некоторых экспериментов. А в то же время это его самого, по-видимому, очень задевало и в его неопубликованных при жизни бумагах есть ряд как бы возражений человеку такого вот материалистического взгляда. Он их не публиковал, а то, что он публиковал, – все подхватывалось и распространялось просветителями в континентальной Европе как оружие борьбы против Церкви, борьбы с «мракобесием» ради господства разума.

У нас тоже есть яркая фигура – Павлов. Он как будто даже демонстрировал, что был верующим человеком – ходил в Церковь, входил в церковный Совет (в так называемую двадцатку), а в то же время научная его деятельность

вся сводилась к тому, что человек – это система рефлексов (в машине это можно сменить механическими элементами, получится механическая картина человека).

К.К.: Вы считаете, что научная деятельность может быть довольно далека от личности человека?

И.Ш.: Да, но на примере Ньютона видно, что расхождение им самим болезненно воспринималось. Я думаю, что вряд ли человек может так спокойно относиться к этому принципиальному расхождению. Быть может, здесь и находится дефект, что ли, науки. По-видимому, не было никаких противоречий у тех ученых, которые действительно уподобляли живое механизму, не связывая свои убеждения с верой в Бога.

К.К.: А у вас лично были такого рода кризисы, когда ваше духовное развитие вступало в противоречие с научной деятельностью?

И.Ш.: Нет, не было. Математика – она совершенно абстрактна и, по-моему, нейтральна по отношению ко всему миру.

К.К.: В каком смысле нейтральна?

И.Ш.: Она как-то существует сама по себе. У меня такое впечатление, что математика могла существовать, если бы и всего внешнего мира не было. Не знаю, в чьих головах, но где-то бы существовала.

К.К.: Игорь Ростиславович, а можно ли говорить о математике и ее нейтральности, например, в случае исторических исследований господина Фоменко, академика, математика, и его школы? Что тут произошло с математикой?

И.Ш.: Вы же сами говорите об исторических (а не математических) работах Фоменко. Его подход мне далек, и этих работ я не знаю. А как раз некоторые математические работы А. Т. Фоменко я знаю – они очень красивы. Но это две не связанные (насколько я знаю) сферы деятельности.

К.К.: А если вы считаете, что наука завершила свой путь глобальных ярких открытий, то в самом мире, мы видим, есть некие необратимые процессы. Как в этом участвует наука? С другой стороны, мы знаем о грядущем апокалипсисе и разрушении мира. Может ли наука выступать удерживающей силой?

И.Ш.: Патриарх Алексей Второй сказал, что вместо рассуждений о конце света каждому надо больше думать о своем конце — неизбежной смерти. Но рассчитывать, сколько именно дней и месяцев мне осталось жить, — это была бы непродуктивная позиция. Так и с апокалипсисом — вера в него есть важная часть православного мировоззрения. Но недаром сказано, что о сроках его не знает даже Сын — только Отец. Тем более нам бессмысленно точно определять его место в истории. А наука здесь, мне кажется, даже не бессильна, а просто не имеет к этому никакого отношения.

К.К.: Если нам дарована жизнь и определена в ней деятельность, мы должны ей заниматься в любом случае. Но одно дело — заниматься, например, литературой или математикой, а другое — заниматься захоронением радиоактивных отходов. Деятельность разная — результаты ее тоже разные. Мы ведь всегда имеем в виду зло этого мира и по отношению к нему занимаем позицию. Наука тоже может занимать позицию. Ведь научная деятельность продолжается.

И.Ш.: Действительно, научно-техническое развитие привело человечество к какому-то тупику (например, к экологическому кризису). Но мне кажется, что научные попытки скорректировать путь отступления, каким-то образом преобразовать конкретное, например, чтобы эти отходы были менее радиоактивными, как правило, приводят к тому, что человек разрушает еще сильнее корни природы и вызывает еще более злостные последствия, чем первоначальные более примитивные действия.

К. К.: Как вы относитесь к проблеме глобализации мира?

И. Ш.: Глобализация — это стремление установить власть определенного типа жизни над всем миром — Соединенных Штатов, западных стран, спекулятивных банков. Эта геополитическая проблема связана с последней стадией существования общества западноевропейского типа, которое прошло яркий цикл, дало блестящий взлет в искусстве и науке, а теперь исчерпывает себя. Глобализм — это одна из форм гибели этого общества, когда многие свои силы оно расточает на попытки контроля других, в то же время оно не в состоянии контролировать процесс разложения внутри себя. Экономика становится спекулятивной, в этой сфере циркулируют денежные массы в десятки раз большие, чем в производстве. Деньги не обеспечены достаточными материальными ценностями. Это жизнь в долг. И действительно, национальный долг США каждый год достигает таких астрономических цифр, что они уже не ставят перед собой задачи с ним справиться. И существуют они за счет грандиозного вливания средств других стран в свою национальную экономику и добиваются этого за счет разрушения других рынков, в которые можно было бы вкладывать средства. Замерла их духовная жизнь. А на элементарном человеческом уровне проявляется тоже деградация — терроризм, который можно было бы понять в каких-нибудь нищих странах, а он — в Германии или США, где карапуз с винтовкой убивает с шести выстрелов шесть своих товарищей. Причем полиция удивляется, откуда такая меткость? Она — из компьютерных игр, которые обучают убивать. Пистолет нужно на компьютер навести, и если правильно нацелился, то тогда на экране разлетается голова. Такая компьютерная игра оказалась настолько эффективным способом обучения стрельбе, что даже американская по-

лиция закупает эти игры для обучения полицейских...

К.К.: Какой ваш взгляд на современное образование?

И.Ш.: Мне кажется, важно осознать, что при коммунистическом режиме были отрицательные и положительные стороны в образовании. Как у нас при татарском иге были и Сергей Радонежский, и Дионисий, и Рублев... Среди положительного была система образования. Сколько раз я читал в те времена в американских и европейских журналах о нашей системе образования, что они ей завидуют. Конечно, хуже эта система работала в деревне (например, не преподавали иностранный язык в ряде школ). Но это все нужно было улучшать, сейчас принят другой принцип – принцип реформы. Хорошее не взяли, ничего не захотели улучшить. Консервативное отношение, напротив, должно было бы быть связано с сохранением лучшего. Система образования непрерывно реформируется, и грядет еще более разрушительная реформа. Оказывается, что реформирование выгодно, в него вкладываются большие деньги. Я не думаю, что это проявляется некое сознательное зло, но именно выгодность экономическая движет реформой, которая привлекает большие деньги, а деньги, конечно, людей. И уже сейчас исчезает русская история, становится лишь частью всемирной истории.

Дети раньше приучались читать. Теперь выросло поколение, не приученное к чтению вообще.

Импульсы все перевернуть идут непрерывно – сначала это было нашествие полового воспитания, где уже было предписано, когда начнется его преподавание. Но тогда и началось очень большое сопротивление, которое показывает, что не так уж мы в жизни бессильны. А потом, когда отбились от этого, начались

попытки то же внедрить под видом биологии и валеологии. Но есть и другая сторона реформ – уничтожается русский язык. Все стараются свести к компьютерному мироощущению. Нужно из трех вариантов ответов выбрать правильный: предполагается построить такую систему тестирования вместо обычного экзамена с рассказом, ответом. Я спросил одного учителя литературы: как же проверить знание «Евгения Онегина»?

1. Ленский убил Онегина?
2. Онегин убил Ленского?
3. Или оба они убили Татьяну?

Вот каков подход. Но, оказывается, уже есть еще и такой вопрос в тестах по литературе: «Что такое «Руслан и Людмила»?

1. Русская народная сказка.
2. Скандинавская народная сказка.
3. Оригинальное произведение.

Правильный ответ – оригинальное произведение.

К.К.: С точки зрения филолога ни один ответ не может быть ни правильным, ни достаточным. Скорее, все эти варианты можно назвать примитивными.

И.Ш.: А математическая задача? Ответ можно дать правильный, а доказательство – неправильное. Изымается сам процесс сложного человеческого мышления. Школа должна была бы все это развивать, а она все упрощает и сводит к минимуму.

К.К.: А если бы встал вопрос, что Закон Божий вводится во все школы, вы бы как к этому отнеслись?

И.Ш.: Если как факультатив, то, конечно, было бы очень хорошо. А если как обязательный предмет, то мне трудно сказать.

Есть такие дети, у которых именно это зовется протест. Трагедия заключается в том, что ломать легко, а строить трудно. Когда есть традиция, то в ней существовать естественно. Ро-

дители мне рассказывали, что у них был урок Закона Божьего. Они не задавали себе вопроса – почему он есть? Но восстановить традицию, заново ее ввести – очень трудно. Искусственно придумывать, как это сделать? Вообще для меня молодые поколения загадочны. У меня есть дети, внуки и даже правнучка трех лет, и мне трудно себе представить, как они будут жить.

Каждое поколение какое-то особое: моему старшему сыну 37 лет, а старшей внучке – 25 лет. И это уже совсем другое поколение. Третье поколение – внуки от старшего сына, 8–10 лет. И это что-то поразительное, как они лавируют между совершенно античеловеческой силой, которая на них со всех сторон давит, со стороны школьников, рассказов о том, у кого что есть, кто что может купить, хорошо ли пойти в «Макдональдс» и в то же время глубоко человеческими импульсами, которые в них проявляются, когда они слышат красивую музыку или взрослые прочитают им книжку. Что из этого всего вместе может вырасти? Совершенная загадка. Но мне кажутся правильными размышления композитора Свиридова, когда он пишет, что на самом деле каждое поколение рождается заново, – конечно, оно сталкивается с плодами жизни предшествующих поколений, но оно и имеет возможность заново решать многие проблемы своей жизни, которая не вся предопределена предыдущими поколениями. Какое сейчас поколение называют новым? Я не знаю. Для меня и сорокалетние новые, и двадцатилетние.

К. К.: Радует только то, что в современном приходе увеличивается количество молодых мужчин и молодых людей. И это дает большую надежду. Женщины всегда в церквях стояли.

И. Ш.: Я помню из детства страшно возбужденный разговор взрослых. Они даже забыли о том, что я есть и их слушаю. А разговор был о Церкви. Кто-то говорил, что церковная жизнь кончилась, потому что в Церковь никто не хо-

дит. А кто-то говорит: «Да нет, неверно, она полна, пойдй посмотри». А ему отвечают: «Там одни старушки». И это я запомнил. Это было в 1930 году. Тридцать лет спустя в Церкви опять были одни старушки... Но это те самые старушки, которые в тридцатом году были комсомолочки... Мне один священник говорил: «Прихожане новые у меня, многие пришли в Церковь от беды (муж бросил, ребенок заболел), но я не в обиде. Человек и должен приходить к Богу, когда ему тяжело».

К. К.: Я недавно слышала от одного ученого человека, что он никогда не пойдет в Церковь, потому что видит «факты», и среди них главный «факт» такой – расцвет Церкви сегодня совпал с полной разрухой государства и жизни. Он вообще считает это плохой тенденцией и всю вину готов возложить на Церковь.

И. Ш.: Это уж очень странная апелляция к «фактам». Ведь были и другие факты: во время коллективизации и раскулачивания была объявлена «безбожная пятилетка», чтобы к 1937 году имя Бога не произносилось в нашей стране.

К. К.: Как вы смотрите на нынешнее положение нашего Отечества, возможно ли возрождение?

И. Ш.: Конечно, теперешнее положение России выглядит безнадежным. В нашей жизни можно наблюдать все признаки гибнущей страны: быстрое сокращение населения, упадок сельского хозяйства и зависимость от поставок продовольствия из других стран, потеря собственной позиции в мире, сепаратистские настроения, апатия народа, ослабление (или полная потеря) чувства единой русской нации. Но историю нельзя рассчитать и предсказать. Подобное состояние иногда сменяется подъемом и преодолением кризиса. Ведь была у нас написана «Повесть о гибели Русской земли» – так, значит, и тогда смотрели на положение России. И в Смутное время поляки взяли Смоленск, шведы – Новгород, в Кремле сидел польский

царь, под Москвой стоял Тушинский вор. И выход пришел совсем неожиданно. Так бывало и с другими народами — например, с Францией, когда ее возглавила Жанна д'Арк. В истории особенно ясно реализуются слова: «Для человека не возможно, для Бога же все возможно». Конечно, когда человек достоин помощи Бога — сделал все, что в его силах.

И можно назвать малейшие признаки, указывающие на то, что надежда для России существует. Мы сами редко это замечаем, но за последние 5–6 лет полностью сменился словарь политических речей. Ведь в начале 1990-х годов мы только и слышали об опасности русского национализма, о русских имперских амбициях, о нашем рабском сознании. Да это сказывалось в чем угодно: в отношении к Чеченской кампании, в отношении к Победе в Великой Отечественной войне и т.д. Теперь ни один политик, заботящийся о «рейтинге», не скажет такого. Наоборот, все стараются превзойти друг друга в патриотических и государственных заявлениях. Пусть пока это большей частью только слова. Но это значит, что чуткие политики уловили какие-то изменения в настроениях широких масс народа. Что-то изменилось. Значит, борьба тех, кого травили как «красно-коричневых» (причем высшие лица страны), оказалась не бесполезной. Произошла духовная победа, которую предстоит реализовать как политическую, — это сложный и, вероятно, длинный путь.

Важно заметить, что произошел сдвиг, но совсем не так, каким его ожидали даже те, кто к нему стремился. Это показывает, каким сложным, неочевидным путем движется история. Только очень тонко прислушиваясь к ее ходу, можно почувствовать ее повороты и повлиять на дальнейший ход.

К. К.: Игорь Ростиславович, скажите, а не изменились ли за эти годы сами представители патриотической мысли, патриотических направлений?

И. Ш.: С конца 1980-х годов прошло уже много лет, и можно сделать определенный вывод. Он заключается в том, что как политическая сила патриотическое движение не реализовалось. Причин тому много, но основная, по моему мнению, та, что его идеологи торопились предложить ему какой-то свой сценарий. Одни ждали чего-то вроде акций мирного неповиновения, протестов против обнищания народа и распада страны. Другие, вероятно, надеялись на мощное коммунистическое движение. Вместо этого произошло какое-то тихое и неожиданное изменение отношения к жизни, о котором я говорил выше. Как его реализовать (если удастся!) в реальных изменениях — это задача следующего поколения. Вероятно, в том числе, и следующего поколения людей, руководящих современной жизнью. Но для этого должен был быть выработан язык, новые призывы, вопросы или требования, от которых желающие апеллировать к народу не могли бы отделаться словами, не влекущими никаких следствий. Как пример, приведу следующий вопрос: согласны ли Вы с передачей 2 миллионов жителей Крыма стране, в которой они не хотят жить. Это вопрос не просто «прав человека». Жители Крыма — одна из наиболее «живых», не потерявших чувства национального единства частей русского народа. Такой же характер носит вопрос об отношении к Приднестровью или Белоруссии (и многие другие вопросы нашей жизни). Конечно, какое-то время политики будут стараться их не замечать. Но произошедшие за последние годы изменения показывают, что существуют какие-то неизвестные способы влияния на власть — не через выборы... И управлять народом вопреки его желанию, как это ни кажется парадоксальным, невозможно — по крайней мере долго. ■

ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Валентин РАСПУТИН

УЧЕНЬЕ: СВЕТ И ТЬМА

Доклад на пленарном заседании XIV Международных Рождественских образовательных чтений (2006 г.)

«Велико незнание России посреди России». Эти бессмертные слова Гоголя не только не устарели — они приобретают в последнее время какой-то фатальный смысл и вполне могут быть подняты над зданием министерства образования и как оценка успеваемости по этому предмету, и как напутствие, с каким оно, министерство образования, могло бы пойти на преодоление этого незнания. С еще большим основанием гоголевские слова могли бы быть водружены над зданием правительства России, но речь сейчас о школе, об образовании, о наших надеждах на завтрашний день.

Велико незнание России, велико непонимание и велико уже ее неузнавание. «Эти бедные селенья, эта скудная природа — край родной долготерпенья, край ты русского народа!» — картина, конечно, безрадостная, но не безнадежная, сквозившая и тайно светившаяся обещанием будущих перемен и «в наготе своей смиренной», которую не поймет и не оценит «гордый взор иноплеменный». Сегодня этот «гордый взор иноплеменный» со злорадством перемещается в нас.

Удивительно, как имя, название, звучание любого дела и учреждения, тем более учреждения, представляющего собой один из основных и жизнетворных органов государственного организма, как это преломленное название способно неизбежно перейти в суть учреждения и преломить его назначение. Было когда-то министерство народного просвещения и просвещало младые поколения, давало им вместе с науками тепло отеческого наставления и отеческой веры, напитывало родным духом и расчищало отечественные родники с живой водой. Вероятно, это просвещение не было идеальным и не было полным, но по направленности, по задачам своим оно было верным — помочь наполниться своим и родным настолько, чтобы вме-

сте с физическим возрастанием без болезненных наростов шло возрастание духовное, т.е. заложить прежде в личность национальный камертон, а уж затем пускать ее в море знаний.

Сейчас у нас министерство образования, сохранившее свою вывеску еще с советских времен. Как бы не скрывающее цели преобразовать, перестроить, переоснастить поступающие в его распоряжение души на принятую стандартную колодку. При коммунизме это была идеологическая колодка, и привела она к такому уродливому и двудушному явлению, как «образованщина», которая сыграла как не главную ли роль в развале прежней общественной системы. Теперь эта колодка рыночная. При коммунизме почва не отвергалась окончательно, хотя использовалась только верхний ее слой; теперь и почва, традиция, вековое народное бытие подвергаются тотальной и безжалостной обработке, чтобы не повторить ошибок коммунизма, когда из них чудом принялась прорасти, казалось бы, окончательно вбитая в прошлое тысячелетняя Россия.

В этом и суть навязанных нам реформ: выдернуть, как морковку, современную Россию из России глубинной, придать ей товарный вид и выставить на прилавок.

Пушкин сказал о Петре:

Не презирал страны родной —

Он знал ее предназначенье.

«В самом деле, — писал В. Розанов в статье «Представление о России в годы учебной реформы» (учебная реформа того времени и дала Розанову толчок поразмышлять шире о путях российских реформ. — В. Р.) — в самом деле, успех реформы Петра Великого — в том, что «препобедила всякую тьму», заложен был не только в силе, которую дало ему положение, и не в одной его огромной решимости, но и в этом особенном его отношении к преобразуемой стра-

не, на которое указал поэт... Петр не исцужа пришел к нам, он встал к России не в положение инородной силы... «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога; жила бы и цвела Россия», — так в памятных словах перед Полтавой он определил себя, указал служебное, покорливое, второстепенное свое значение около России. Из этого взгляда на себя вытекла простота его приемов. Он боролся с Россией, но... на русской же почве; с нравами, но русским же нравом; с обычаем, но не покидая русской своеобразности; и, наконец, он сам, он весь в лице своем, движениях, манере был новый русский быт, и только более свежий и, главное, более правдивый, чем тот окаменевший в своей условности и формализме прежний быт... Россия старая, Россия предания оказалась бессильной против него, потому что он не хотел и не требовал от нее ничего, кроме правды в ней же самой, в ее же вере, в ее притязаниях...»

Но Пушкин, согласившийся с Петром, и сам был реформатором. Всякая внутренняя реформа, как исправление сложившегося порядка вещей, но именно как исправление порядка, который становится громоздким и неуклюжим, происходит в свое время, словно бы соизволением свыше. Трудно представить, чтобы державинская ода «Бог», как и оды Ломоносова и ранние оды Жуковского, были произнесены пушкинским слогом, без той торжественности и колокольного звона в поэзии, который был духом XVIII века. Нельзя представить, чтобы «Слово о полку Игореве», наша национальная святыня, звучало бы как-то иначе, чем на языке своего времени, в глубинах нашего сознания этот язык сохранился, и мы вспоминаем его тотчас же, как переносимся в XII век, а все множественные переводы «Слова...» последних десятилетий вызваны не разъяснением смысла, который давно разъяснен, а желанием прикоснуться к этой святыне авторским пером и взять уроки мастерства.

Иван Ильин, говоря о Пушкине как реформаторе языка, отмечает, что он, Пушкин, «нашел точную меру, верный критерий, чтобы от многого отказаться, но и многое сохранить, и ровно столько, сколько нужно». «Пушкин, — продолжает Ильин, — один из тех, кому по плечу любая свобода и оторванность от корней, поскольку они обладают материей и силой, чтобы независимо и свободно укорениться в Боге».

Но чтобы «укорениться в Боге», оторванность от почвы и не нужна, от почвы к Богу ближе. Вообще вся наша дворянская литература XIX века, и в особенности поместного дворянства, на удивление почвенна, но это уже удобренная просвещением почва, нагретая не только солнышком, а и культурой, но и не потерявшая своего природного состава. «Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!» — воскликнул Пушкин, слушая Арину Родионовну. Он-то воскликнул, и восклицание это дошло до нас, но как важно, чтобы в школе оно прозвучало с той же интонацией, искренностью, радостью и удивлением, с какими было произнесено поэтом.

Сохранились записи Ф. М. Достоевского при пересечении им пограничной станции по пути в Европу — записи, имеющие отношение к тогдашнему образованному классу. Достоевский размышляет: «Как еще не переродились мы окончательно в европейцев?.. Ведь не няньки же и мамки наши уберегли нас от перерождения. Ведь грустно и смешно в самом деле подумать, что не было бы Арины Родионовны, няньки Пушкина, так, может быть, не было б у нас Пушкина. Ведь это вздор? Неужели же не вздор? Вот теперь много русских людей везут воспитываться во Францию; ну что, если туда увезли какого-нибудь другого Пушкина — там у него не будет ни Арины Родионовны, ни русской речи с колыбели? А уж Пушкин ли не русский был человек! Ведь это пророк и провозвестник. Неужели же в самом деле есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землей, что оторваться от нее ни за что нельзя; и хоть и оторвешься, так все-таки назад воротиться».

Прошло полтора столетия, и слова Федора Михайловича «хоть и оторвешься, так все-таки назад воротиться» потеряли свой утвердительный смысл. Возвращаются изредка и ныне, но возвращаются с заграничными паспортами, как послы чужих порядков, для того, чтобы и в России отрываться от России.

«Есть в природе закон, — это опять из статьи В. Розанова о принципах образования, — есть закон, по которому два луча света, известным образом направленные, взаимно интерферируются и вместо того, чтобы производить усиленное освещение, производят темноту; есть нечто подобное и в душевной жизни человека: в ней также интерферируются образующие впечатления, если они противоположны по своему типу, и вместо того, чтобы просвещать ум и сердце, погружают их в совершенный мрак. Это мрак хаоса, когда сведения есть, когда знаний много и, однако, нет из них ни одного дорогого, не осталось и тени веры во что-нибудь, убеждения, готовности, потребности, — кто теперь не узнает его в себе, не скажет: это — я, это — моя пустота».

Куда современной и злободневней: «это — я», «это — моя пустота». Образование наше строится по принципу подобных взаимоисключающих и взаимопоглощающих лучей, один из которых традиция, вернее, остатки традиции, «это я», и второй — навязанная бесшабашно школе инновация, это «моя пустота». Казалось бы, в таком положении образование должно стать слугой двух господ, однако в действительности даже и этого не происходит, ибо оно все решительней дает понять «старой закваске», что права ее на молодое поколение подходят к концу. И вот уже в школьных программах напротив одного ряда другой, несовместимый с первым и приготовленный для его замещения: напротив Пушкина свой Пушкин, к примеру, Бродский, напротив Есенина — Высоцкий, напротив Достоевского — к примеру, Сорокин, напротив Толстого с «Войной и миром» свой Толстой — к примеру, Войнович с «Чонкинским», напротив Белинского — Ерофеев... Я говорю «к примеру», потому что имена второго ряда могут меняться, но ни в

кчем случае не меняется сама его духовная составляющая. Фигуры эти из второго ряда, разумеется, могут быть в литературном процессе, и они там есть, но зачем же их включать в рацион материнского молока, ибо школьное образование и есть материнское молоко, продолжающее необходимое кормление с пеленок, и если оно не отвечает этому назначению и этому составу, если оно превращено в молоко хищной волчицы — так чего же тогда и ждать?!

Рука вершителей образования поднимается уже и на «Евгения Онегина», и на «Героя нашего времени», и на «Тараса Бульбу». Стандарты по литературе все больше и больше теснят Пушкина, Тютчева, Фета, Некрасова, Блока, Есенина, выброшены «Конек-Горбунок» Ершова, «Аленький цветочек» Аксакова, «Снегурочка» А. К. Толстого, не стало Кольцова, прежних народных былин и сказок. Подмены, подмены, подмены... «Мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!» — поклялась в блокадном Ленинграде Анна Ахматова, тоже теснимая теперь в школе, — и тогда действительно сохранили, потому что учились по старым учебникам.

«...возврат к национальным традициям — вот истинная новизна для нашего времени», — сказал Георгий Свиридов, но сказал, кажется, уже в пустоту, почти никто его не услышал.

Чтобы прикрыть и оправдать безграмотность, вводят тесты-угадайки; чтобы не обнаруживать хитроумных нарядов школьной экипировки, не способной прикрыть дыры, притащили из чужих краев единый экзамен. А с родины этого изобретения, этого единого для выпускников школ и поступающих в университеты, все чаще звучат крики о беде: тамошние Митрофанушки и после университетов не умеют писать и едва-едва читают по складам. Причину видят в отступлении от фундаментального образования в сторону прикладного, хотя она, конечно, глубже и кроется в самом обществе, но ведь и у нас это прикладное и непрофильное густым забором, через который трудно продрасться, огораживается теперь от основного. «Зачем ума искать и ездить так далеко?» Нет ответа на эти классические вопросы, а есть задание и есть его исполнение. И еще: «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа». Кто мог бы представить, что слова эти, должные говорить о величии России, могут быть применены к ее возвратному ходу, к пресмыкательству перед другими народами и государствами, которые прежде уважительно посторанивались и уступали ей дорогу!

Еще Ушинский говорил о необходимости сделать русские школы русскими. Стало быть, и в его время в этом была потребность. Сделать русские школы русскими — не значит уткнуться в русское и ничего больше не признавать, мы шире своей колыбели, и об этом прекрасно сказал Достоевский в своей пушкинской речи. Но для того, чтобы принять в себя богатство мировой культуры и науки не для

складирования только, а для питания и развития, материя души у русского человека должна быть русской и православною. Такими были в совершенстве своей личности Ломоносов, Менделеев и Вернадский, Пушкин и Тютчев, Толстой и Достоевский, Аксаковы и Киреевские. Русскими остались тысячи и тысячи ушедших на чужбину после Гражданской войны, удивляя просвещенные страны, такие как Франция и Германия, неповрежденностью и глубиной своих ярких талантов. «А за то, что нас Родина выгнала, — мы по свету ее разнесли» — да, разнесли и души, и песни, и особенности нашего быта, и уживчивость, и говор, и веру. Там, на чужбине, созданы были и «Жизнь Арсеньева», и «Лето Господне» с «Богомольем», и многое другое, без чего нашу культуру и не представить.

В воспоминаниях о Бальмонте Шмелев записывает: «Лет шесть, по полугоду мы жили рядом... сидели на излучине у речки — тенистые берега, коряги, сосны, пески и кулики... Я слышал о России, все чаще о России. Мы ее искали, вспоминали... Осень... близка полночь... Вдруг шорох, неурочные шаги... И оклик тихо: «Вы еще не спите?» А ночные! Еще не спим. И мы беседуем, читаем. Он — новые сонеты, песни... Я — «Богомолье», приоткрываю детство, вызываю. Мы забывались, вместе шли... в Далекое Святое, дорогое».

И кто бы мог представить, что пройдут годы, и мы, не покидавшие Родины, будем так же тосковать о России посреди России, хвататься за нее, гонимую, искать заклинающие слова, и замолкать в отчаянии. А вернувшийся на Родину в гробу Иван Сергеевич Шмелев мог бы гордиться тем, что его «Лето Господне» предложено теперь и школе, если бы... если бы школа имела один голос, одно направление, как в его детстве.

Русский язык, отечественная словесность и отечественная история — когда бы оберечься этим триединством в их нераздельности, да еще с молитвой, — встали бы мы на путь спасения.

Хрестоматийные слова Тургенева о русском языке хорошо известны, мы в свою пору заучивали их наизусть, и я бы не стал их повторять, если бы не отчетливое ощущение, что именно для нашего, настоящего времени и вызрели они в полном смысловом звучании. «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины (разве мы не на пике этих сомнений и раздумий? — **В. Р.**) ты один мне поддержка и опора (разве не так? — **В. Р.**) о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?!» Не будь тебя — кажется, и дыхания уже не было бы... Как это верно и какая это живительная поддержка для всех поколений русского человечества, которую не оболгать и не запретить, не спрятать и не убить, хотя и пытаются оболгать, хотя и пытаются переговорить и перекричать иными наречиями, зачернить грубостью и дикостью.

И все это было бы ничего, не опасно и никакого вреда нашему языку принести не могло бы... Если бы мы читали. А читают все меньше. Если бы, как в чистилище, заглядывали мы почаще в книгу безупречной чистоты и восстанавливали свое дыхание и кровообращение, свое богоданное чутье на хорошее и плохое... Чтение доброго и прекрасного, вздымающего душу, — это тоже молитва, пусть и мирская, но совсем теперь близкая к божьей...

Пушкин во имя красоты, гибкости и чуткости русского языка снял с него оскомину церковно-славянского, но не вывел из храма и умел настроить свою лиру на молитвенный лад. Этот лад не покидал потом никого из наших больших мастеров, однако требовал все той же настройки. Шмелева нельзя назвать реформатором языка, но в свое суровое время он сумел придать ему редкую, небывалую дотеле дружественность, ласку и даже умильность — точно сам язык, пораненный во вражде и войнах, высмотрел Шмелева в каких-то дальних и укромных своих палестинах и вручил ему этот дар всегда теплого и сердечного звучания. Иван Шмелев — это Алеша Карамазов в русском литературном братстве XX века, в котором, как в романе Достоевского, были разные персонажи, — Алеша, явивший монастырскую душу всепонимания и прощения.

Воистину это волшебство: нет ничего в человеке, ни в чувствах его и мыслях, ни в самых потайных движениях души, ни во вздохе его и взгляде, что бы наш язык ни называл. Нет решительно ничего ни в человеке, ни в нем, ни перед чем бы он остановился в бессилии: нет, не могу. Он может все, длань его объемлет и малое, и большое, и для тех, кто принят им в его царство, он не инструмент, как легкомысленно полагают, а учитель и духовник, всемогущий владыка несметного богатства. Не знаю, есть ли в мире еще язык, подобный нашему; судя по почтению и удивлению, с какими относятся всюду к русской литературе, пожалуй, и нет. Мы счастливые избранники, и не хочется даже предполагать, будто мы потеряли способность понимать, что нам дано, и утратили чувствительность к красоте и силе нашего языка. Это было бы самоубийством.

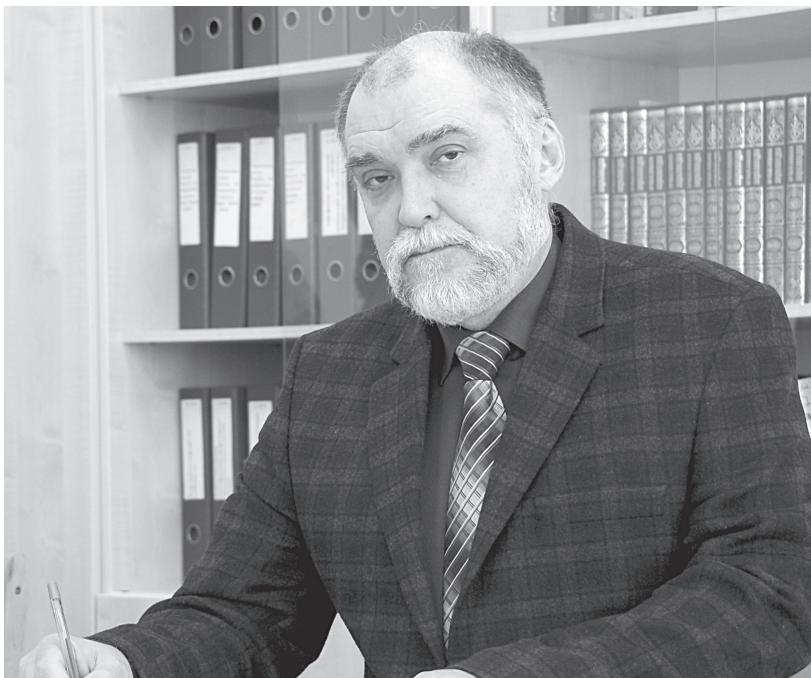
В пору моего школьного ученичества было принято и заучивать большие отрывки из программных литературных произведений, и зачитывать их перед классом. Никогда не забуду своего неожиданного и счастливого преображения, происшедшего со мною, когда вызвали меня к доске прочитать отрывок из рассказа И. С. Тургенева «Певцы».

«Он пел (он — это Яков, мужик, в певческом поединке взявшийся исполнять народную «Не одна во поле дороженька пролегалла». — В. Р.), — он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед нами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы; глухие, сдержанные рыдания внезапно поразили меня... Я оглянулся — жена це-

ловальника плакала, припав грудью к окну. Яков бросил на нее быстрый взгляд и залился еще звонче, еще слаще прежнего; Николай Иванович потупился, Моргач отвернулся; Обалдуй, весь разнеженный, стоял, глупо разинув рот; серый мужичок тихонько всхлипывал в уголку, с горьким шепотом покачивая головой; и по железному лицу Дико-го-Барина, из-за совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчик поднес сжатый кулак ко лбу и не шевелился...»

Дома, готовя урок, я прочитывал этот отрывок спокойно, но перед классом, произнося его, я вдруг перенесся туда, в этот кабачок, где звучала песня, и донесшийся вялый голос Якова вдруг пронзил меня, сердце мое захолонуло от восторга, словно бы проклюнулось,хватило воздуха, и к глазам тоже стали подниматься слезы, голос мой сорвался и умолк... Потом те же счастливые слезы проникновения в родное и глубинное я испытал при чтении рассказа И. А. Бунина «Косцы», где рязанские мужики за покосным трудом, встав в ряд и размашисто водя литовками, пели в голос... Как пели, Господи, как пели, вынося и вздымая в небеса какое-то неслыханное счастье быть русским человеком!.. И до сих пор поют, когда находятся слушатели. Как много подобного чуда, подобного волшебного прозрения души в нашей литературе! Это больше, чем художественность, это — редчайшее постижение заложенной в наш народ тайны.

Вольно или невольно, это особый разговор, вольно или невольно мы подошли сегодня к черте, когда школа становится не частью жизни, одной из многих частей, а последней надеждой на наше национальное существование в мире. Никогда еще так не нуждалась школа в грамотном учителе — грамотном не только в своем предмете, а прежде всего и свыше всего в науке отечественного обоняния и осязания, с которых начинается гражданство. Школьное образование сегодня — это служение, и служение тяжкое — до самоотвержения и креста, и кто не готов к нему, тому лучше отойти в сторонку и заняться другим делом. Сегодня еще не поздно, есть все признаки того, что и со школьных парт, и в вузовских аудиториях чают и ждут такого учителя. В последнее время мы часто вспоминаем нижегородское ополчение, спасшее Россию в смуту XVII века, — новая смута теперь закрадывается в нас самих, в народ наш, пришла пора вставать против нее всеми здоровыми силами. Хватит оглядываться с опаской, что подумают о нас, хватит — надо думать о своем спасении, никто в этом жестоком мире нам его не подарит. Как говорил Достоевский: «Как только мы почувствуем себя русскими и православными, тотчас все и устроится». ■

АНДРЕЙ БЕЗРУКОВ

Родился в 1957 году. Доктор филологических наук, заведующий кафедрой отечественной филологии и журналистики Армавирского государственного педагогического университета. Автор монографии «Возвращение к православному и категория страдания в русской классике XIX века» и других работ по истории русского художественного слова XI – XX веков. Лауреат литературной премии «Родная речь» 2012 года. Живет в Армавире.

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОСОБОЕ ЧУВСТВО РОДИНЫ

О, если бы его увидеть, слышать. Думается, он ничем бы сразу и не поразил. Негромкий голос, тихие движения, лицо покойное, святого плотника великорусского. Такой он даже на иконе – через всю ея условность – образ невидного и обаятельного в задушевности своей пейзажа русского, русской души. В нем наши ржи и васильки, березы и зеркальность вод, ласточки и кресты и не сравнимое ни с чем благоухание России.

Б. Зайцев.

«Преподобный Сергей Радонежский»

Главным героем древнерусской литературы, главным предметом чаяний, переживаний и пророческих озарений авторов была Русская земля. Академик Д.С. Лихачев совершенно справедливо назвал литературу домонгольского периода литературой одной темы – темы Русской земли. Можно смело утверждать, что данное положение распространяется на весь русский литературный процесс вплоть до настоящего времени.

Особое чувство Родины, можно сказать, изначально присуще русскому человеку. Оно сохраняется на генном уровне, впитывается нами с молоком матери. Даже тоска по Родине, свойственная вообще-то каждому народу, у русских людей проявляется особенно остро:

Проплываем океаны,
Бороздим материки,

И несем в чужие страны
Чувство русское тоски.

(А.Н. Вертинский, «О нас и о Родине», 1935 г.).

С понятием Русская земля, что вполне объяснимо и весьма показательно, мы встречаемся уже в самом первом из дошедших до нас из глубины веков памятнике древнерусской литературы – «Слове о законе и Благодати» митрополита Илариона Киевского. О Русской земле Иларион говорит исключительно с любовью. Он восхищается князьями-собирателями Русской земли; радуется тому, что о Русской земле слышаны другие народы, что евангельский источник наполнил Русскую землю, что русичи, минув стадию духовного рабства, стадию закона, из тьмы язычества вышли прямо к солнцу Благодати.

Не менее показательно и то, что рядом с понятием Русская земля Иларион ставит понятие русский народ. И хотя Русская земля была уже «ведома» при деде и отце Владимира – Крестителя Руси, по-настоящему, на века и тысячелетия, она вышла на орбиту мировой истории только тогда, когда «вера благодатная <...> достигла нашего народа русского». Так запечатленные в художественном слове, определяющие смысл жизни русского человека, понятия Бог, Родина, народ неразрывно утверждаются в историческом и духовном пространстве.

Как известно, русская литература начиналась с летописания. Летопись стала первым собственно русским жанром, отличавшимся даже от византийской хроники. Не будем говорить о своеобразии летописи с точки зрения формы, а сразу укажем на ее главную, содержащую особый мировоззренческий смысл особенность: создатели русской летописи (а

летопись, как известно, является результатом коллективного труда и существует в виде летописного свода) рассматривают ход русской и мировой истории сквозь призму интересов Русской земли. Об этом свидетельствует полное название, пожалуй, самой известной из русских летописей «Повести временных лет» (начало XII в.): «Вот повести минувших лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить, и как возникла Русская земля».

У неискушенного читателя, открывшего первые страницы «Повести», может возникнуть вопрос: зачем создатели летописи обращаются к столь давним, в прямом смысле слова, послепопотным временам истории человечества, к рассказу о Ное и его сыновьях? Ведь речь вроде бы должна идти о начале, об истоках Русской земли? Отвечаем. Если Русская земля в древнерусской традиции — это в первую очередь народ, ее населяющий, вопрос должен быть поставлен так: откуда появился (возник) русский народ? Летопись свидетельствует: от нориков, которые и есть славяне. Так, шаг за шагом — от минувшего к настоящему — автор приводит читателя к неоспоримому факту: русичи — потомки Иафета, одного из сыновей Ноя. Отсюда следует неизбежный вывод (и этот вывод сегодня нисколько не потерял своей актуальности!): русские, как и другие народы, имеют такое же право на свою землю, на свою историю, на свое место в истории человечества. Легендой о посещении Русской земли апостолом Андреем Первозванным летописец как бы освещает и освящает эту землю светом христианства. Если летописный рассказ о сынах Ноя утверждает старозаветное право славян на свое место в истории человечества, то легенда, основанная на духе Нового Завета, фактически дает русичам, говоря словами Пушкина, право на «свою формулу истории».

Основную идею «Слова о полку Игореве» обычно кратко определяют таким образом: «Призыв князей к единению». Часто читаем расширенный вариант: «Призыв князей к единению, прозвучавший незадолго до нашествия монголо-татар». И тут ставится точка. Но ведь это — свидетельство провала, духовной пустоты. Русскому человеку необходимо знать: единение ради чего и во имя чего? Между тем этот призыв, явленный на разных уровнях, с использованием всей палитры доступных художественной системе Древней Руси средств (и даже — доселе недоступных ей, поскольку гений автора «Слова» опе-

редил время), есть призыв к единению во имя блага и процветания Русской земли. Эти ожидания звучат и в устах государственного мужа — Великого Киевского князя («золотое слово» Святослава), и в плаче Ярославны, символизирующей Русскую землю в ее материнском облике (Родина-мать), проявляются в настроении русской природы, чутко реагирующей на происходящее: «Никнет трава от жалости, а дерево от печали к земле приклонилось», звучит в лирических восклицаниях самого автора: «О Русская земле! Уже за шеломянемь еси!».

Особое чувство Родины в русском человеке и героях русской литературы проявляется по-разному: и в страстном патриотическом порыве, стремлении защитить Отечество, и тогда судьбы героев неразрывно связываются с судьбами страны; и в борьбе за веру православную, за Святую Русь; в любви к народу и стремлении к «народной правде»; в установлении особой, духовной связи с родной природой.

В момент гибели древнерусского государства под ударами монголо-татарских орд был создан замечательный памятник — «Слово о погибели Русской земли» (XIII в.). Русская земля уже лежит в руинах, а в восприятии автора, его читателей-современников и следующих поколений читателей она величественна и прекрасна. Серьезный ученый-медиевист (специалист по истории и культуре средних веков) тут же скажет об особом литературном стиле Киевской Руси — историческом монументализме, когда вся Русская земля в ее величии и красоте обзревается автором и читателем с некой идеальной высоты. Мы же с вами обратим внимание на следующее: перед нами в совершенной художественной форме раскрывается понятие Русская земля в частях, ее составляющих, и скрепах, соединяющих их в единое — духовное — целое: «О, светло светлая и украсно украшена, земля Руськая! И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, реками и кладязми месточестными, горами, крутыми холми, высокими дубровами, чистыми полми, дивными зверьми, разноличными птицами, бесчисленными города великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными, и князми грозными, бояры честными, вельможами многими. Всего еси исполнена земля Руская, о прававерьная вера христианьская!» Здесь и природа, нетронутая и возделанная человеком, города и села с их населением и церквами, и сильные мира сего, и — главное — то,

что придает Русской земле цельность, силу, красоту и величие, смысл существования, — вера христианская.

Традиционно солью Русской земли, ее ядром считался народ. В XVI веке Ермолай-Еразм в трактате «Правительница» не только отводил земледельцам главную роль в русской жизни, но и подчеркивал, что их труд особо угоден Богу: «Необходимы вельможи, но вовсе не трудом своим снабжаются они. Необходимы, прежде всего, земледельцы: от их трудов хлеб, а от него начало всех благ — хлеб на литургии в бескровную жертву приносится Богу и в тело Христово обращается. И вся земля потом от царя и до простых людей питается от их трудов». Поэтому три века спустя А.С. Хомяков в статье «Мнение русских об иностранцах» (1846 г.) уже говорил как о непреложном, давно установившемся в национальном сознании: «Отечество находится не в географии. Это не та земля, на которой мы живем и родились, и которая в ландкартах обводится зеленой или желтой краскою. Отечество также не условная вещь. Это не та земля, к которой я приписан, даже не та, которую я пользуюсь, и которая мне давала с детства такие-то или такие-то права и такие-то или такие-то привилегии. Это та страна и тот народ, создавший страну, с которыми — срослась вся моя жизнь, все мое духовное существование, вся целостность моей человеческой деятельности. Это тот народ, с которым я связан всеми жилами сердца и от которого оторваться не могу, чтобы сердце не изошло кровью и не высохло».

Если народ по большому счету и есть Русская земля, то в таком случае очень важным будет следующее свидетельство Достоевского: «Русский народ весь в Православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет — да и не надо, потому что Православие все».

Повторим еще раз: в русском национальном сознании Родина — понятие неизменно священное, неизменно несущее в себе Божественное начало.

История России сделала жанр воинской повести одним из важнейших в древнерусской литературе. Русские авторы воспевали беззаветный героизм соотечественников в борьбе с многочисленными врагами Русской земли. Эталонным образцом этого жанра стала «Повесть о разорении Рязани Батыем» (XIII в.), открывающая список литературных памятников периода борьбы за национальную независимость. В воинских повестях, как правило, перед

решающей битвой князь обращается к дружине с призывом, напрямую связанным с основной идеей произведения. Рязанский князь произносит следующие крылатые слова: «Лутче нам смертью живота купити, нежели в поганой воле быти». Любой погибший за Русскую землю кровью смывает свои грехи перед ней и Богом.

В этот же период создана «Похвала роду рязанских князей». Летопись свидетельствует, что из всех князей Древней Руси рязанские отличались особо буйным нравом. Незадолго до монголо-татарского нашествия был написан «Рассказ о преступлении рязанских князей». Что же произошло за столь короткий срок, почему так резко изменилось отношение к тем же самым князьям со стороны русских книжников? Ответ прост: рязанские князья почти все как один пали в боях за Русскую землю. Поэтому в памяти потомков они остаются добродетельными, Боголюбивыми и — главное — князьями, которые «отчину свою от супостатов (врагов) без лености оберегали».

Жертвенная искупительная гибель за Русскую землю в борьбе с врагами, как особо подчеркивают древнерусские авторы, стала уделом всех без исключения. Русские люди в трагический для истории Отечества момент всегда сопрягали свои судьбы с судьбами Русской земли. В «Повести о разорении Рязани Батыем» несколько раз повторяется фраза: «Все равно умерли и единою смертную чашу испили». Есть в «Повести» и более развернутая формулировка, которая еще раз подчеркивает общность судьбы рязанцев: «Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые».

Прошло время, возникло Московское царство, изменились способы ведения военных действий, появился порох. Но неизменным остался героизм русских людей-защитников родной земли. В XVII веке, в царствование Михаила Романова, донские казаки захватили и долго удерживали от превосходящих сил противника турецкую крепость Азов. О взятии крепости и об «осадном сидении» донских казаков были созданы так называемые «Азовские повести». Идя на смерть, казаки восклицают: «Топерво мы, бедныя, разставаемся с вашими чудотворными иконами и со всеми христианы православными. Не бывать уж нам на Святой Руси! Смерть наша грешничья в пустынях

за ваши иконы чудотворныя, за веру християнскую, за имя царское и все государство Московское».

Еще через несколько веков, в 30-е годы XIX века, Гоголь напишет повесть «Тарас Бульба» (окончательная редакция — 1842 г.). Вот описание гибели казаков: «Пощатнулся Шило и почувял, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану и сказал, обратившись к товарищам: «Прощайте, паны-братья, товарищи! Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!» И зажмурил ослабшие свои очи, и вынеслась козацкая душа из сурового тела <...>».

А уж упал с воза Бовдюг. Прямо под самое сердце припала ему пуля, но собрал старый весь дух свой и сказал: «Не жаль расстаться с светом. Дай Бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!» И понеслась к вышинам Бовдюгова душа рассказать давно отошедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, еще лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру».

Как видим, понятие Русская земля в сознании ее защитников, независимо от эпохи, неразрывно связано с православной верой. Это единство стало залогом непобедимости русского человека, когда он стоит за правое, за Божье дело. Гимном России, Православию, русской силе звучат заключительные строки гоголевской повести: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!»

В начале 60-х годов XIX века к историческому прошлому России обращается А.Н. Островский. В отличие от писателей-демократов он не стремится искать в истории России доказательств царского деспотизма, проявления крепостного гнета и других форм чудовищной несправедливости — всего того, что Н.А. Добролюбов свел к понятию «темное царство». В историческом прошлом драматург хочет найти источник активного созидательного действия на благо России и находит его в событиях 1612 года, связанных с освободительной борьбой русского народа против польских интервентов. Он пишет пьесу «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» (1862 г.):

Что может противостоять смуте, разбою, грабёжам, унижению иноземного закабаления? — Любовь к Отечеству:

Москва нам мать!.. <...>

А разве дети могут мать покинуть

В беде и горе?

И вновь традиционно для русской классической литературы любовь героев пьесы к Отечеству неотделима от преданности православной вере:

Поможем, братья, родине святой!

Что ж! Разве в нас сердца окаменели?

Не все ль мы дети матери одной?

Не все ль мы братья от одной купели?

Герой Островского, защитник России от польской интервенции и опасности превращения русских людей в католиков, в понятие Родина включает и «родные пепелища». Здесь русский драматург, несомненно, следует пушкинскому пониманию Отечества и форм проявления любви к нему как пониманию русскому национальному. (Имеется в виду черновой набросок Пушкина, ставший одной из формул русского самосознания:

Два чувства дивно близки нам,

В них обретает сердце пищу:

Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам.)

Одновременно Островский усиливает православное звучание текста пьесы, исходя из той исторической ситуации, которую он художественно воссоздает:

Нам дороги родные пепелища,

Мы их не променяем ни на что.

Нам вера православная да церковь

Дороже всех сокровищ на земле.

(Вскоре после создания пьесы драматург особо оговаривал: «Подняло в то время Россию <...> боязнь костела, и Минин <...> собирал деньги на великое дело, как собирают их на церковное строение».)

Еще один важный момент: когда приходит пора Козьме Минину принимать окончательное решение, ему является Сергей Радонежский, собиратель русского духа, в свое время вдохновивший на битву с иноверцами Дмитрия Донского. Любовь к Отечеству и высокую ответственность перед ним окрыляют героя и дают ему силы поистине богатырского, былинного размаха:

Я чувствую неведомые силы,

Готов один поднять всю Русь на плечи,

Готов орлом лететь на супостата.

Эта богатырская державная поступь русского православного солдата уже звучала в чеканных строках Г.Р. Державина:

А слава тех не умирает,

Кто за Отечество умрет <...>

«Ода на взятие Измаила» (1790 г.)

На излете XVIII века, века европейского Просвещения, на глазах «просвещенной» (и изумленной!) Европы суворовские чудо-богатыри проявили беспримерную отвагу в битвах и беспримерную волю в преодолении любых преград и любых лишений во имя Веры и во имя Отечества. В статье 1846 года «Мнение русских об иностранцах» А.С. Хомяков приведет показательную беседу «прогрессивного» «европейски просвещенного» сына с отцом — защитником «старины» по поводу суворовских побед: «Раз случилось, что сын сказал ему: «Разве не нашему просвещенному времени принадлежит слава побед и самое имя великого Суворова?» Старик обратился к восьмидесятилетнему отставному майору, давно уже отпустившему седую бороду, и спросил с улыбкой: «Что, Трофим Михайлович, похожи были Суворов и его набожные солдатики на моего Мишеля и его приятелей?» Разговор кончился общим смехом и долгим, басистым хохотом седого майора, которому эта мысль показалась нестерпимо смешною. Молодой денди сконфузился». Хомяков резюмирует: «Точно такого же рода вопрос и с таким же ответом мог бы быть приложен и ко всему великому, совершенному нами <...>».

Отечественная война 1812 года, давшая мощный толчок росту русского национального самосознания, в минуту грозной опасности пробудила в русских людях то особое общее состояние духовного единения, которое мы часто называем соборностью.

Из сферы церковной жизни с ее догматами и таинствами соборность распространяется в сферу русской общенациональной всесословной жизни, входит в ее плоть и кровь. Тогда единение всех и каждого на основе братской христианской любви, подчинение личных устремлений и идеалов над индивидуальным всеобщим идеалам Христа, органичное «единство во множестве» как проявление «свободного единодушия» (А.С. Хомяков) в момент решающего противостояния захватчикам переходит в решительное приятие общей судьбы, в потребность общей борьбы, общей жертвы во имя чести и независимости Родины.

Соборность трудно передать словесно — она постигается душой и сердцем. И все же русская классическая литература, плоть от плоти, кровь от крови народа, в лице своих великих представителей преодолела эту трудность.

Духом соборного единения, духовного богатырства пронизано гениальное стихотворение Лермон-

това «Бородино»(1837 г.), которое одно искупило весь во многом надуманный, наносной (извне привнесенный) демонизм поэта, чувство собственной исключительности (проще говоря — гордыню) его лирического героя.

Неслучайно Лев Толстой признавался, что именно это стихотворение стало зерном замысла его четырехтомного романа-эпопеи «Война и мир» (1863 — 1869 гг.).

«Всем народом навалиться хотят, одно слово — Москва. Один конец сделать хотят», — говорит Пьеру Безухову неизвестный ему солдат во время подготовки русских к Бородинской битве. «Несмотря на неясность слов солдата, — поясняет Л.Толстой, — Пьер понял все то, что он хотел сказать, и одобрително кивнул головой». Читаем ниже: «Увидав <...> мужиков, <...> Пьер опять вспомнил раненых солдат в Можайске, и ему понятно стало то, что хотел выразить солдат, говоривший о том, что всем народом навалиться хотят. Вид этих работающих на поле сражения бородатых мужиков <...> подействовал на Пьера сильнее всего того, что он видел и слышал до сих пор о торжественности и значительности настоящей минуты».

Когда решаются судьбы Русской земли, особое чувство Родины требует от русского человека простоты и определенности его переживаний, заставляет сосредоточиться на главном. Так, простак Остап из повести Гоголя «Тарас Бульба», казалось бы, напроць лишенный эстетического вкуса и глубоких личностных переживаний, оказывается способен на подвиг и мужественно принимает смерть, испытывая нечеловеческие мучения. И только когда уже его муки становятся невыносимыми, он обращается за моральной поддержкой к отцу: «Батько! где ты! Слышишь ли ты?» Освобождение Родины от поляков стало для него и для тысяч других казаков единственной целью жизни, главным ее смыслом. Ведь неслучайно, по образному определению Гоголя, казачество — та сила русского народа, которую «огниво бед» «вышибло из народной груди».

Под стать гоголевскому Остапу герой замечательной «книги про бойца» Василий Теркин из одноименной поэмы А.Т. Твардовского, созданной в годы Великой Отечественной войны. Вся сила драматических индивидуальных переживаний Теркина уходит внутрь его души. Этим его личность нисколько не обесценивается, а сам герой получает возможность

сосредоточиться на главном для народа, для страны, для всего человечества. Простой русский солдат, вельселек и балагур, то попадающий под бомбежку, то перебирающийся вплавь в крошеве льда на другой берег реки, то играющий на гармонии, то переживающий о потере киста с махоркой, никогда не забывает о том, что

<...> Россию, мать-старуху,

Нам терять нельзя никак.

(Глава «О потере»).

Теперь глубина содержания поэмы Твардовского обретает особую простоту и ясность:

Ясно все до точки.

Надо, братцы, немца бить,

Не давать отсрочки.

(Глава «О войне»)

Нет дороги, нету права

Побывать в родном селе.

Страшный бой идет, кровавый,

Смертный бой не ради славы,

Ради жизни на земле.

(Глава «О награде»).

А вот попытки героя русской классической литературы, сознательно ли, подсознательно ли или бессознательно – все едино, – отделить свою судьбу от судеб Отечества всегда трагична. И прежде всего для него самого и для его близких.

Таков другой герой гоголевской повести, младший сын Тараса Бульбы эстет Андрий. Плененный красотой «прекрасной полячки», он оказывается способен на предательство и измену. Обращаясь к предмету своей любви, герой восклицает: «А что мне отец, товарищи и отчизна! <...> Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне ее в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего. Отчизна моя – ты! Вот моя отчизна! <...> И все, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну!»

Через столетия судьбу гоголевского Андрия в главном – отрыве от Отечества – повторит Андрей Гуськов, герой повести В.Г. Распутина «Живи и помни» (1976 г.). В последние месяцы Великой Отечественной войны он дезертирует. Как и младший сын Тараса Бульбы, Андрий не был трусом. Он пробыл на фронте несколько лет, был ранен. Последнее ранение оказалось особенно тяжелым, и его отправили в тыловой госпиталь, на Урал. По мере того как к нему возвращались жизненные силы, в его душе стала крепнуть мысль: мол, хватит,

отвоевался, пускай другие воюют. Он возвращается в родную сибирскую деревню Атамановку. Возвращается тайно и открывается только жене Настене. Андрей пытается оправдать свое дезертирство тем, что теперь у него появится ребенок, а значит, он не зря вернулся, не прервется ниточка его рода. Однако ниточка прерывается: его супруга Настена бросается в воду и тонет. Она смогла вынести позор, когда свекровь обвинила ее в том, что она «нагуляла» ребенка на стороне. Не выдерживает Настена тогда, когда в деревню приходит весть о Победе. Вот «деревня взыграла... <...> бабы, бросаясь друг к другу, закричали, заголосили, вынося на люди и счастье, и горе, и вмиг отказавшее, надсадившееся терпение; забегали, засновали ребятишки, оглушенные новостью, которая в них не вмещалась, была больше всего, что довелось им до сих пор испытать <...> деревня, как могла, принарядилась, люди достали и оделись в лучшее, что хранили годами, ребятишки тут и там поднимали над воротами, над избами самодельные флаги. Агафья Сомова прикрутила к шесту сыновью красную рубаху, осиротевшую с прошлой осени, но еще добрую, не вылинявшую; <...> а чтоб без нее не сняли, встала у ворот на страже». Настена, привыкшая делить со всеми и радость, и горе, в день великой – одной на всех – Победы не вынесла проступка Андрея. А сам он, показывает автор, обрекает себя на жизнь одинокого волка.

* * *

Герой самого задушевного и самого русского романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1858 г.) Федор Лаврецкий после тяжелой душевной травмы возвращается из-за границы, где он провел несколько лет, в родные места. Забытая в суете Парижа и музейной тишине Италии спокойная неспешность национального бытия, соединенная с острым восприятием энергии жизни русской природы, оказала на него удивительное воздействие и пробудила в нем чувство родины: «И какая сила кругом, какое здоровье в этой бездейственной тиши! Вот тут, под окном, коренастый лопух лезет из густой травы; над ним вытягивает зоря свой сочный стебель, богородицины слезки еще выше выкидывают свои розовые кудри; а там, дальше, в полях, лоснится рожь, и овес уже пошел в трубочку, и ширится во всю ширину свою каждый лист на каждом дереве, каждая травка на своем стебле. <...> Жизнь текла неслышно, как вода по болотным травам; и до самого вечера Лаврецкий не мог оторваться от созерцания этой уходящей, утека-

ющей жизни; скорбь о прошедшем таяла в его душе, как весенний снег, и – странное дело! – никогда не было в нем так глубоко и сильно чувство родины».

Однако, как подчеркивал русский славянофил Ю.Ф.Самарин, чувство родины предполагает «потребность духовного воссоединения с родным краем». Пути такого воссоединения герою известны: «<...> признание народной правды и смирение перед нею – то смирение, без которого и смелость противу лжи невозможна». В полемическом задоре, когда слова приходят как бы сами по себе, когда чувство мужского соперничества придает Лаврецкому особую напористость, герой выглядит весьма убедительно.

Однако «народная правда» – это «правда Христа». Первые слова приветствия возвратившегося Лаврецкого звучат бодро и очень по-русски: «Как вас Господь милует?» Однако Бога-то в его душе как раз не было.

Любовь к Лизе Калитиной дала герою возможность приблизиться к народной правде почти вплотную. Особую роль здесь сыграло первое посещение им церкви, куда он идет на встречу с Лизой. В минуту счастья все родное «говорило его сердцу»: и «родные» лица русских людей, и звуки «согласного» церковного пения, и запах ладана, и лучи света, и темнота церковных сводов, и незримо присутствовавший во всем этом Бог: «<...> он и теперь не произнес никаких молитвенных слов, – он без слов даже не молился, – но хотя на мгновение если не телом, то всем помыслом своим повергнулся ниц и приник смиренно к земле».

В последующей сцене, на паперти, – апофеозе «чувства родины» – отчетливо ощущается то, что никогда более не проявится в творчестве Тургенева – начало соборного единения в Боге и любви. Мелодия любовного чувства к Лизе в сердце героя наполнилась Лизиной молитвой о нем и на мгновение влилась в симфонию русской жизни. И церковная служба, и Лиза, его ангел-хранитель, и яркое солнце, и молодая трава, и пестрые (яркие) платья и платки женщин, и гудение колоколов соседних церквей – все это есть уже свет, цвет и полный голос «народной правды».

С отъездом Лизы это все исчезло. Лаврецкий «раздал свои деньги нищим и тихонько побрел домой».

После ухода Лизы в монастырь герой Тургенева

не смиряется ни перед Богом, ни перед народной правдой, что есть одно и то же. Он смиряется перед судьбой. Поэтому он сломлен. Герой Тургенева мог быть счастлив. И не стал счастливым. Он мог, говорит писатель, быть доволен. Но не стал довольным. Он делает дело, а душа его мертва. Чувство родины не исцелило ее, потому что без народной правды оно стало мертвой водой. Жизнь героя закончилась. Теперь он живет по инерции.

По Достоевскому, народная правда – «правда Христа» – оживляет и воскрешает человека.

По Тургеневу, такая правда умаляет человеческую личность и губит ее. Это закономерно потому, что сам автор «Дворянского гнезда» как «русский скиталец» («русский европеец») стремится поверить народную правду «началами, выработанными западной жизнью».

Правда русского характера Лаврецкого не слилась с народной правдой, а кровное «чувство родины» не стало духовным чувством. Сам же Тургенев своей судьбой и своим творчеством явил миру трагедию совершенного «русского западника», «русского скитальца» и закономерно, по Достоевскому, – «русского страдальца». Любя Россию, он искренно и страстно желал ей блага на путях приобщения национального бытия к «началам, выработанным западной жизнью», и – был обречен всюду видеть крах своих надежд и упований. Поэтому его герои – даже самые что ни на есть «крепкие» русские натуры, с «долговечной» силой, с живущим в них «чувством родины» – фатально обречены на уход с «земного поприща». Поэтому Тургенев с горечью сравнивал себя то с «полуразвалившимся сараем», то с «едва привитой (речь, разумеется, идет о европейской культурной прививке. – Прим. авт.) российской яблоней».

Итак, подчеркнем еще раз: в чувстве Родины, которое внезапно проснулось в герое романа «Дворянское гнездо», в описании Тургеневым природы, которая разбудила в нем это чувство, не было чувства Бога.

***

Ощутить, увидеть Бога благодаря общению с природой – это особое качество православной души, и как раз об этом замечательное стихотворение М.Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837 г.):

Известный современный литературовед И.А.

Есаулов совершенно справедливо заметил: мы привыкли считать (а вернее, нас приучили к этому), что русский пейзаж хорош сам по себе; однако без мажорков православных церквей пейзаж перестает быть русским.

«Храмы Божии по лицу земли родной» (Н. Некрасов) — свидетельство присутствия Бога в сердце человека, в сердце России.

«Именно после Италии, — пишет Н.Н.Скатов, автор книги «Некрасов», — впервые в некрасовских стихах в такой степени прорвалась любовь к России и впервые к России в ее целом, к ее природе вообще, к ее народу в особенности». И продолжает: «Некрасов в «Тишине» как только, оттолкнувшись от Европы, художественно познал идею русского пейзажа, так и пошел к России — вообще к народу — в целом, к Богу — в бесконечности».

Храм божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул. <...>
Храм воздыханья, храм печали —
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил —
И облегченный уход.

(Н.А. Некрасов, поэма «Тишина», 1856–1857 гг.).

Эти проникновенные строки были написаны Некрасовым во многом вопреки демократическим установкам поэта.

Некрасов-демократ называл свою музу (вдохновительницу поэзии) музой мести и печали. Некрасов-демократ был уверен: «То сердце не научится любить, // Которое устало ненавидеть». Он хотел следовать и, по преимуществу, следовал за Виссарионом Белинским, который считал, что литература должна обличать существующий в России общественный строй.

Однако чувство Родины заставило звучать некрасовскую лиру по-иному. Поэт взглянул на русскую жизнь новыми глазами после возвращения из заграничного путешествия, после событий, связанных с Крымской войной, когда протестантская Англия и католическая Франция союзно с мусульманской Турцией при полной поддержке западноевропейских политиков (которых Пушкин когда-то иронич-

но назвал «народными витиями») обрушились на Россию всей своей военной и пропагандистской мощью. В поэме «Саша» (1855 г.) Некрасов воскликнет:

<...> Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенья страданий моих!

В поэме «Тишина» признается:

<...> Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!

Все русские классики, начиная с середины XIX века, на определенном этапе жизни и творчества обязательно приближаются к Пушкину, к его пониманию «иной формулы» русской истории, отличной от западноевропейской, к его приятию Отечества таким, каким оно сформировалось на протяжении долгого исторического пути. Благодаря пушкинскому пониманию Отечества Некрасов в поэме «Тишина» художественно соединит (синтезирует) древнерусское видение родной земли с некой идеальной высоты с пушкинским изображением картин родной природы:

<...> родной, любимый вид!
Там зелень ярче изумруда,
Нежнее шелковых ковров,
И, как серебряные блюда,
На ровной скатерти лугов
Стоят озера...<...>

В высших своих образцах русская литература облекает формулу Бог — Отечество — народ в совершенную художественную форму, раскрывающую самое сокровенное в сердце русского человека, связанное с восприятием мира и сути человеческого бытия. Видит Христа русскими глазами. Русский пейзаж суров, прост, безмолвен, даже, можно сказать, скуден. Беззащитен в молчании, и этим он соотносим в русском национальном сознании с образом Христа, молчаливо благословляющего на терпение и кротость жертвы. Классическим стало знаменитое стихотворение Тютчева «Эти бедные селенья...» (1855 г.):

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты Русского народа!
Не поймет и не заметит

Гордый взор иноплеменный,
 Что сквозит и тайно светит
 В наготе твоей смиренной.
 Удрученный ношей крестной,
 Всю тебя, земля родная,
 В рабском виде Царь Небесный
 Исходил, благословляя.

* * *

Строки «Край родной долготерпенья, // Край ты Русского народа!» были взяты Тургеневым в качестве эпиграфа для самого лучшего его произведения – рассказа «Живые мощи» (1874 г.). С радостью мы возвратимся к разговору о писателе. Ведь главный герой романа «Дворянское гнездо» Федор Лаврецкий с его несчастной личной жизнью во многом был списан Тургеневым с самого себя. А теперь у нас появилась возможность проследить, как проявляется неискоренимая русская суть писателя, который, хоть на мгновенье, как и герой его рассказа, приобщился к народной правде.

Главная героиня – «долготерпеливая» Лукерья – символ христианской кротости и смирения народа, его «тихого» самопожертвования. Она живет, «не жалуясь и не напрашиваясь на участие», смиренно несет свой крест: «Да и на что я стану Господу Богу наскучать? <...> Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал Он мне крест – значит, меня Он любит». Скованная смертельной болезнью, она уверена, что «иным еще хуже бывает». Неподвижно лежащая в темном сарайчике, она радостно впитывает в себя все звуки и запахи, все доступные ей краски мира Божьего. Забыв о себе, думает о нуждах других. И только в самом конце рассказа, под впечатлением встречи с прошлым в лице барина, прорывается в ней такое понятное, простительное в ее праведном долготерпении, прощальное сожаление: «Помните, барин, <...> какая у меня была коса? Помните – до самых колен!»

Символична встреча барина-охотника, alter ego самого Тургенева, с зовущей его народной правдой, на склоне оврага, в темном плетеном сарайчике: «Я заглянул в полуоткрытую дверь: темно, тихо, сухо <...>. В углу приспособлены подмости, и на них, прикрытая одеялом, какая-то маленькая фигура... Я пошел было прочь...

– Барин, а барин! Петр Петрович! – послышался мне голос, слабый, медленный и сиплый, как шелест

болотной осоки. (Вот он – «слабый, медленный и сиплый», но – голос, голос народной правды. – **Прим. авт.**).

Я остановился.

– Петр Петрович! Подойдите, пожалуйста! – повторил голос. <...>

Я приблизился – и остолбенел от удивления.

При встрече с Лукерьей герой испытывает настоящий эвдемонический шок («остолбенел от удивления»): только что он «дышал радостно – всею грудью» «вольным воздухом, под ясным небом», и вдруг – за полуоткрытой дверью – темнота, а в углу некое «живое человеческое существо, но что это было такое?».

Затем наступает время эвдемонического изумления: Лукерья о своей страшной беде рассказывает почти весело.

Потом приходит черед «невольному» эвдемоническому ужасу: «полумертвое существо готовится запеть». Лукерья запела «Во лузях», песню о красоте мира и силе жизни («Во лузях, зеленых <...> / Вырастала трава шелкова, / <...> Расцвели цветы лазоревые / <...> Пронесли духи малиновые <...>»), о девичьем ожидании женского счастья («Батюшка, батюшка, / <...> Ты отдай меня за ровнюшку, / Уж я ровнюшку насмерть полюблю, / <...> Я со ровнюшкой гулять пойду»).

Ужас героя сменяется состоянием амбивалентной жалости: с одной стороны, это эвдемоническое сожаление о крахе человеческих надежд на земное счастье, с другой – «жалость несказанная», «стиснувшая» сердце героя, наполнившая его состраданием, оборачивается желанием коснуться Лукерьи («Я положил руки на крошечные холодные пальчики»). Тут же герой с поспешной радостью исполняет единственную личную просьбу Лукерьи – утирает слезу с ее глаз.

Теперь он готов преклониться и преклоняется перед ее христианским терпением, ее заботой о ближних. Заключительный абзац рассказа пронизан атмосферой умиления праведническим смирением русской крестьянки: «<...> в самый день кончины она все слышала колокольный звон, хотя <...> до церкви считают пять верст с лишним, и день был будничным. Впрочем, Лукерья говорила, что звон шел не от церкви, а «сверху». Вероятно, она не посмела сказать: с неба».

Народная правда не есть правда собственно кре-

стьянская. Эта правда как «правда Христа» — общерусская, всесловная. (Еще раз вспомним слова митрополита Илариона Киевского: «И всем быть христианами: малым и великим, богатым и убогим».)

В «Живых мощах» русский дворянин Тургенев изобразил христианскую кротость и смирение крестьянки Лукерьи, прочувствовал жизненную силу ее христианского самопожертвования и преклонился перед ними.

***

После возвращения русской классики XIX века в лоно русской духовности наша литература никогда уже не утрачивала связь с нею.

На долю литераторов-эмигрантов первой волны, тех, кто покинул Россию в годы революции и Гражданской войны (1917 — 1921 гг.), выпала особая миссия: осмыслить все произошедшее и происходящее с Россией, извлечь уроки истории, сохранить то здоровое, основополагающее, что должно остановить процесс разрушения традиционных устоев русской жизни, — православную духовность.

Осмысление и изображение трагедии революционной России как «распятия русской души» вело И.С. Шмелева и Б.К. Зайцева к вере в возможность духовного воскресения нации, всего русского мира.

В творчестве Шмелева проявляется вера в чудо. Появляется столь характерное для русской классики «вдруг», которое выступает как связующее начало между земным и небесным. Это вдруг опирается на веру в возможность скорого единения людей на основе братской любви, на потребность в самопожертвовании, самоотречении человека: «И вот, вдруг что-то и произойдет. Из всеобщей грязи и произойдет! Вдруг и осветится» (рассказ «Чудесный билет», 1925 г.). Правда, писателя и его героя временами оставляет надежда в обозримом будущем увидеть это чудо: «Святая искра в человеке есть! Бывает — гаснет. Но волхвы придут, большие... Нам не видеть!»

Атмосфера религиозной патриархальности, идеально-ностальгическая дымка давно минувшего детства в «Лете Господнем» (1933—1948 гг.) и «Богомолье» (1931 г.) охватывали русского читателя-ровесника Шмелева. Наплывая на трагическое настоящее, они поддерживали в нем веру в красоту, правильность и неискоренимость духовно нравственных устоев общества. Читатель же (а таких с каждым годом становилось все больше), лишенный подобного целительного опыта, незнакомый даже

с бытовыми реалиями ушедшей жизни (писателю приходится объяснять ему значения слов «обоз», «чугунка», «сбитень»); еще труднее читателю услышать вместе с автором визг полозьев в мороз или понять ощущение особой радости героя при скрипе первых колес весной), благодаря пронзительному шмелевскому чувству Родины все-таки оказывается способен испытывать утешающее умиление от соприкосновения с Россией и «православным строем ее души» (И.А. Ильин).

В «Богомолье» в главе «У Троицы» Шмелев запечатлел образ народной Руси, идущей к Сергию Радонежскому: «Свежие лица девушек тихих и ласковых в ссутнутых на глазах платочках, вымытые до лоска к празднику; чистые руки, несущие бережно просвирки <...> добрые, робкие старушки, в лаптях, в дерюжке, бредущие ко святыням за сотни верст, чующие святое сердцем». Видимо, эти строки и вызвали восклицание И.А. Ильина: «Богомолье! Вот чудесное слово для обозначения русского духа».

В творчестве Бориса Зайцева просто и отчетливо звучит призыв «устоять»: «Борись, отстаивай свой дом, свою семью и детей. <...> не сдавайся, русский, гражданин Арбата. <...> Будь спокоен, скромный, сдержан. Призывай любовь и кротость, столь безмерно изгнанных, столь поруганных. <...> Плачь с плачущими. Замерзай с замерзшими и голодай с голодными. Но не гаси себя и не сдавайся плену мелкой жизни, мелкого стяжательства ты, русский, гражданин Арбата» (рассказ «Улица Св.Николая», 1918—1921 гг.).

Этим рассказом писатель вплотную подошел к замыслу «Преподобного Сергия Радонежского» (1925 г.). Устоять перед натиском губительных сил — устоять в вере, стоять перед Богом: «Гудят спокойные и важные колокола Трех Никол, вливаясь в сорок сороков церковей Москвы. На зов их собирается различный люд. <...> Все сюда собрались, все равны здесь, равенством страдания, задумчивости, равенством любви к великому и запредельному, общего стояния перед Богом». Зайцев не отрицает чуда, однако ожидания «вдруг» нет в его творчестве. В условиях реальной жизни предполагает он вести и ведет поиски, казалось бы, утраченного.

Борис Зайцев обратился к образу святого Сергия, потому что видел в народе «особую любовь и поклонение» ему, «безмолвную канонизацию в народного святого». «Как святой, Сергей одинаково велик для

всякого. Подвиг его всечеловечен. Но, — подчеркивает Зайцев, — для русского в нем есть как раз и нас волнующее: глубокое созвучие народу, великая типичность — сочетание в одном рассеянных черт русских». В художественном выявлении и фиксации (закреплении) этой «великой типичности» видел писатель свою основную задачу.

Принципиально важным в жизнеописании Преподобного Сергия Зайцев считает противопоставление двух типов духовности. С одной стороны, это Фиванда св. Антония первых веков христианства (Фиванда — историческая область Египта), мученья сладострастия, соблазн «яств и питий», роскоши, зной, «кровь юга» и цветущая Умбрия св. Франциска начала XIII века (Умбрия — историческая область Италии). С другой стороны — «северная Фиванда» и «великорусская Умбрия», Русь XIV века, «прохладная атмосфера северного духа» Преподобного Сергия.

Св. Франциск и Сергий хронологически отстают от св. Антония на тысячелетие, поэтому именно их Борис Зайцев сравнивает в «Преподобном Сергии Радонежском» как носителей разных типов (католической и православной) духовности.

Если Франциск «летел в светлом экстазе над землей», летел «в люди» с проповедью апостольской и Христовой, то Сергий полсотни лет «спокойно провел в глубине лесов, уча самим собою, «тихим деланием». Бегству от мирской жизни, прямому разрыву с ней и столь же прямому миссионерству св. Франциска противостоят естественность и простота, безболезненность «тихого делания» Преподобного Сергия. Потрясению жизненных и духовных основ — духовное строительство.

Высокому предназначению Сергия, пишет Зайцев, отвечал «характер его человеческий», «далекий от неожиданных, порывистых движений». Весь Сергий «как будто бы всегда <...> в сдержанной, кристально разреженной и прохладной обстановке». «Прохлада, выдержка и кроткое спокойствие, гармония негромких слов и святых дел, — подчеркивает Зайцев, — создали единственный образ русского святителя. Сергий глубочайше русский, глубочайше православный». Благодаря наличию высшего, по Зайцеву, качества личности — духовности, то есть способности ощущать Бога, дело жизни Преподобного Сергия «приняло покровительство Троицы, глубочайше внутренне

уравновешенной идеи христианства».

Таким образом, восторженному францисканству католицизма Зайцев противопоставляет православную духовность, принявшую благодать Пресвятой Троицы с ее органическим единством «одинокочистого пути» и «тихого делания», собиранием духовных сил нации.

Завершая описание жизни Преподобного Сергия, Борис Зайцев еще раз подчеркнет собирательность образа святого, символизирующего единение, концентрацию русского духа, противостоящего любому распаду, любой кривизне, любой коррозии: «Прохлада, выдержка и кроткое спокойствие, гармония негромких слов и святых дел создали единственный образ русского святого. Сергий глубочайше русский, глубочайше православный. В нем есть смолистость севера России, чистый, крепкий и здоровый ее тип. Если считать — а это очень принято, — что «русское» гримаса, истерия и юродство, «достоевичина», то Сергий — явное опровержение. В народе, якобы лишь призванном к «ниспровержениям» и разинской разнузданности, к моральному кликушеству и эпилепсии, Сергий как раз пример, любимейший самим народом, — ясности, света прозрачного и ровного. Он, разумеется, заступник наш. Через пятьсот лет, всматриваясь в его образ, чувствуешь: да, велика Россия. Да, святая сила ей дана. Да, рядом с силой, истиной мы можем жить».

***

Щемящее чувство Родины даровало Н.М. Рубцову силу выразить в советскую эпоху неискоренимую православную сущность души русского человека.

«В святой обители природы...» живет и совершает поступки лирический герой Рубцова. У поэта природа — полноценный художественный образ, имеющий святое для него значение и выступающий как символ Руси.

Подтверждение мы находим в стихотворении «Левитану (по мотивам картины «Вечерний звон»)», где соотносятся образные ряды храма (Руси) и луга (русской природы):

Над колокольчиковым лугом
Собор звонит в колокола!..
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон.
Твои луга звонят не глуше
Колоколов твоей Руси...

Если использовать эту соотнесенность в качестве ключа к пониманию и толкованию других стихотворений поэта, получим довольно целостную и законченную картину. При таком подходе яснее становится глубинный смысл строк стихотворения «В глуши» (1968 г.):

Когда душе моей
Сойдет успокоенье
С высоких, после гроз,
Немеркнувших небес...

Значение слова «небес» в данном контексте — гораздо шире того, что мы видим над своей головой. Поэт сам указывает на это, подводя читателя к необходимому выводу:

Земная веет святость,
И полная река
Несет небесный свет.

Такая соотнесенность проходит через все творчество Рубцова, открыто выражаясь во многих стихотворениях:

А возле ветхой сказочной часовни
Стоит береза старая, как Русь...
(«Осенние этюды», 1965 г.).

Как человек Богоподобный,
Внушает в гибельной борьбе
Пускай не ужас допотопный,
Но поклонение себе!..
(«Природа», 1969 г.).

Природа и человек выступают как единое целое, взаимообусловленное и божественное по своей сути.

Глубоко символичное значение имеют образы церквей, соборов, храмов. Человек в поэтической системе Рубцова вписан в контекст истории тысячелетней Руси. И это объединение происходит в том числе через образ храма.

Как сон столетий, Божий храм...
(«Душа хранит», 1966 г.).

Более того, прошлое в поэтической системе Рубцова объединяется с настоящим, восстанавливая прерванную духовную традицию:

А на горе — какая грусть! —
Лежат развалины собора,
Как будто спит былая Русь...

Какая жизнь отликовала,
Отгоревала, отошла!
И все ж я слышу с перевала,

Как веет здесь, чем Русь жила.
(«По вечерам»).

Мы можем утверждать, что лирический герой Рубцова воплощает в себе русский национальный идеал, основанный на православных воззрениях. В поэтическом наследии поэта воплощены коренные черты русского национального сознания: собранность, державность и открытость, реализующиеся через трагизм, глубинный лиризм, идею служения и самопожертвования. Особенно ясно это видно на примере образной системы стихотворения «Разбойник Ляля. Лесная сказка» (1968 г.).

Любовь воскрешает атамана, разбойника Лялю, который загубил немало людских душ. Раскаиваясь, он открыто заявляет возлюбленной княжне о дальнейшем пути:

Мы уйдем из этого становья,
Чтобы честно жить, как христиане,
Наслаждаясь миром и любовью.

Не желая продолжения разбоя и убийств, герой погибает в неравной схватке с алчным слугой Бархоткой. Поэт дает национальное понимание поступков кающегося грешника. В таком подходе он противоположен трактовке сходного сюжета у Некрасова, который показывает ситуацию, когда прощение раскаявшемуся разбойнику дается через убийство себе подобного (сказание «О двух великих грешниках» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»).

Для Рубцова такой вариант «разрешения крови по совести», пусть и во имя высших побуждений, неприемлем. Более того, доводя ситуацию до высшей точки нравственного звучания, поэт создает образ старухи Шалухи, служанки Ляли, которая ощущает личную ответственность за искушение грехов хозяина. Рассказывая о жизни и смерти атамана, она пытается предостеречь людей от совершения подобных поступков.

Так, скорбя, и ходит богомолка,
К людям всем испытывая жалость,
Да уж чует сердце, что недолго
Ей брести с молитвами осталось.

Глубоко символично, что героиня умирает на могиле хозяина. Автор указывает на то, что такие действия Шалухи освящены свыше: «Вдаль гонима волею верховной...»

Художественное пространство и время в произведениях Рубцова широко, безгранично, направлено в вечность. Ничто не могло заставить Рубцова озлобиться. Строки из стихотворения «До конца» (1968 г.)

стали не только творческим кредо, но и принципом всей жизни автора, как, впрочем, любого порядочного человека.

Я клянусь,
 Душа моя чиста.
 Пусть она останется чиста
 До конца,
 До смертного креста!

Однако позиция лирического героя шире. Он не только отвечает за свою совесть, но и утверждает богоподобность человека и его ответственность за совесть и поступки окружающих:

Очарованием смелым
 Сделай меж белых
 Своих лебедей
 Черного лебеда – белым!
 («На озере», 1971 г.).

Рубцов не только не отделяет свою судьбу от общей судьбы народа, но и испытывает боль из-за потери некоторыми лучшими черт национального характера: сострадания, взаимопомощи («Неизвестный»). Понять другого человека можно, только принимая его радости и скорби как собственные. Таков лирический герой стихотворения, видевший состояние неизвестного: «Он шел против снега во мраке бездомный, голодный, больной». Оценка, данная женщине, не пустившей прохожего на ночлег, сурова: «Тупая какая-то бабка».

В качестве противопоставляемого типа выступает православно открытая, соборная личность. Такова героиня стихотворения «Русский огонек» (1964 г.):

Я был совсем как снежный человек,
 Входя в избу (последняя надежда!),
 И услышал, отряхивая снег:
 – Вот печь для вас и теплая одежда...

Через постижение русского национального характера происходит слияние лирического героя с историей своего народа:

Как много желтых снимков на Руси
 В такой простой и бережной оправе!
 И вдруг открылся мне
 И поразил
 Сиротский смысл семейных фотографий:
 Огнем, враждой
 Земля полным-полна,
 И близких всех душа не позабудет...

Постигая народную духовность, лирический герой формулирует собственное отношение к миру:

За все добро расплатимся добром,
 За всю любовь расплатимся любовью...

О чем бы ни писал Рубцов: о Родине, о природе, о любви, о детях, – всюду мы находим проявление коренных национальных черт. Так великим русским поэтом воплощен положительный национальный тип, православная духовность русского народа.

Россия, Русь! Храни себя, храни!
 («Видения на холме», 1962 г.).

* * *

Вернемся к монументальному образу Русской земли в «Слове о погибели Русской земли»: «О, светло светлая и украсно украшена, земля Русская! И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, реками и кладязьми месточестными, горами, крутыми холми, высокими дубровами, чистыми полями, дивными зверьми, разноличными птицами, бесчисленными городами великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными, и князьями грозными, бояры честными, вельможами многими. Всего еси исполнена земля Руская, о прававерьная вера христьянская!» Вот она – величественная, безмерная, Святая Русь. Вот она – в своей идеальной ясности и кристальной чистоте духа. На века запечатленная в национальной памяти нашего народа, зовущая и зыскующая.

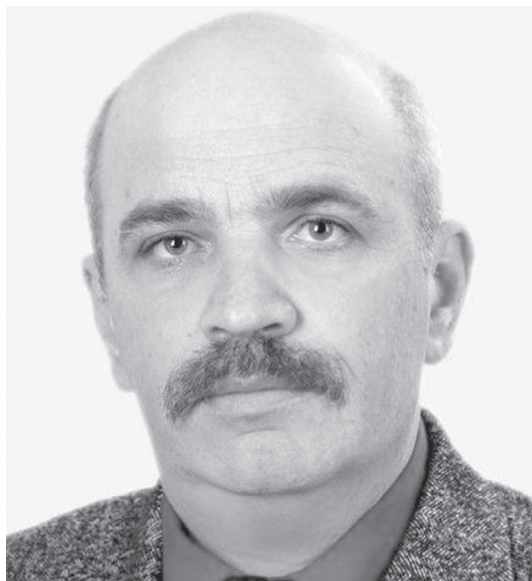
А вот та же Русская земля предстает перед героем незаконченного рассказа замечательного русского писателя второй половины XX века Ю.П. Казакова «Старый дом»: «Только теперь он понял, что если что-нибудь на свете стоит преклонения, стоит великой, вечной, до слез горькой и сладкой любви, так это – только эти луга, только эти деревни, пашни, леса, овраги, только эти люди, всю жизнь тяжело работающие и умирающие такой прекрасной, спокойной смертью, какой он не видел нигде больше». Она не утратила ничего из святости и возвышенной чистоты, только все это перешло в формы реальной земной жизни, «горькой и сладкой любви». И неважно, что герой рассказа живет во время дореволюционное, давно ушедшее от нас.

Такой смысл жизни не может устареть, не может уйти вместе с «неперспективными деревнями», сгоревшими лесами и «некошеным сенокосом»... Разве что – может быть утрачен вместе с утратой народа как такового или с утратой твоего собственного, подлинно человеческого, национального я. ■

ПАМЯТЬ

ГЕОРГИЙ СОЛОВЬЕВ

Георгий Матвеевич СОЛОВЬЕВ (1958 – 2016) – доктор филологических наук, профессор Кубанского государственного университета, автор трех книг и литературно-критических статей и очерков, опубликованных в журналах «Кубань», «Дон», газетах «Российский писатель», «Литературная Россия», «Кубанский писатель», «Кубанские новости» (где он долгие годы вел тематическую полосу «Литературная гостиная»).

НОСТАЛЬГИЧЕСКИМИ ДОРОЖКАМИ

ДЕГУСТАЦИЯ ХОРВАТИИ

Травелог – жанр, как ни крути, в общем-то, трудно поддающийся более-менее четкому определению. Это явно нечто большее, чем просто отчет о путешествии, хотя и отчет тоже. Но еще плюс к этому травелог предполагает наличие размышлений и массу других вещей. Не знаю – честно! – зачем я после т.н. голландского перерыва взялся за него... Нет, знаю – просто впечатления от нашей поездки в Хорватию летом 2007 года не могли не выплеснуться на бумагу.

ЗЕЛЕНА ЛАГУНА — МЕСТО, ГДЕ ТЫ ЗАБЫВАЕШЬ О ЗАБОТАХ

Вот написал так, потом перечитал – все правильно, ни капельки выдумки. Туркомплекс Зелена Лагуна (Zelena Laguna) считается самым красивым в этой части хорватского побережья полуострова Истрия (Istra). Зелена Лагуна развилась поистине в полной гармонии с пышностью средиземноморской растительности, в которую она погружена. Здесь можно дать своим глазам отдохнуть на многовековых соснах и чистом Адриатическом море, свое тело расслабить в комфортных апартаментах, у бассейна или на красиво ухоженном пляже в живописной бухте.

Зелена Лагуна находится в пяти километрах от городской черты Пореча (Poreč), и эта удаленность от цивилизации только добавляет прелесть в живописный пейзаж пляжей.

Теперь в несколько слов о непосредственном месте нашей дислокации. В нашем отеле «Plavi» – народ со всего мира. Большинство – вездесущие немцы и итальянцы. От них, конечно, много шума и беспокойства: итальянцы постоянно гомонят на своем певучем языке, а немцы снуют везде наглыми тараканами, пожирая все съедобное на своем пути. Но все это компенсируется корректностью, доброжелательностью и предупредительностью персонала. Никаких проблем, даже если вы можете изъясняться лишь на международном суржике: плиз, битте, данке шен, пошел на... пардон, занесло!.. «Plavi» – это некий автономный мирок. Можно провести весь тур, не покидая его территории и даже не ходя на море, и при этом не чувствовать себя обделенным. Превосходный стол на любой вкус, бассейны, лечебно-оздоровительные салоны SPA, а еще эстрадные площадки с аниматорами... Ну, на море, как и везде сейчас на море: всякие гидроциклы, парaplаны и прочие увеселения для охочих адреналина туристов. А еще Голубой флаг на берегу. Это знак качественного баланса между туристической деятельностью и уважением к природе. Вода действительно кристально чиста, на берегу экологическая обстановка тоже на высочайшем уровне. Правда, есть и обратная сторона медали этой неподражаемой природной девственности. Это морские ежи, они настоящие индикаторы чистой воды. Здесь их

множество. Морские ежи лежат на дне и, поскольку они темного цвета, их не всегда просто отличить от камней на дне. Проблема в том, что иголки попадают в тело незадачливых купальщиков и очень легко ломаются. Их трудно вынуть самостоятельно. При контакте с обычным морским ежом на месте раны может возникнуть раздражение, выражающееся в опухании травмированного участка и возникновении болевых ощущений... Увы, проверено на себе. Чтобы обезопасить себя от морских ежей, можно приобрести специальные тапочки (их еще называют коралловыми тапочками). Цена копеечная, а польза стопроцентная. Жалко, что мы, ветераны морского отдыха в Геленджике – Анапе – Сочи, столкнулись с этим столь неожиданно. Правда, быстро исправили эту ошибку в ближайшем курортном магазинчике. В этой обуви можно плавать и, при необходимости, ходить по дну, не боясь наступить на ежа. Все, что теперь от тебя требуется, это соблюдать обычные меры предосторожности, внимательно смотреть, куда ставишь ногу.

А теперь неожиданный поворот повествования – все же без экскурсий по историческим местам отдыха в Хорватии не будет полноценным. Во всяком случае для меня. А вся территория республики, некогда входившей в состав единой Югославии, – едва ли не сплошное историческое место.

ФИШ-ПИКНИК, ИЛИ ЗДРАВСТВУЙ, АДРИАТИКА!..

Наше пребывание в Хорватии продолжается. За первые несколько дней, мы полностью акклиматизировались, исследовали прилегающую территорию на предмет наличия ресторанов, кафе, магазинов и успели приучить себя ходить не только утром, но и после обеденного безделья на пляж. И вот, когда мы шли в очередной раз на пляж, к нам пристали промоу-

теры какой-то туристической компании. Они на смеси хорватского, английского, русского, а также мимики и жестов, предложили немного разнообразить наш отдых и потратить по 150 кун в обмен на одну из увлекательных экскурсий: «Prijatelji... Odličan Jadran! Inexpensive Fish Picnic! Хореший-хореший!»

Мы купили ваучеры на эту реально недорогую экскурсию (в пересчете около двух с половиной тысяч наших деревянных на двоих), а нас взамен обещали вывезти на весь день в море, дать половить рыбу с борта кораблика, посмотреть невиданной красоты острова и искупаться на нетронутых пляжах Адриатического моря. Маршрут был предложен следующий: Зелена Лагуна – Врсар – Ровинь – Зелена Лагуна.

Утром в назначенный час мы пришли на пирс, погрузились в предоставленный нам небольшой кораблик «Quo Vadis» и многонациональной толпой отправились в наше первое хорватское путешествие.

Не успели мы осмотреться вокруг и прочитать все предупреждающие надписи, как нас люди развеселого капитана Джорджио начали угощать местными алкогольными напитками – ракией и белым сухим вином. «Путешествие начинается хорошо», – отметила моя жена Машуня, отведав белого винца. «Просто отлично», – согласился я с ней, хлопнув для разминки стопку жгучей ракии. После непродолжительной поездки по морю мы заметили, что начали приближаться к месту первой остановки, острову Врсар (Vrsar). Фотографии этого райского места в обязательном порядке присутствуют на всех проспектах, рекламирующих Fish Picnic в акватории Пореча. В лагуна было пришвартовано большое количество катеров и лодок, что свидетельствует о популярности этого места.

Врсар (Vrsar) – маленький средневековый город, расположенный между Ровинем (Rovinj) и Поречем, непосредственно у Лимского залива (Limski kanal), протянувшегося вглубь суши

на несколько километров. Эффектные пейзажи Адриатического побережья и аутентичная атмосфера средневековья должно быть и привлекают сюда туристов, которые ищут тишины и покоя.

Старая часть города расположена на холме, вершина которого увенчана высокой колокольной собора Святого Мартина (Katedrala Svetog Martina), откуда открывается незабываемый вид на гавань, Лимский канал и небольшой архипелаг из 18 необитаемых островков, разбросанных вдоль побережья. А еще в Врсаре очень узенькие улочки. Можно свернуть в любую, и оказывается, что она резко взлетает вверх, или так же круто падает вниз. Машины там с трудом разъезжаются. Много кафешек. В них сидят веселые хорваты, похожие на итальянцев (или, может быть, итальянцы, похожие на хорватов). Нас там несколько раз спрашивали: «Руси?» Мы отвечали, что «да». И нам показывали большой палец вверх.

...Мы снова на кораблике. Прошли, рассекая пенными бурунами морскую гладь, у берега, где была стоянка пиратов. Это небольшой фьорд с устрашающего вида пещерой. Они там награбленное золото прятали и набирались по края ромом в пирушках после набегов. Глядя на это местечко, веришь, что пираты были ребятами серьезными.

Еще часа через полтора мы увидели Ровинь (Rovinj), побратим Венеции. Он глубоко вдаётся в море, и казалось, что плывет, такой разноцветный, легкий, тонкий. Мы с Машей в Венеции не были, но в ассоциативную связь этих двух городов, стоящих на берегах Адриатики, поверили безоговорочно — ведь стены домов Ровиня вырастают прямо из воды.

Этот сказочный средневековый город обладает непередаваемой волшебной энергетикой. Здесь от каждого здания веет романтикой и солнечным настроением. Необычная география города (он располагается как на самом полуострове, так и на архипелаге из 22 островов) делает его похожим на россыпь жемчужин,

искрящихся посреди бирюзового Адриатического моря. Наиболее живописные острова в составе территории города — о. Святой Екатерины (Sveta Katarina) и о. Святого Андрея (Sveti Andrij). Никого, думаю, не оставит равнодушным и великолепная архитектура Ровиня, отражающая все этапы истории и культуры города. Особого шарма добавляет этому местечку и очень мягкий, располагающий к отдыху средиземноморский климат, а также безмерно прекрасная береговая линия...

К сожалению, наша морская прогулка была не рассчитана на детальное знакомство с градостроительским чудом по имени Ровинь. Всю обратную дорогу в Зелену Лагуну — неисповедимы пути женской логики! — Маша дулась на меня за это. Даже участия в морской рыбалке не приняла. Правда, выловленную и тут же запеченную рыбу дораду съела и чуть помягчала в настроениях. В итоге было заключено соглашение о самостоятельном путешествии в Ровинь на предмет более близкого знакомства с ним. В этом плане беру пример с испанцев: убить женщину — да, обидеть — ни за что...

ЗДРАВСТВУЙ ВНОВЬ, РОВИНЬ!..

Зачем откладывать то, что можно сделать сейчас, на отдаленное потом? На следующий день — уже самостоятельно — мы вновь вступили на брусчатку улиц Ровиня. Красиво, дух средневековья ощущаешь всеми фибрами души.

Ровиню можно, пожалуй, смело присвоить звание самого романтического города Хорватии. Когда-то отец современной научной фантастики Жюль Верн в поисках уникальных мест для разворота сюжетов своих романов выбрал именно Ровинь. Его узенькие, местами круто уходящие вверх улочки и причудливый архитектурный образ с опускающимися в море стенами домов, напоминают сказочное царство и очаровывают с первого взгляда.

Этот город основали римляне в III веке и называли его *Castrum Rubini*, но археологические раскопки показывают, что эти места были населены еще раньше – в бронзовом и железном веках. В историческом плане Ровинь повторил исторический путь полуострова Истрия, все властители полуострова оставили здесь свой след. В разные века Ровинь находился под господством Византии, Венецианской республики, Австро-Венгрии, Франции, Германии...

В соответствии с летописными записями VII века, как говорит наш гид, Ровинь был окружен стенами, а позже был усилен башнями. Старый город имел семь ворот, трое из которых сохранились до наших дней – Ворота Святого Бенедикта (*Vrata Svetog Benedikta*), Портик и Взаимные ворота (*Recipročna vrata*). Символом города является Церковь Святой Ефимии (*Crkva Svete Efimie*), которая была построена в XVIII веке, а ее фасад, выполненный в венецианском стиле, был достроен в XIX столетии. Этот собор доминирует над городом. На его колокольне, на высоте шестидесяти двух метров, возвышается статуя Святой Ефимии, вот уже более пяти веков покровительствующая Ровиню.

Старый центр Ровиня находится как бы на почти оторванном от материка небольшом островке, где царит какой-то неуловимый, ни на что непохожий дух. Его трудно передать словами – узкие улочки (не более метра), веревки с бельем, протянутые между домами, ставни всех возможных цветов и размеров (здесь, кстати, не встретишь ни одной пары одинаковых), брусчатка... Все это придает уникальный, неповторимый и очень красивый вид этим кварталам. Весь же «островок» Старого города представляет собой холм с постройками XVII века, на вершине которого и находится церковь Святой Ефимии.

Здесь реально останавливается время и сейчас, спустя три с лишним века. Мы с Машей вроде не так много и гуляли по извилистым улочкам (разве что заглянули в небольшую конобу – так здесь называются маленькие ресторанчики – перекусить), а оказывается прошло

больше четырех часов. Пора возвращаться в условленное с гидом место встречи. И назад – в Зелену Лагуну.

ГОРОД, ПОСТРОЕННЫЙ ВЕЛИКАНОМ ВЕЛИ ЕЖИ

Заинтриговал? То-то же!.. Мы с Машей тоже были заинтригованы приглашающим описанием этого путешествия. Правда, по разным причинам. Я хотел поехать в город-крепость Мотовун (*Motovun*), чтобы посмотреть классический образец истрийской крепости, сохранившей свой облик с XII века. Маша хотела посетить Мотовун как столицу сбора знаменитых белых и черных истрийских трюфелей (думаю, не без желания прикупить мал-мало этих деликатесных грибов).

Главное, впрочем, когда главные желания не противоречат друг другу, – и вот мы в пути. По дороге встречаем указатель – «*Grad Hum*». Что за Хум такой, спрашиваем гида. «О, вы уже о нем слышали?..» – вопросом на вопрос отвечает тот. Да ничего мы не слышали! А оказывается, стоило бы.

Хум – городок, построенный, если верить легенде, великанами примерно в 1102 году. По крайней мере, первые упоминания о городке-малютке, возникшем на остатках римского поселения, относятся именно к этому времени. В XI веке Хум получил статус города.

В городе проживает аж 17 жителей, дома которых располагаются на единственных двух улицах. Между тем ежегодно здесь проходят выборы градоначальника, заканчивающиеся громкими торжествами, как и в большом мегаполисе.

В свои лучшие времена город, кстати, насчитывал до 300 жителей. Это, как вы понимаете, большое достижение – почти в 20 раз больше, чем сегодня... Именно это опустошение, точнее, уединение, украшенное незабываемыми

пейзажными видами, архитектурной красотой, привлекает, по словам нашего гида, сюда массу туристов со всего света. Для них здесь построена гостиница и рестораны. Также среди крепостных стен можно найти пару магазинчиков и больницу. Все остальные постройки живут здесь с XI столетия и менять свой облик не собираются.

Жалко, поздно мы узнали об этом удивительном городке-крохотуле. Правда, организованных экскурсий сюда все равно не предлагают, только самостоятельно можно приехать.

...А вот уже и панорама на холм, на котором расположился город с забавным для русского уха названием Мотовун. Поразительно красивый город, застрявший во времени лет на 200, в котором обитает всего 530 жителей и который тоже, как Хум, обделен вниманием туроператоров. Но то, что он находится в стороне от туристических маршрутов, не вредит Мотовуну, а скорее придает ему, пожалуй, особую ценность. Все в точности так, как с трюфелями, которых в мотовунском лесу огромное количество, и которые имеют гораздо большую ценность в сравнении с десятками других видов благородных грибов.

Однако вернемся к подробностям. У каждого города Истрии, даже у таких маленьких, как Мотовун, есть история о собственных гигантах-покровителях, причем для каждого из них подробно расписана биография – кто чем занимался, в каких походах и сражениях участвовал, какой у них был характер и т. п. У Мотовуна таким покровителем является великан Вели Ежи (Veli Jože).

Если же говорить о реальных вехах жизни Мотовуна, то они таковы. В средние века из-за частых набегов варварских племен коренное иллирийское население было вынуждено уйти с побережья вглубь полуострова Истрия и построить на холмах мощные города-крепости, способные выдерживать длительную осаду.

Сегодняшний облик Мотовун получил в XII–XIII веках. Однако в наши дни город уже «спустился» к подножью холма и новые кот-

теджи строятся прямо в долине. Мною эти градостроительские инновации, например, воспринимаются как изнасилование истории в особо извращенной форме. Но я же не президент Хорватии и даже не руководитель Истрийской жупании (т.е. местной региональной администрации)...

В городе есть несколько церквей, открытых для посещения, на улицы выходят окна кафе и ресторанчиков, где очень любят сидеть как местные жители, так и появляющиеся изредка туристы. Также в городе есть магазинчики, где можно приобрести местные алкогольные напитки (в первую очередь, сухие вина «теран» и «мальвазия» для барышень, а также сливовицу для крепких парней) и, конечно, трюфели (как целые, так и смеси перемолотых трюфелей с различными компонентами, что гораздо дешевле).

В одном из таких магазинчиков (разрекламированном нашим хитрым гидом) мы с Машей занялись дегустацией. Она – пасты из черных (самых дорогих) трюфелей. Я – сливовицы, изготовленной по эксклюзивному рецепту. Знатки говорят, истрийские трюфели подают как на party у Ротшильдов, так и на великосветских приемах королевской династии Виндзоров... Другие знатки говорят, что в царстве алкогольных напитков есть два короля: французский коньяк и шотландский виски и одна королева – божественная хорватская сливовица.

Под магическим действием этих стереотипов мы – в полном восторге от отдегустированного – приобрели баночку дорожкой трюфельной пасты и бутылку эксклюзивной сливовицы. Еще и «hvala» (т.е. «спасибо») искренне сказали. Уже в России попробовали гостинчики из Мотовуна... Лучше уж, как безумный народный лекарь Малахов, урино-терапией заняться. То, что мы пробовали в Хорватии, и то, что попробовали сейчас, – две большие разницы. Развели нас гостеприимные хозяева того магазинчика в Мотовуне.

Но тогда, при встрече с Мотовуном, мы этого не знали и потому радовались как дети своим впечатлениям о городе-крепости.

ПУЛА – ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ОТТЕНКОВ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Не знаю почему, но мне казалось, что Пула (Pula) – столица Хорватии. Оказалось – Загреб (Zagreb). Такая вот точечная географическая шизофрения. Но именно она послужила причиной нашей поездки в Пулу, расположенную на юго-западе Истрии во внутренней части залива, который разграничен в свою очередь на три портовых бассейна островами Ульяник (Uljanik), Св. Эндрю (Sv. Andrija) и Св. Катерины (Sv. Caterina). Численность населения в городе превышает 60 тысяч жителей. (Это я демонстрирую вызубренность содержания «пропущенного урока по географии»).

Теперь о впечатлениях. Здесь есть что посмотреть, но в то же время Пулу сложно назвать милым и симпатичным городом, он, скорее, стильный и немного холодный, хотя в то же время насчитывает множество уютных уголков, которые существуют «сами по себе», как отрывки из прошлого.

Для нас таким уголком стал в первую очередь древнеримский Амфитеатр Пулы (Amfiteatar u Puli). «В римском Колизее не были, хоть этот посмотрим», – по пути в Пулу выстраивает планы Маша. «Вовсе не поэтому. Колизей Колизею, а Пула Пулой...» – возражаю небезосновательно я.

Чтобы понять душу древнеримского Амфитеатра Пулы, нужно сначала окунуться в историю самого города. Пула была основана древними греками и благодаря выгодному стратегическому расположению стала одним из важнейших и крупных городов Истрии. В эпоху Древнего Рима Пула переживала годы стремительного подъема, с тех пор осталось немалое количество достопримечательностей, которые напоминают о могуществе и важности города.

Сам же Амфитеатр – наиболее известный монумент города и один из крупнейших сооружений своего рода – был построен императором Веспасианом на месте деревянного амфитеатра меньшего размера. Амфитеатр был расширен в I веке, примерно в один период со строительством Колизея в Риме, после чего он стал вмещать более 20 тысяч зрителей. Для строительства использовался местный известняк травертин.

Однако пора уже взглянуть на все через призму собственных впечатлений. Вход в Амфитеатр платный и стоит около 4 евро с носа (здесь, как и везде в подобных местах, при расчетах с интуристами забывают о местных кунах, стараясь выманить общеевропейские рубли или доллары). Изнутри строение смотрится монументально. Стены Амфитеатра в высоту достигают практически 30 метров. На первых двух этажах расположены ряды с 72 арками, а третий этаж имеет 64 прямоугольных отверстия. Размер осей эллипса амфитеатра составляют около 132 и 105 метров. Амфитеатр можно обойти самостоятельно, либо взять за отдельную плату плеер с аудиоэкскурсией, или присоединиться к какой-нибудь группе. Мы, например, решили осматривать его самостоятельно. Потому что ходить за гомонящей группой, прислушиваясь к скороговорке гида, – это лишь имитация постижения; стать рабом наушников аудиоплеера тоже не хотелось, так как это придает заданность не только маршруту, но и протяженности знакомства с каким-либо артефактом....

Трибуны расположены под углом к арене и окружены железными решетками. Но можно посидеть на каменных ступеньках и, закрыв глаза, нафантазировать картинку гладиаторского боя. Что Маша, по-моему, и сделала, промедитировав на ступеньках минут десять. Под ареной находится несколько подземных туннелей, которые похожи на лабиринт и соединены между ареной и клеткой. Здесь вообще идентификация со временем гладиаторов полная, так и кажется, что из-за поворота появится муску-

листый боец в доспехах и с каким-либо смертоносным оружием в руках.

Это идеальное место для любителей римской архитектуры и истории...

Выбравшись же на волю из подземных лабиринтов под ареной, мы вдруг услышали родную русскую речь. Пожилой гид то ли в силу преклонного возраста, то ли в силу профессиональных качеств неторопливо рассказывал группке наших соотечественников историю Амфитеатра в Пуле.

Оказывается, по своим размерам Амфитеатр занимает сегодня шестое место в мире среди подобных сооружений, и это единственная из сохранившихся арен, которая имеет четыре башни и все три архитектурных римских ордена. Основным назначением амфитеатра было, понятно, проведение гладиаторских боев. Но до того момента, когда последние были запрещены в V веке римским императором Гонорием. С этого времени начинается разграбление и разрушение Амфитеатра. Длилось все это бесчинство до указа патриарха Аквилеи в XIII веке. В эпоху же Средневековья здесь проводили ярмарки и рыцарские турниры и даже пасли скот. В начале XIX века, при правлении императора Австрии Франца I, Амфитеатр реконструировали под руководством архитектора Пьетро Нобиле. А с 1932 года Амфитеатр переоборудовали для театральных постановок, военных парадов и церемоний, а также различных социальных мероприятий. То есть обычным днем Амфитеатр живет жизнью музея под открытым небом, а вечером может стать и концертной площадкой. Как сказал этот дедушка-гид, два года назад здесь, например, прошел грандиозный концерт известного итальянского певца Патрицио Буанне. Я, правда, такого певца не знаю, но величием того момента все равно проникся.

Вот так, сами того не загадывая, мы собственное знакомство с Амфитеатром все же дополнили профессиональным комментарием гида.

Прогулка по самой Пуле нас как-то не воодушевила. После романтично-средневекового

Ровиня город показался излишне холодным и прагматичным.

Да, великолепны т.н. Золотые ворота города, Триумфальная арка Сергия (Slavoluk Sergija). Да, по-настоящему красива возвышающаяся над старой частью Пулы крепость Каштел (Dvorac Kaštel). Но это все, как я уже говорил, исторические уголки, существующие «сами по себе»...

РАПСОДИЯ ПЛИТВИЦКИХ ОЗЕР

Рапсодия в переводе с греческого обозначает «музыкальную фантазию». Не знаю, получится ли у меня, не очень опытного трубадура, передать в этой тональности яркие краски природного чуда по имени Плитвицкие озера (Plitvička jezera)... Но попробую.

Плитвицкие озера находятся в самом сердце Хорватии, в горных недрах Лицко-Сеньской жупании (Ličko-Senjska županija), на полпути между столицей Хорватии Загребом (Zagreb) и городом Задар (Zadar).. Мы намеренно оставили поездку сюда как финальный аккорд пребывания в Хорватии (да-да, это – увы! – завершающий фрагмент моего импровизированного травелога). При этом сколько раз мы порывались нарушить последовательность наших поездок, т.к. не раз слышали от наперсников наших экскурсионных вылазок недоуменно-осуждающий вопрос: «Как, вы еще не были на Плитвицких озерах?!» Сдюжили, превозмогли искушение, метафорически говоря, выпить компот раньше, чем съесть борщ.

Сначала справка. Плитвицкие озера – это почти 20 гектаров нетронутых лесов, озер и водопадов. Поистине уникальная экосистема, состоящая из 16 озер, соединенных между собой каскадами из 140 водопадов, окруженных девственными лесами.

А теперь впечатления (т.е. попытка создать обещанную рапсодию).

Хорваты считают эти места заколдованными. Один из местных горных массивов здесь носит имя Медвешчак (Medvescak), по имени своих диких обитателей — бурых медведей. Существует местное поверье о том, что Плитвица просуществует до того времени, пока останется живым хотя бы один медведь. И знаете, богатая природа Плитвицких озер, не тронутая рукой человека, действительно место заколдованное. Медведя мы, правда, ни одного не встретили. Но флора и фауна — родом из сказки.

Первое, что тебе предстоит сделать, очутившись здесь, это определиться с маршрутом. Их здесь пробито великое множество — от самых простых (примерно на 2 часа) до доступных по физической нагрузке лишь немногим (на 7–8 часов). Наш маршрут, как попытка найти золотую середину среди предлагаемого, составил примерно 10 километров, из них примерно 2 — на оснащенной электрической тягой кораблике. Почему кораблик с электродвигателем? Отвечаю — из соображения экологической безопасности. На территории природного парка «Плитвицкие озера» никому не разрешено использовать бензиновые двигатели, передвижение осуществляется только по специальным деревянным настилам троп, не разрешено разведение костров, лов рыбы, охота на животных и сбор любых растений. Сопровождающий нас гид по этому поводу не без тайного намека пошутил: «За нарушение уголовная кара как за изнасилование девушки».

Мы с Машей поклялись друг другу, что на «изнасилование девушки» не пойдём, после чего двинулись вперед.

Открывающийся ландшафт поражает в первую очередь буйством красок и оттенков. Сами озера, которые расположились ступенями, демонстрируют все мыслимые оттенки синего, голубого и бирюзового. Листва деревьев имеет всевозможные оттенки зеленого цвета. Попав на обзорную площадку над долиной реки Ко-

рана (Kogana), просто невозможно удержаться от восхищения этой цветовой гаммой, которую создала природа.

Спускаясь же к озерам, ты неожиданно обнаруживаешь, как меняется оттенок воды. Но удивительнее всего то, что у самого берега вода имеет серьезную глубину, хотя на глаз эта глубина совершенно не чувствуется, так чиста и прозрачна вода. А еще — о, это фирменная марка Плитвицы! — стараясь сохранить первозданное природное равновесие, из озер не вынимают упавшие деревья. Знаете, к чему это приводит? Тут, впрочем, не обойтись без еще одного отступления. Воды Плитвицких озер, текущие через богатые на известь горные породы, на протяжении тысяч лет отложили природные слои известкового туфа (травертина). Упавшие же в воду деревья покрываются коркой травертина, приобретая причудливые формы известковых окаменелостей. Картинка волшебная — прозрачная, отдающая на глубине бирюзой вода и фантастические «кораллы» древесных крон цвета слоновой кости. Да еще если стая рыб серебряной змейкой прошмыгнет... Рассудок сдаётся в попытке осмыслить эту нереальную реальность.

Травертин, раз мы уже заговорили о нем, это главный строитель Плитвицких озер. Именно он, накапливаясь слоями в воде, образует барьеры. Самое главное его достижение в этом — создание 16 озер, соединенных между собой каскадами из 140 водопадов. Причем это статистика только сегодняшнего дня. Под напором воды, стекающей с гор, подобные «запруды» из травертина растут со скоростью до 1 сантиметра в год, потом постепенно обрушиваются — так рождается новый водопад, на месте которого позднее появится другой. Да, природа — это скульптор, который делает удивительные вещи. Аккуратно, долго и старательно.

Озера делятся на двенадцать Верхних (Gornja jezera) и четыре Нижних (Donja jezera) и спускаются с высоты 636 до 503 ме-

тров, т.е. разница высоты между самым верхним и нижним озерами составляет 133 метра. Таким образом, ты, как Алиса в Зазеркалье, двигаешься от одного чуда к другому. А в этом путешествии тебя сопровождают журчащие, звенящие и поющие водопады. И все они непохожи друг на друга. Самый крупный из них Veliki Slap (вот уж действительно Великий) исторгает мощное крещендо пенных потоков с высоты 70 метров.

Самые крупные из Верхних озер – это Прошче (Proščansko) и Козьяк (Kozjak), самое крупное из Нижних озер – это озеро Милановац (Milonovač). Через Козьяк мы как раз и переправились на кораблике с электрической тягой, который я упоминал вначале. И плыли то меньше 5 минут, а ощущения, когда вступаешь на сушу, вдруг наступают как после качки. Ты ощущаешь себя в какой-то другой реальности. Даже на руки смотришь, пытаешься ущипнуть себя, проверить, не сон ли это. А вокруг тебя уже манит своей глубиной буково-хвойный лес. Он что-то говорит тебе голосами птиц, и ты силишься понять, но вместо этого задыхаешься свежестью напоенного лесными запахами воздуха...

Поэтому, когда забираешься в вагончик электромобиля (увы, экскурсия по природному парку «Плитвицкие озера» подошла к концу), воспринимаешь это как начало ссылки в каменные лабиринты города, от которых успел столь быстро отвыкнуть.

НАПОСЛЕДОК...

Ну вот и все. Пора подводить итоги. За время пребывания здесь я понял, что Хорватия – это такая страна, где невозможно просто сидеть в отеле номере. Она тебя как бы из комнаты выталкивает, и ты идешь бродить в поисках достопримечательностей и приключений. А их тут предостаточно! Живут здесь улыбчивые люди, которые любят и свою землю, и острова в море, словно горошины, рассыпанные из ху-

дого мешка, и это ласковое море, которое они красиво называют Ядран. И ты тоже быстро начинаешь испытывать те же чувства. Поэтому я и говорю: «Hvala тебе, Хорватия; спасибо тебе, Хорватия!» ■

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ИСТОРИИ

ЮРИЙ ЛУЧИНСКИЙ

Родился в 1960 году в Краснодаре. Писатель, журналист, литературовед, переводчик. Доктор филологических наук, профессор, завкафедрой истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета. Член Союза писателей России и Союза писателей Москвы. Лауреат Международного литературного фестиваля «Русские мифы» (Черногория). Живет в Краснодаре.

СТОЛИЦА БЕЛОГО ЮГА ГЛАЗАМИ БРИТАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА

Впервые фамилия Карла Эрика Бекхофера встретилась мне в книге дочери генерала Антона Ивановича Деникина – Марины Антоновны Деникиной-Грей.

У автора мемуаров «Генерал Деникин. Воспоминания дочери» удивительная судьба. Родилась Марина Антоновна в Екатеринодаре в 1919 году, вместе с родителями оказалась в эмиграции, стала известным журналистом, много лет вела передачи на французском телевидении «со звездами той эпохи – Жераром Филиппом, Пабло Пикассо, Марком Шагалом, Сальвадором Дали, Эдит Piaф, Франсуазой Саган».

Во время одной из предвыборных кампаний она умудрилась поссориться с будущим президентом Франции Жоржем Помпиду, после чего дорога на телевидение была для нее закрыта. Но это Деникину мало расстроило, так как первый муж Франсуазы Саган заказал ей книгу о белом движении в России. Так началась серия книг, посвященных российской истории, – «Расследование об убийстве Романовых», «Генерал умирает в полночь» (о похищении чекистами генерала Кутепова), «Распутин», книга воспоминаний об отце.

В октябре 2005 года она перевезла прах отца и матери в Москву, перезахоронив их в Донском монастыре, а через месяц скончалась в Версале в возрасте 85 лет.

Мемуары дочери Деникина – ценный документ по истории Гражданской войны на Кубани, а упоминание других участников этих событий, тем более связанных с журналистским сообществом, давало ценную подсказку в направлении дальнейших поисков новых источников и свидетельств.

В книге «Генерал Деникин. Воспоминания дочери» встречается следующий фрагмент: «Если победителям Екатеринодар представлялся в ра-

дужных тонах, то представители иностранных военных миссий и военные корреспонденты, не замедлившие нахлынуть в город, отзывались о нем совсем по-другому». Марина Антоновна цитирует вышедшую в 1921 году в Лондоне книгу достаточно известного в свое время британского писателя, журналиста и переводчика Карла Эрика Бекхофера (Carl Eric Bechhofer) под названием «В деникинской России и на Кавказе, 1919–1920» («In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920»).

Прошло время, и Бекхофера основательно подзабыли и в Англии, а в отечественной традиции транскрибирование его фамилии породило настоящую путаницу – от «Бичхоуфер» (по версии Марины Антоновны Деникиной) до Бехофер, Бечхофер, Бичхофер и Бехгофер.

Вариативность написания фамилии при отсутствии серьезного исследования творчества этого литератора приводит к серьезным затруднениям, так как имя Бекхофера время от времени появляется в различных источниках, но в качестве второстепенной фигуры, не заслуживающей специальной оценки.

Специалистам, занимающимся творчеством Николая Гумилева, имя Бекхофера знакомо, так как английский журналист был не просто знаком с русским поэтом по Петрограду, но и вводил его в литературные круги Лондона. О нем Гумилев писал Анне Ахматовой 21 июня 1917 года: «Бехгофер (англичанин из Собаки) пригласил меня остановиться у него. Он тоже в India, недурно говорит по-русски и знакомит меня с поэтами. Но все в один голос говорят, что хороших сейчас нет, и у большинства обостренные отношения. Сегодня я буду на вечере у Йейтса, английского Вячеслава. Мне обещали также устроить встречу с Честертонном, которому, оказывается, за сорок и у которого

около двадцати книг. Его здесь или очень любят, или очень ненавидят — но все считаются. Он пишет также и стихи, совсем хорошие».

Любители фантастики также знают его (но уже в качестве Бичхофера Робертса) по публикации перевода рассказа «Подводный остров» («The Island Under the Sea») в журнале «Всемирный следопыт» в 1926 году.

Тесно связан Бекхофер со знаменитыми российскими мистиками — Георгием Гурджиевым и Петром Успенским, о которых он много писал, а учением Успенского одно время даже серьезно увлекался.

Кроме того, Бекхофер перевел на английский язык поэму Блока «Двенадцать» (издание вышло с иллюстрациями Михаила Ларионова), две небольшие пьесы Чехова («Свадьба» и «Юбилей»), «Недоросль» Фонвизина, две пьесы Евреинова («Красивый деспот» и «Веселая смерть»), а с украинского — «Вавилонское пленение» Леси Украинки.

Итак, что мы знаем о личности Карла Эрика Бекхофера, добавившего впоследствии к своей фамилии приставку Робертс и писавшего также под псевдонимом «Эфесянин»?

Родился Бекхофер в 1894 году в Лондоне, там же он получил первоначальное образование. Отец, не одобрявший увлечение сына классическими науками, послал пятнадцатилетнего подростка в Германию, чтобы тот научился практическому знанию.

Однако, несмотря на отцовскую волю, Бекхофер продолжил классическое образование в немецких университетах, где в порядке вещей (помимо учебы) были попойки и дуэли. Тогда же началось его сотрудничество с лондонским модернистским журналом «The New Age», в котором в дальнейшем он публиковал целую серию репортажей из дореволюционной России.

Редактор-издатель этого журнала оставил любопытное описание юного Бекхофера: «Помню полноватого, краснолицего юношу лет восемнадцати, которого я ввел в круг моего журнала. Тогда он подписывался Карлом Бекхёфером (иногда весьма остроумно Чарльзом Брукфармером). После войны 1914—1918 годов он совершил авантюрную поездку в Советскую Россию, где лишился своего умлаута и стал Бекхофером-Робертсом. До пропажи умлаута он наострил писать памфле-

ты, полные неподдельного веселья. Удачной оказалась пародия на ведущие лондонские журналы, и все мы чувствовали, что он уже созрел для написания чего-то значительного».

В период Гражданской войны Бекхофер, неплохо знавший русский язык, волею судеб оказался на Юге России. Он писал для нескольких британских периодических изданий репортажи из Батума, Тифлиса, Ростова-на-Дону, Таганрога, Екатеринодара, Новороссийска и Баку, что в итоге завершилось публикацией книги «В деникинской России и на Кавказе, 1919—1920».

Помимо нескольких документальных книг о России и своих путешествиях по миру, Бекхофер пробовал себя в самых разных жанрах — писал романы (один из которых о Чарльзе Диккенсе и его связи с актрисой Эллен Тернан), биографии (одна из первых — об Уинстоне Черчилле), пьесы, детективы, фантастику, литературную критику, книги по оккультизму.

Умер он в городке Доркинг, в английском графстве Суррей в 1949 году.

Впервые на русском языке публикуется фрагмент книги Карла Эрика Бекхофера «В деникинской России и на Кавказе, 1919—1920», посвященный событиям, происходившим в Екатеринодаре в начале 1920 года, когда наш город все еще был столицей Белого Юга.

**КАРЛ ЭРИК БЕКХОФЕР
В ДЕНИКИНСКОЙ РОССИИ И НА КАВКАЗЕ
Глава пятая
ЕКАТЕРИНОДАР: ОТСТУПЛЕНИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ**

Екатеринодар — старинное казачье поселение, основанное, как видно из названия, одной из российских императриц Екатериной. Это небольшой провинциальный городок, известный большинству россиян в прежние времена только как административный центр Кубанской казачьей области и железнодорожная станция на пути в Новороссийск. Он внезапно получил известность в период антибольшевистских походов против советских войск. Когда генерал Корнилов впервые повел свою армию в кубанские степи, его основной целью стал Екатеринодар. Руководя осадой Екатеринодара, он был убит большевистским снарядом. После этой катастрофы, привлекшей

на сторону большевиков десятки тысяч простых людей, добровольцы сняли осаду и снова ушли в степи. Однако вскоре они вернулись, и Екатеринодар стал первой столицей антибольшевистской России. Когда в 1919 году начался большой поход на Москву, резиденция правительства переместилась в Ростов. Но сейчас, в первые дни 1920 года, падение Ростова снова вернуло добровольцев в Екатеринодар.

Нет ничего более нелепого, чем вид этого удаленного маленького провинциального городка, исполняющего роль Российской столицы. Это все равно как, скажем, Лондондерри [1] оказался столицей войск, лояльных британской короне, в случае, если бы большевики захватили все крупные города. Екатеринодар – самый неподходящий во всех отношениях. Немногочисленные и длинные улицы его совершенно непроходимы зимой из-за грязи, летом – из-за пыли. Когда я вернулся сюда из Ростова, здесь, конечно же, был самый разгар грязевого сезона. Каждый раз ночью грязь подмерзала, но поутру регулярно оттаивала. Поэтому грязь была просто за гранью понимания. Я не находил себе места от счастья, если удавалось добраться от моего местопребывания к центральным улицам и вернуться обратно не заляпанным грязью до колен. Главная улица пустынна и убога, магазины бедны, а огромный собор, такой же пустынный, как и все вокруг, одиноко стоял на большой площади в центре города. Несколько трамваев блуждали по городу, а весь остальной транспорт с трудом пробивался через ухабы и грязь. Вообразите на миг маленький городишко, переполненный из-за наплыва тысяч и тысяч офицеров, солдат и беженцев из Ростова и центральной России! Легко представить себе разницу между местными жителями и вновь прибывшими. В театральные антракты забавно было отличать в толпе местных. Они казались столь несчастными и провинциальными, что вызывали сочувствие и своим внешним видом, и быстрой утратой собственной значимости в собственном городе.

Хорошо известно, что казачьи области в России – Донская область, Кубанская область и Терская область (называемые так по именам их главных рек) – имели при царском режиме большую степень самоуправления при военном управлении. Казаки – привилегированный землевладельческий класс, облагавшийся незначительными

налогами или не плативший их вовсе, но взамен несший долгую военную службу, поставляя собственных лошадей и военное снаряжение, и находившийся в постоянной боевой готовности на случай опасности. Во всех казачьих землях проживало почти такое же количество «иностранцев», то есть «жителей других городов» – чужаков; это были люди, которые либо пришли в казачьи области в качестве поселенцев, либо жили здесь до того, как эти земли были дарованы казакам императорским указом. Иностранцы были крайне недовольны привилегиями казаков, и конфликт между этими двумя партиями стал причиной большей части проблем, возникших перед добровольцами в местных степях. После Русской революции в марте 1917 года казачьи области также взяли курс на демократическое развитие. Казаки стали образовывать «Советы» и «Круги», чтобы обсуждать собственные дела, а иностранцы – оказывать на них давление с целью получить долю в управлении. С приходом большевиков иностранцы и небольшая часть молодых казаков выступили против привилегий казаков-землевладельцев, у которых не было ни малейшего желания потакать мятежникам. Борьба принимала разные формы, но приход добровольцев в степь, а также горький опыт большевистского правления, вскоре сделал казачьи области полностью антибольшевистскими. Но была также ревность казаков к добровольцам, где обе стороны презирали друг друга. Казаки видели в офицерах с севера России хамов и чванливых крестьян и называли добровольцев молокососами и городскими шегоями [2].

Самонадеянность кубанских казаков росла по мере того, как антибольшевистские силы все больше зависели от них из-за поставок продовольствия и людских ресурсов. В декабре 1918 года, как только большевики были изгнаны с Кубани, Кубанский Совет, «Рада», прельщенная соблазнами высокой политики, послала депутацию на Парижскую мирную конференцию [3], чтобы обозначить позицию и требования Кубани. Депутация должна была доложить свое мнение господину Сазонову [4], главе русской делегации в Париже, но на деле уклонилась от встречи с ним и вошла в контакт с представителями небольших соседних с Россией государств, типа Азербайджана, Грузии и других, и, вдохновленная их примером, стала требовать признания Кубани в качестве отдельного и неза-

висимого государства! Не было ничего более смелого. Никто из жителей Екатеринодара или двух-трех других кубанских городков, ни земледельцы – казаки или иногородние – и представить себе не могли, что они перестали быть русскими, а являются отныне гражданами независимой Кубанской республики. Мирную конференцию это никак не впечатлило. Однако делегация со своими требованиями не осталась в Париже без внимания. Она добилась встречи с президентом Вильсоном, а в июне 1919 года заключила первый международный союз. Союз был заключен с другой загадочной, по сути своей, группой людей, называвших себя представителями «Республики горских народов» и взявших на себя право говорить от имени народов Дагестана и Кавказа. «Горская республика» [5] была в значительной степени попыткой грузин создать буферное государство между Грузией и Россией. Пробудились схожие амбиции и у кубанской делегации, в то время как германская и грузинская поддержка оказывалась обеим сторонам. Согласно договору, подписанному двумя делегациями, «государства» обязывались уважать независимость и неприкосновенность границ друг друга и фактически отказывались от помощи антибольшевистских сил в пользу нейтралитета, которого должны были придерживаться молодые нации. Кубанская делегация, конечно же, не получила полномочий ни от Рады, ни от правительства для заключения подобного соглашения, и в декабре 1919 года Рада решительно пресекла амбиции этих политиков, отказавшись от договора и распустив делегацию. До этого Рада стремилась отделить Кубань от остальной части России, выставив таможенные посты вдоль всей границы, что привело в смятение организацию войск и стало одной из основных причин, приведших к разрушению деникинских коммуникаций и, в конечном итоге, к поражению. Когда Рада восстановила союз с Россией, генерал Деникин, действуя совместно с избранным кубанским атаманом [6] и другими лояльными членами кубанского правительства, приказал провести военно-полевой суд над четырьмя членами кубанской делегации, несшими основную ответственность за попытку отделения. Трое ускользнули, один – в Тифлис. Четвертый, по фамилии Кулабухов [7], был арестован, осужден и повешен в Екатеринодаре на площади перед собором с прикрепленной на груди табличкой, объ-

являвшей его предателем России. Другие члены Рады, сторонники сепаратизма, были арестованы и высланы за пределы России. Так была ликвидирована сепаратистская авантюра. Казнь Кулабухова оскорбила кубанских казаков не столько своей непомерной суровостью, но потому что была совершена под контролем офицеров во главе с генералом Врангелем, которые в большинстве своем не были выходцами из казачьей среды. Казаки хотели сами повесить предателей! Даже кубанский атаман генерал Успенский (не имеющий никакого отношения к моему другу [8]) в прокламации, осуждающей сепаратизм, заявил, что «глубоко оскорблен тем, что члены кубанской делегации и члены Кубанской Рады были осуждены не новой Кубанской Радой или судом, назначенным Радой». Настроения в среде казаков привели к тому, что генерал Врангель, безусловно лучший генерал Добровольческой армии, был послан на другой фронт.

В первые дни Добровольческой армии кубанские казаки спасли ситуацию, пока донские казаки колебались. Но теперь, зимой 1919–1920 годов, все было наоборот. Донские казаки подобно троянцам сражались под Ростовом и Новочеркасском, своими главными городами, а кубанские казаки были все более и более ненадежны. Это происходило в большей степени из-за тактики кубанских политических лидеров, неопытностью которых умело пользовались влиятельные германские и прочие агенты. На самом деле обычный кубанский казак оказывался в затруднительном положении в случае, если большевики решат вторгнуться на кубанскую землю. Если он останется дома на своей земле, большевики могут маршем пройти по ней, так как донские казаки и остатки добровольцев из центральной России не в состоянии удержать целый фронт. С другой стороны, если пойти походом на большевиков, то иногородние попытаются захватить его землю. И опять-таки же, если большевики захватят Кубанскую область, определенная часть молодых казаков присоединится к ним. Ведь после разгрома большевиков они были вынуждены отступить вместе с ними, и теперь их единственный шанс вернуться домой лежал через новый захват Кубани большевиками. Так, самыми верными отрядами в большевистских войсках стали кубанцы. Подобная неразбериха еще больше затуманивала неясную цель кубанского казачества.

Когда столица генерала Деникина перебра-

лась из Ростова в Екатеринодар, ситуация стала совсем тяжелой. Екатеринодар был безнадежно переполнен. Мне повезло, что я приехал вовремя и смог добыть себе жилье. Мне удалось получить прекрасную квартиру в доме богатого табачного торговца-грека, обеспокоенного тем, что его комнату реквизирует англичанин, однако она могла достаться русскому офицеру или даже двоим, что накануне празднования русского Рождества и Нового года вызывало у него еще большую обеспокоенность, так как праздники отмечаются весьма бурно. Моим соседом по дому оказался еврейский спекулянт, который был знаком с каждой из влиятельных персон в городе, и от которого я получал большую часть полезной информации и возможность встретиться со многими интересными людьми. Ажиотаж вокруг комнат царил чрезвычайный. Надо было перевезти все денкинское правительство в Екатеринодар, а расквартированным офицерам требовалось не менее 8000 квартир для личного состава. Донское правительство (т.е. местное правительство Донской области), бежавшее из Новочеркасска от большевиков, так же хотело разместиться в Екатеринодаре. Да еще, конечно, и местная кубанская администрация. Размещать надо было и иностранные военные миссии, равно как и тысячи беженцев, торговцев, раненых и идущих на поправку офицеров и прочих. Нет нужды говорить, что Екатеринодар не мог вместить и десятой части тех, кто хотел остаться здесь. Власти провели строжайшую реквизицию комнат и домов. Семьи выбрасывались на улицу, чтобы освободить место для вновь прибывших. Расквартированные офицеры ссорились из-за вакантных помещений. Мой приятель, редактор главной газеты в Екатеринодаре, тратил половину времени, чтобы спасти свою семью от выселения из квартиры. Оставшееся время он проводил в редакции или сардонически наблюдая попытки департамента секретной службы Добровольческой армии захватить школьные помещения (в том же здании, где находилась и его квартира), занятые Министерством сообщений, и на которые претендовало еще и Донское правительство. Это было скучное зрелище. Но вполне очевидно, что чиновники, прибывшие в Екатеринодар из Таганрога и Ростова, были вынуждены тратить большую часть своего времени на поиски помещений для себя и своих семей, и, соответственно, у них почти не оставалось време-

ни для выполнения прямых обязанностей. Можно с уверенностью сказать, что после падения Ростова администрация Добровольческой армии практически перестала существовать.

В городе в каждом доме или квартире комнаты были реквизированы вне зависимости от нужд владельцев, цеплявшихся за все, чтобы спасти себя от перспективы оказаться на улице, когда — в довершении всего! — они не могли даже забрать с собой свою мебель, которую должны были оставить вновь прибывшим чиновникам. В штабе, расквартированном в заброшенном магазине на центральной площади, можно было весь день видеть толпы возмущенных домовладельцев и их друзей, протестующих против реквизиции жилья, в то время как другая толпа, столь же огромная и почти такая же шумная, состоящая из офицеров и чиновников с женами, только что прибыла в город и не имела понятия, где найти ночлег. Как бывает всегда в подобных случаях, самые громогласные и настойчивые просители были на самом деле наименее нуждающимися, а добрая половина всех разговоров в Екатеринодаре касалась ошибок в работе служб по расквартированию. Оставшееся время мы говорили о ценах, курсе обмена рубля на иностранную валюту и обсуждали слухи.

В конце концов было решено, что только часть правительства переедет в Екатеринодар, остальная будет отправлена в Новороссийск, столь же переполненный, как и Екатеринодар, или расселена по казачьим станицам. Одно время на официальном уровне обсуждалось предложение размещать служащих в правительственных учреждениях в городах, а их семьи — в станицах. Предложение вызвало панику по вполне резонной причине. В наши дни в России если вы потеряете из виду человека, пусть даже на несколько часов, то весьма вероятно, что вы рискуете его никогда больше не увидеть. Я знаю бесчисленное количество таких случаев. Отец мог выехать из Новороссийска в Ростов (если же, конечно, за взятку добудет у должностного лица билет), дорога до которого в нормальное время занимает всего несколько часов, чтобы увидеться с сыном, офицером Добровольческой армии. А сына куда-то внезапно отправили. Отец приезжает, не находит его и не может уехать из Ростова, так как там началась паника. Большевики захватили город, и отец вынужден остаться. Никто не знает, жив он или нет и где его сын. А в Ново-

российске его жена, думая, что он вернется через пару дней, остается без всяких средств к существованию. И такие ужасные вещи происходили изо дня в день. Когда кто-нибудь в России уезжал из города даже на короткий срок в описываемую мною пору, он прощался с друзьями, так как знал тысячи случаев, которые могли бы помешать ему вернуться. Сотни миль между Екатеринодаром и Ростовом или Екатеринодаром и Новороссийском были почти непреодолимым препятствием.

Какое в итоге было принято решение о расселении министерств с их чиновниками и их семьями, я на самом деле не знаю. Слишком велика была неразбериха, чтобы задействовать хоть какой-нибудь четкий план. Немного спас положение внезапный разлив Дона, задержавший наступление большевиков на несколько недель. Деникинский штаб вначале располагался в Батайске, совсем рядом с Ростовом, а затем медленно перебрался по железной дороге в Тихорецкую. Новый захват Ростова добровольцами в феврале породил надежды, но в итоге обернулся ловушкой, когда большая часть деникинских войск была обойдена с флангов и уничтожена. Жизнь в Екатеринодаре тем временем кипела вовсю.

Если в Ростове русские жили сегодняшним днем, то в Екатеринодаре они жили сегодняшним часом и сегодняшней минутой. Не было достоверных новостей, одни только слухи. Сегодня мы слышали, что белые взяли Таганрог, и красные отступают от Харькова, а завтра нам говорили, что генерал Деникин со своим штабом захвачен конницей Буденного под Тихорецкой и уничтожен. И мы не знали, где правда, а где ложь.

Среди моих новых друзей в Екатеринодаре были двое, чье мужество и стойкость в обстоятельствах, тяжелых даже для меня, но в десять тысяч раз худших для них, вызывали у меня огромное уважение и немалую любовь к ним. Оба приехали из Петрограда. Один из них журналист, другой – юрист. Первый – еврей и сын известного сиониста. Звали его Маршак. Фамилия другого молодого человека – Туманов [9]. Маршак помогал редактировать «Утро Юга», единственную независимую газету в Екатеринодаре. В свободное время переводил с английского стихи Блейка. Он работал пару лет в Лондоне в качестве корреспондента и хорошо знал английский. Жена его оказалась

очаровательной женщиной, храбро переносившей трудности в этом Богом забытом городке, и у них был ребенок двух или трех лет, который никогда не узнает, что пришлось пережить его родителям в те дни, особенно по его поводу. Маленький сын Тумановых в возрасте года или двух умер во время их путешествия в результате жуткой давки в поезде. Было ужасно узнавать, как много детей умерло в те страшные дни. Маршаки также потеряли одного ребенка [10], в большинстве семей, с которыми я встречался, такие же трагедии происходили в последние три года. Россия – не место для детей во время Гражданской войны, немного осталось их и на Юге.

Я был знаком с Маршаком прежде и, прибыв в Екатеринодар, тут же заглянул в его квартиру, а потом стал бывать у него часок-другой ежедневно. Маршак писал сатирические стихи на злободневные темы. Незадолго до моего приезда в Екатеринодар местный большевик, разозленный тем, что Маршак написал про него, пришел в редакцию газеты с револьвером и выстрелил в Маршака, но ранил другого сотрудника редакции. За это преступление он был посажен в тюрьму, но заявил, что как только придут большевики и освободят его, он без колебаний завершит задуманное. У Маршака не было ни малейшего шанса бежать из Екатеринодара, как еврей он не мог получить разрешения забрать с собой свою семью. Он отказался бросить семью, хотя жена умоляла его бежать и оставить ее, он настоял на своем. До меня дошли хорошие новости, что за несколько дней до падения Екатеринодара этот злобный большевик заболел столь тяжело, что друзья отчаялись увидеть его живым. Надеюсь, что он мертв и оставил бедного Маршака в покое [11].

Продолжение следует.

(Перевод с английского и комментарии Юрия Лучинского) ■

КОММЕНТАРИИ:

[1] Лондондерри – город в северо-западной части Ольстера (Северная Ирландия).

[2] Ссора эта не часто выходила на всеобщее обозрение, но, когда все же случалась, в воздухе пахло грозой. На съезде добровольцев и казаков в январе 1920 года казачий делегат, пред этим изрядно закусивший, закричал, что единственными достойными звания русских являются казаки, а все остальные – навоз! По залу пошло возмущение, и спокойствие удалось восстановить только после принесения извинений, выдворения смутьяна и взятого со всех участников обязательства, что никто из них не станет разглашать случившееся. Однако кто-то из присутствовавших поведал об этом по строжайшему секрету, и многие вскоре были в курсе произошедшего (**прим. К.Э. Бекхофера**).

[3] Парижская мирная конференция, созванная державами-победительницами для выработки и подписания мирных договоров с государствами, побежденными в Первой мировой войне, проходила с перерывами с 18 января 1919 года по 21 января 1920 года. В ней участвовало 27 стран, получивших статус победителей (в том числе и таких экзотических, как Эквадор, Гватемала и Гондурас). Россия же, подписав в марте 1918 года мирный договор с Германией, была названа «предательницей интересов союзников» по Антанте и практически исключена из принятия решений, несмотря на присутствие делегации во главе с С.Д. Сазоновым.

[4] Сазонов Сергей Дмитриевич (1860 – 1927) – министр иностранных дел Российской империи в 1910–1916 годах. В 1918 году входил в состав Особого совещания при А.И. Деникине. В 1919 году – министр иностранных дел Всероссийского правительства А.В. Колчака и А.И. Деникина.

[5] Горская республика была первоначально провозглашена в ноябре 1917 года на территории Дагестана и горских округов Терской области с центром в Порт-Петровске (Махачкала). В мае 1919 года она была ликвидирована войсками генерала Деникина, и ее правительство было эвакуировано в Тифлис.

[6] Успенский Николай Митрофанович (1875–1919) – генерал-майор Генштаба. В ноябре 1919 года был избран атаманом Кубанского казачьего войска, умер в декабре того же года в Екатеринодаре от сыпного тифа.

[7] Кулабухов Алексей Иванович (1880–1919) – участник кубанской делегации на Парижской мирной конференции. Священник, министр внутренних дел Кубанской Рады.

[8] Речь идет о Петре Демьяновиче Успенском (1878–1947), русском оккультисте, теософе, философе, писателе, которого хорошо знал К.Э. Бекхофер.

[9] Это не его настоящая фамилия, но так как, по моим сведениям, он остался в России, я не хочу раскрывать его имени (**прим. К.Э. Бекхофера**).

[10] Дочь Маршаков (К.Э. Бекхофер пишет фамилию Маршака как «Моршак» («Morshak»)) Натанаэль умерла в 1915 году в Острогжске, случайно опрокинув на себя самовар с кипящей водой.

[11] История, сообщенная К.Э. Бекхофером, подтверждается заметкой, опубликованной в газете «Утро Юга» от 27 августа (9 сентября) 1919 года под названием «Покушение на убийство членов редакционной коллегии «Утра Юга».

КРИТИКА

И ПУБЛИЦИСТИКА

Валентин РАСПУТИН

ВИДИМОЕ И НЕВИДИМОЕ

(Два слова в пользу надежды)

МЫ НЕ СДАЛИ КРЕПОСТЕЙ, НА КОТОРЫХ СТОИТ РОССИЯ
(выступление на X съезде Союза писателей России в ноябре 1999 года)

Не один я, должно быть, все последние годы жил с ощущением, что общее наше строительно-укрепительное дело вспоможения родному Отечеству получается у нас плохо. Не одному мне являлись подозрения, будто мы каким-то образом оказались не там, где должно нам быть. Оказались на пустынном берегу, от которого Русь отчалила, и это осталось для нас незамеченным. И мы взываем к отсутствующим. Для литературы даже больше, чем для любого другого искусства, важны восприятие, отзвук, взаимосвязь с читателем, литература вдохновляется и питается энергией ответной волны. Мы тужимся восстанавливать разрушенное, складывать разрозненные части водоедино, но они выскальзывают из наших рук и рассыпаются без того цементирующего состава, который есть читательское внимание; мы пытаемся склеивать разрозненные концы, но сухая бумага, не пропитанная сочувствием, не пристаёт к полотну. И глухая тревога охватывает нас: никогда еще мы не были столь искренни в своем гневе и боли за Россию, никогда еще в попытках сказать

громко и значимо, словами всеобщей мобилизации, не выкладывались мы до столь жертвенной опустошенности, и — напрасно?

Но напрасно ли?

Чтобы ответить на этот вопрос, в расчет надо брать не малые стада, пасущиеся на наших добродетельных засевах, и не большие, вдесятеро больше, срывающие цветы зла у тех, кто поставляет дурно пахнущие блюда. Эти количества читателей, как бы ни казались они малы на одной стороне и велики на другой, решающей роли не играют. Они лишь подтаивающие с разных боков от нахлеста волн края айсберга. Развернись завтра под изменившимся ветром айсберг (а он разворачивается) — и наших читателей прибудет, а не наших убудет, однако общее их число останется примерно одинаковым. По сравнению с огромной и глухой массой великана, влачимого непогодой и вморозившего в себя культурную потребность, оно есть лишь малая частица этого великана. За десять лет число читателей сократилось как не в тысячу ли раз, и это еще, надо думать, великодуш-

ные подсчеты. В один миг (а что такое десять лет, как не один миг?) литература потеряла не только государственное, не только общественное значение, но и значение органическое, личностное. Не считать же, право, за читателей глотателей душещипательных пустот, от которых пухнет книжный бизнес, вроде серии одного из издательств «сто самых-самых...» — «Сто самых громких преступлений», «Сто самых трагических катастроф», «Сто самых известных любовников», «Сто самых страстных любовниц» и так далее, много чего прочего «по сто». Все это наркотические таблетки в книжной обертке — и любителей их туда, к наркоманам, а не к читателям и следует относить.

После Октябрьской революции, когда произошел не меньший слом народного бытия и безвкусица и пошлость также ударились в разгул, до такого не доходило. Вспомним: тогда сразу после Гражданской войны появились Шолохов, Леонов, Булгаков, Платонов, талант молодого Есенина возрос до гениальности. Притом каждый из них принимал новую жизнь в сомненьях и бореньях, которые, казалось бы, должны были сказаться и на позиционном расположении вокруг литературы, и на самой литературе. Этого не произошло. Этого не произошло — несмотря на тогдашнюю разногласицу и даже на прямую директиву Агитпропа: «Взорвать, разрушить, стереть с лица земли старые художественные формы». Что такое для искусства уничтожить старые художественные формы? Это убить отечественное искусство, отменить национальную самовыговариваемость, заставить русский язык говорить не по-русски, из русской души устроить разлив и развес на все вкусы. Не вышло. Задумаемся: ведь значит же что-то тот факт, что юная советская литература не стала ожидать толстовских сроков для написания «Войны и мира», а принялась создавать эпопею за эпопеей о Гражданской войне тотчас же, по горячим следам, словно торопясь заявить неизменность и крепость своих отеческих и художественных принципов.

В одной из последних статей Валентин Непомнящий сказал, что роковой ошибкой большевиков

было то, что они не стерли с лица земли русскую классику и позволили ей спасти культуру XX века и тем самым спасти Россию. Парадокс: Василий Розанов считал, что русская литература своей безудержной критикой существовавшего порядка во весь XIX век погубила Россию, приведя ее к революции; Валентин Непомнящий уверен, что русская литература после революции спасла Россию. Спасла в таком случае чем? Той ее частью, можно быть уверенным, в которой русское крестоношение, тяжкое и бесконечное, из коего слагалась социальность, существовало среди удивительных даров родного, вынесенного из прошлого, приумноженного настоящим, раскинутого по земле и душам. Оно, это крестоношение, неотделимо было от дивной поэзии народной жизни. Из нее-то ткалась и слагалась, выпевалась и выдыхалась, из этой обильной и яркой самопряди бытия, — красота наших устных, а затем и письменных сказаний. Да и что такое художественность литературы, как не вязь родного с родным, любого с любым, как не чуткие и страстные всполохи от прикосновения к душевным закладам, не предельная пронизательность, не сказанность несказанного, не целомудрие чувства, не слава нашему земному пути! Одна художественность, то есть красота русской литературы, в которую облакалась красота нашей самобытности, способна была спасти Россию и не дать забыть ее духовные и нравственные формы. Один русский язык, это немолчное чудо в руках мастеров и в устах народа, занесенное на страницы книг, — один он, объявлявший собою всю Россию, способен был поднимать из мертвых и до сих пор поднимал.

Но если так, если литература прошлого века спасла культуру и Россию в XX, да еще продолжалась после революции лучшими своими качествами в лучшей, коренного свойства, современной литературе, то что же случилось затем, пятнадцать и десять лет назад, когда, получив подкрепление, она оказалась бессильной перед охватившим страну смятением? Дополним, что подкреплением была не только советская литература, но и эмигрантско-русская, пронизанная такой тоской

и любовью к России, точно это было взыскание Града Земного. Но — как обмороком обнесло, как дряхлостью побило всю нашу могучую книжную рать. В чем дело?

Красноармеец Андрей Платонов, начавший печататься сразу после Гражданской войны, писал: «Труд — это совесть». Один из его героев говорит: «Без меня народ неполный». И никому не приходит в голову не доверять этим словам или насмехаться над их наивной простотой, которая составляет у Платонова приземленную, как бы сознательно не поднимающуюся над землей мудрость. Подобное же безыскусное просторечие, точно валяющееся под ногами, только нагнись и подбери, а нагнувшись, поклонись его древнему и глубокому смыслу, легко найти и у красноармейца Леонида Леонова, и у продразверстовца Михаила Шолохова. Революция прежде всего была социальным переворотом, со стороны социальной она посягнула на душу, отменив небо, но труд она отменить не могла, разрушенную страну надо было восстанавливать. Труд, напротив, был героизирован. А труд есть совесть. Душа имеет два источника питания — небо и землю, и секуляризованная, обмирщенная душа тем старательнее цеплялась за землю, чем туже перекрывалось небесное сообщение, и, затаившаяся, однобокая, выжила, сыскав в земле и небесные заклады.

В эти годы мы часто вспоминали слова Тютчева в адрес народа: «Невыносимое он днесь выносит». Вспоминались они, конечно, и раньше. Иван Ильин, размышляя над ними, объясняет эту сверхвыносливость народа тем, что идет он, не сворачивая, по своим исконным путям. Точнее не скажешь. Исконное, родное, родительское, нагретое и исхоженное многими и многими поколениями, вобравшее в себя их опыт и силу, любовь и веру, и голгофу, и воскресение — вот солнце второе и незакатное, когда небесное солнце затянута тьмой.

Вторая революция на этом веку в России, происходящая на наших глазах, страшнее, разрушительней, подлее первой. Большевики не

скрывали своих целей, теперешние революционеры вкатили машину разрушения тайно и предательски. Знамена подлости осеняют их действия от начала до конца. У большевиков была идея, и если даже принять за истину, будто они строили и укрепляли государство единственно для того, чтобы спасти свою власть и затем экспортировать ее по всему миру, то и это сейчас, на виду установления единого мирового порядка, выглядит естественным в жестоком противоборстве недавнего прошлого — кто кого? У «наших» же плюралистов и реформаторов, певших поначалу сладкими сиренами, не водилось другой цели, кроме разрушения. И мировые их притязания проще — расплзтись по миру пауками, раздувшимися от разграбления богатейшей страны. Уже и теперь появляются откровения, вроде тех, что они никогда не ошибались в России и знали ей подлинную цену — стране, не способной вписаться в мировое сообщество, и народу, не годному для цивилизованной жизни. Это-то как раз, допустим, и правда, если под «неспособностью» и «негодностью» понимать самостояние, не дающее России раствориться в чужих мирах, да ведь хулители не это имели в виду. Цинизм сделался их святой правдой, труд, как понятие совестное, поруган, воспитанием народа стала его выбраковка. Платоновское (Андрея Платонова) «без меня народ неполный» потеряло смысл. Из всех отстойников и запруд, из тайников и спецприпасов потекла литература, возглавившая авторитетом искусства разрушение человека, его земли и миропорядка.

И повисло в небе, отпечатавшись с заведенного хода: разрушенное не восстанавливать, пусть так и будет.

Вот почему самая читающая в мире страна превратилась едва ли не в самую не читающую. Это была естественная и разумная реакция читателя на происшедшее. Его обманули и предали с такой жестокостью, какой, должно быть, в мире не бывало. И, не разбираясь в одних случаях, кто его предавал и кто предостерегал, а в других случаях и способный разобраться, но не желая в вели-

чайшем своем сокрушении делать разницу между теми и другими, подобно тому, как и мы, более посвященные в пружины разрушения, не хотим видеть этой разницы между лучшими и худшими в стане переворотчиков, — народ в инстинктивной потребности сохранить себя отпрянул от всякого печатного слова, как от проказы.

И вот в этом чистом поле, оставленном прежним читателем («чистом», конечно, условно, оставили не все), начал появляться новый читатель, или переродившийся в измененных условиях, или принявший в душу семена смятения и безысходности. Погребальная литература, как часть, притом активная часть сегодняшнего постмодернизма, приобрела известность не потому только, что напористой других работала локтями, пробиваясь к популярности, и не от какого-то особого таланта авторов, затронувших чувствительную струну в сердцах людей, а по причине, прямо происходящей из очевидности: смерть в России превзошла жизнь, умирающих больше, чем рождающихся. Поваяло тленом — и внутри его тотчас зашевелились черви, как продукт разложения некогда здорового тела. Признавай не признавай их, а они есть. Не больно эстетического вида, но свою работу выполняют. И читают сегодня всех этих Сорокиных и Яркевичей из трупоядствующей словесности больше, судя по тиражам их книг, чем Виктора Лихоносова, Василия Белова и любого из нас. Таковы культурно-потребительские реалии в России конца столетия — как закономерно наступившие после катастрофы, так и искусственно поддерживаемые, возвращаемые, чтобы продолжать посрамление жизни.

Я взял сейчас крайнее направление в объединенной темно-грязной литературе, чья продукция, назойливая и вызывающая, обильно рассеивается по всем городам и весям. Впрочем, единственным крайним направлением ее считать нельзя. Там крайних, перехлестывающих одно другое избытием скверны, немало. И все они находят спрос. Понятно, что это пристрастие к ним болезненное и временное; как только оздоровеет жизнь, оно отступит. Оно уже и сегодня опаздывает относи-

тельно происходящих перемен. Россия выстояла, в этом больше нет сомнения. Она выстояла, если говорить, смещая времена, и о будущих, не менее тяжелых и коварных испытаниях. Будут еще, как в Смуту XVII века, и присяги неразборчивых патриотов на верность Лжедмитриям, будет череда примерок на трон от боярских партий то польского, то шведского, то датского ставленников, будут шатания и нестроения, как обычно, особенно злые на исходе напасти, — будет еще многое, даже и не бывавшее... Но прежде ополчения войскового, кладущего конец беспорядку, встает невидимое духовное ополчение, собирающее Божью правду со всех земель и российских народов и водружающее ее, как хоругвь, посреди России, чтобы начертанные на ней скрижали не укрыли никакие расстояния и не заглушила никакая разноголосица. По ним, по этим начертаниям вызывающей решимости, и поступает народ, решая, собирать ему войсковую силу или мирной перебороть зло. И тогда точно пути спадают с рук и ног и выправляется сбивчивое дыхание. Как вдохновение, поднимается в людях воля снять с себя проклятие, наложенное нечистыми умами. Среди тьмы прислужничества появляются прокуроры, ищущие справедливого закона для преступников, губернаторы, радеющие за свои земли, а в правительстве объявляются лица, глядящие на Россию мимо Кремля. Это что-то да значит!

У нашего писательского Союза не запятнанные перед Отечеством перо и честь во все минувшее окаянное десятилетие. Мы не отступили от праведности и совестности литературы. Кажется, тот же Василий Розанов сказал о славянофилах, что они звонили в колокольчики, в то время как в стране гудел набат, призывающий совсем к иным действиям. Должно быть, и мы звонили в колокольчики, но не из робости или малосилия, а оттого, что слишком густо был забит злом сам воздух. Но не предали мы ни земных, ни небесных крепостей, на которых стоит Россия, ни святых наших, ни души, ни оружия, ни товарищей...

Но я не напрасно заговорил о новой литературе и новых читателях. Нет нужды оговариваться,

что жизнь, в какой бы трясине она ни купалась, все равно идет вперед и обновление литературы неизбежно. Талант не имеет клеточного состава, но и он под влиянием внешних условий способен видоизменяться. Но изменения изменениям рознь. Там, на той стороне литературы, где свобода самовыражения творит «чудеса», читателей сегодня больше и книги выходят легче. Ну и что стоит нагнуть в ту сторону перо? Нутро не пускает? Подскоблить нутро от наростов, сделать что-то вроде пластической операции. Язык не дает? Подцензурить язык, чтобы всяких бабушкиных зарослей поменьше. Полный переход туда, как правило, у нашего брата не получается. Не та порода, да его там и не примут как равного. Однако поклониться чужим пенатам, из желания понравиться позубоскалить над промашками природы в изобретении русского человека, позволить героям «мать-перемать» или обучить их новоязу, выпить в мертвецкой, укладываясь с женщиной в постель, пригласить для услуг читателей — ну что тут такого? Да на новых воздухах это все просто необходимо!

Бог с ними, в мире, где торгуют государствами, мелкая спекуляция действительно неизбежна. Но, чтобы спекуляция называлась спекуляцией, нужно, чтобы рядом незыблемо держала за собой место праведная жизнь.

Повторю: народ наш спасался во все времена исконными путями. У исконного, самобытного, родного есть все для удобной, безбедной и красивой жизни. Размер нашей души и свойство нашего характера слеплены им и для него. Как бы ни изгибали наши перерожденцы спины, в какие бы одежды ни рядились, в какую бы привозную ипотасю ни ударились — везде они будут чужаками и межеумками, повсюду на них будет проступать клеймо вора, обворовавшего самого себя.

Вот там, в родном, и надо искать читателя. Оттуда он и придет. Не заманивать его, не заискивать, не повышать голоса, а выдохнуть из души, как «мама», чистейшее слово, и так выдохнуть, чтобы высеклись сладкие слезы и запело сердце.

Мы умеем это делать. И мы обязаны это сделать.

ЗАПРЯГЛИ ИЛИ НЕ ЗАПРЯГЛИ? (выступление на V Всемирном русском народном соборе в декабре 1999 года)

До странности окостеневшими бывают общественные пристрастия к ошибкам и односторонним мнениям. В том числе и у людей широких и пронизательных умов, у летописцев отечественной истории и души народной. Человек легче проникает в дальние миры, во всякие макро- и микрокосмы, а в себе самом, в общности таких, как он, разобраться не хочет. У нас не только нет цельной науки о нашем народе, но и взгляды на него настолько разные и порой противоречивые, будто мы свалились с луны, а не вышли из его недр. Загадочная русская душа до сих пор представляет тайну не для одних лишь иностранцев, усаживающих ее под развесистую клюкву, но и для нас, судящих о ней с пространной приблизительностью. Вот уже два века, начиная с Радищева и Чаадаева и заканчивая нашими современниками как из левого, так и из правого лагеря, русский человек все в себя не укладывается. Разноречивые суждения о нем всем нам хорошо знакомы. Для одних он существо безвольное, склоняющее свою выю под любое ярмо, нетрезвое, недалекое и так далее. И не объясняется этими первыми, как такое пьяное и «растительное», малоподвижное во всех отношениях существо построило империю в шестую часть суши, прошло победными парадами в Варшаве и Вене, Париже и Берлине, создало могучую индустрию и могучую науку и первым полетело в космос. Вторые обращают внимание как раз на это, на могучую деятельность русского человека, и обходят молчанием периоды его затишья, вялости и анархии. Третьи, чтобы как-то согласовать те и другие начала, предлагают теорию затухания наций, по которой выходит, что русские сейчас и находятся в периоде такого угасания. Да, были времена великих подвигов и побед, но тысячелетний срок, отпускаемый историей для активной жизни наций, миновал, наступила пора органической старости.

Тут и являются несоответствия.

Семьсот лет назад, когда о затухании нации не могло быть и речи, Русь лежала в тяжелом и молчаливом рабстве и, казалось, даже не помышляла об освобождении. Но явились вожди — полководец и пастырь — и точно из небытия собралась она на Поле Куликовом и отстояла себя. Триста лет назад, когда о национальной дряхлости тоже не приходится говорить, Смута продолжалась не менее двадцати лет, и неизвестно, существовала ли Россия в те полтора года, когда на престоле сидел чужеземец, — все было в шатаниях, разброде, несогласиях и взаимоистреблении. Но только ополчение Минина и Пожарского двинулось на Москву — словно током пронизало разметанный в распре народ, и больше он уже не сомневался, чью взять сторону. С Суворовым ходили крепостные людишки с задавленным сознанием и волей, как пытаются внушить нам, — и какие распрямлялись богатыри! К Кутузову на Бородино на подмогу отступающей армии выступило народное ополчение из мастеровых и холопов. В последнюю Отечественную не половину ли войска составляли мужики из подъяремной колхозной деревни, которую не перестают сравнивать с крепостничеством?..

Неужели только и всего: пока гром не грянет, мужик не перекрестится?

Достоевский, сетуя на то, что русские писатели только и знают, что обличать всяких уродов и ставить Россию к позорному столбу, недоумевал: почему у них, у писателей, ни у кого не хватило смелости показать во весь рост русского человека, которому можно было бы поклониться. Обвинения Ивана Солоневича в адрес великой русской литературы еще тяжелее: он считает, что искаженным образом нашего соотечественника, всех этих непротивленцев, самоедцев, мечтателей, босяков, калик переходящих и пр., русская словесность спровоцировала Германию в сорок первом на войну. Гитлеровские идеологи судили по этим героям о России как о колоссе на глиняных ногах, заполненном внутри пустопорожьем. И — жестоко ошиблись. Но и как было не довериться этому первоисточнику национальной души, как было

не считать со страниц прославленных книг это торжество лени, беспечности и неприкаянности! Солоневич, как до него Розанов и Меньшиков, убежденные, что именно славная наша литература привела Россию к революции, конечно, переусердствовали в категоричности своего приговора, но не прислушаться к ним нельзя.

Но, с другой стороны, нельзя и заподозрить литературу в умышленном искажении жизни.

Тут разгадка, мало замечаемая, заключается в том, что русская словесность вся вышла из созерцательности, то есть непрактичности русской души, признаваемой за слабость. Непрактичность — ее мама родная. И Обломов, и Манилов, и Безухов, и Каратаев, и многие другие, вплоть до «чудика» и Ивана Африкановича — все они могли бы стать русскими писателями и сделать героями своих книг Гончарова, Толстого, Чехова, Тургенева, Шукшина и Белова. Природа у них одна. Коробочка, Собакевич и Ноздрев не могли бы, потому что это карикатура, пусть и гениальная. Штольцы и Шульцы тоже не могли бы — эти не из нашего теста. Слабость созерцательности, вдумчивости, обращенности к дальним и невидимым пределам, грех, казалось бы, отсутствия, какой-то прерывистости бытия есть такая же полноправная и необходимая сторона нашего характера, как сторона деятельная и волевая. Это двуединство стоит дорогого. В кажущейся слабости наращивается сила и уверенность, дремлющие мускулы исполняются порыва, в сосредоточенности являются откровение и постижение, в мечтательности можно увидеть и паломничество к желанным палестинам. Это не провал деятельности, а переход к другому рода деятельности — духовной. Она выпестовала нашу православную душу, самую прочную, и воздвигла ее на высоту, с которой дароносит лучшая в мире культура. В ней-то, должно быть, и обитает то знаменитое женское начало, которое, как единственное, склонны относить к России. Нет, другая сторона русской сущности — мужская, производящая способность к сверхъестественным деяниям. А вместе они и составляют то плодотворное лоно нашего духа, в котором не прекраща-

ется вынашивание. Не прекращается в том числе и теперь.

Эта картина отнюдь не отрицает наших грехов и болезней, для которых понятие «смертные» долго оставалось меркой только недуга, но готово стать и меркой савана. Не дряхлость нам грозит от выроста из сроков, назначаемых для пассионарной жизни наций. Эти сроки исчислялись по европейским стесненным стандартам, а мы народ большой, многоземельный, издавна принявший в себя десятки и десятки инородческих племен и не износивший свежести своей крови и силы. Нет, не это должно пугать нас сегодня.

Знаменитая триада, незыблемость которой для полноценной жизни всякого государства прошедшие сроки лишь подтвердили, остается и сейчас основным условием спасения России. Вера, Власть, Народ. В старой России это звучало: Православие, Самодержавие, Народность. Монархия пала, вера подверглась гонениям, круг национальных, исторических, художественных и бытийных ценностей, питающих народ, был сознательно сужен и выхолощен. Народ перешел в услужение новой государственной системе. Это не то же самое, что служение Отечеству. Иногда они совпадали, как в Великую Отечественную, но чаще разнились. Усталость нашего народа, которую нельзя не видеть, объясняется еще и тем, что слишком много сил и жертв он отдал в XX веке порядку, оказавшемуся нежизнеспособным по той причине, что он не мог считать Россию своей духовной родиной. Была власть, и сильная, было огромное социальное облегчение, но отвержение души и Бога сделало народ сиротой. Десять лет назад веру с триумфом вернули, но не стало власти. Власть, отдавшаяся беспримерному стяжательству, надувательству, бросившая народ на растерзание нищете, преступности, смертельному облучению телевизионной радиацией, распродавшая жуликам народную собственность, оставившая его без работы, — это не власть, а напасть. Свободы, как спущенные с цепей разъяренные псы, сделались способом разрушения государственности. Все это нам слишком знакомо, и все это го-

рит в нас нестерпимой мукой, чтобы продолжать перечисление бед.

Подгибается один из трех столпов, необходимых для прочности державы, — и все государственное строение начинает крениться, заваливаться. Если бы каким-то чудом удалось сейчас получить зримую картину в рост нашего общего дома, она напугала бы нас больше, чем мы представляем. Воровая опора восстановлена, но властная, полностью разрушенная, представляет собой сыпучий курган, неспособный держать свою долю ноши. И потому вся непомерная тяжесть здания вдавилась в плечи народа. Его неподвижное напряжение, его застывшая мука невольно заставляют пугаться: жив ли он, не превратился ли он в окаменевшего атланта, согбенного и бесчувственного держащего своды полуразрушенной громады?

Нам недосуг бывает оглянуться, что там, за нашими спинами, какие думы вынашивает брошенный на произвол судьбы недавний наш кормилец, которому отказано и в этом праве — быть кормильцем. Доносится только, что устраивает он голодовки (попробуйте совместить: чтобы добыть куска хлеба, он отказывается от куска хлеба), перекрывает железные дороги, «развязаны дикие страсти под гнетом ущербной луны» (слова Блока), поддается обманному обещаниям, пустыми глазами смотрит в камеру, когда спрашивают его о надеждах. Но кто он такой, что за человек заступил нынче на несчастную стезю жизни в России, мы представляем плохо.

Никогда и нигде, кроме легкомысленной строки в советской энциклопедии, за народ не принималось все население страны. В прежние времена из него исключались высшие сословия, справедливо оставляя в народе тружеников и носителей национального сознания и национального задания. Так и мы сегодня должны сказать, что народ — это коренная порода нации, неизъясненная ее часть, трудящаяся, говорящая на родном языке, хранящая свою самобытность, несущая Россию в сердце своем и душе. Если бы случилось так, что не стало России, он бы, этот народ ее, долго еще, десятилетия и века, ходил по пустынным землям

и чужим городам и неутешно выкликал ее, собирал бы по крупицам и обломкам ее остов.

Он жив, этот народ, и долготерпение его не следует принимать за отсутствие. Он не хочет больше ошибаться. Не забыл он, к каким последствиям приводило массовое участие низов в крестьянских волнениях и революционных бурях, боится порывов, могущих вызвать самоистребление, к радости наших врагов. Он ничего не забывает: народ — не только теперешнее поколение живущих, но и поколения прошлых, сполна познавших опыт минувшего, но и поколения будущих, вопрошающих о надежде. В этих трех ипостасях — прошлого, настоящего и будущего — только и можно сполна познать правду, которой суждено выстоять в России.

В провинции, кстати, где в условиях здорового консерватизма народ остается сам собой, он не ошибался и во все эти последние осадные годы, подавая безошибочное мнение о тех, кто искал его ручательства. Он долго запрягал, ожидая достойного предводителя, присматриваясь то к одному генеральскому мундиру, то к другому, и с досадой отвергал их; по-русски дотошно, в рассуждениях и наблюдениях, доискивался, как у Лескова, «какие могут быть народные средства против англичан» и «хорошо ли видеть правду в немце»; да и упряжь за долгие годы невыезда была разметана. Но теперь, судя по всему, запрягание кончилось. И к колокольному звону прибавился звук бубенцов, пока еще прерывистый, короткий, то с Выборга, то из Сибири, но все более настраивающийся на решительность. Есть надежда, что недалек тот час, когда, подхватив гагаринскую готовность к величайшему из подвигов, вновь на всю вселенную прозвучит это слово: поехали!

Землю облететь, конечно, легче, чем объехать и поставить на ноги Россию. Но и это нам не впервой. Однако, спасши себя, Россия не спасется. Чтобы заградиться от губительных сквозняков разгороженного настезь обезумевшего мира, не будет другой защиты, как выдвигать свои духовные, и не только духовные, крепости вперед. Обретем силу, законную, наследственную — и сдела-

ется это не на условиях вассальства, а дружества. В добродетельной крепости всегда искали и stanno искать заступничества. ■

СЕРГЕЙ РАСПУТИН

Родился 21 ноября 1961 года. Сын В. Г. Распутина. Служил два года в армии. Окончил Иркутский государственный педагогический институт иностранных языков в 1985 г. С 1985 по 1988 г. работал в школе учителем английского языка. В 1992 г. основал языковую школу «Эй-Би-Си», где и работает директором по сей день. Живет в Иркутске.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

(о книге А. Г. Румянцева «Валентин Распутин»)

Текст книги Андрея Григорьевича Румянцева «Валентин Распутин» в серии «ЖЗЛ» попал ко мне случайно. Ни автор, ни издательство не горели желанием знакомить с ним ни меня, ни моих близких родственников, хотя бы для того, чтобы попытаться избежать каких-то неточностей и ошибок. Февраль уже близился к концу и в «Молодой гвардии» готовились отдать текст в верстку — спешили успеть к годовщине смерти моего отца. Для меня до сих пор остается загадкой: как рукопись в таком сыром виде могла находиться буквально в двух шагах от печатного станка? Почему издательство смотрело сквозь пальцы на все ее недостатки? И если бы не наше незапланированное вмешательство, она была бы опубликована гораздо раньше и в еще более далеком от совершенства состоянии. Мы со своей стороны внесли миллион поправок, однако большая их часть была оставлена без внимания. Ну что ж, Андрей Григорьевич, как автор, имел на то полное право, и надо отдать ему должное, что он все-таки согласился кое-что убрать, а кое-что, наоборот, добавить.

Все это время я надеялся, что найдется в литературном сообществе профессионал, который оценит книгу по достоинству, но прошел уже почти год с момента ее выхода в свет, а никакого откровенного, без лишней вежливости, отзыва так и не появилось. И я решил дать свою оценку этой работе. Для краткости и удобства я буду называть А. Г. Румянцева автором, а моего отца, В. Г. Распутина, писателем.

На мой взгляд, книга слабая, поверхностная и вызывает разочарование. Это не кропотливый труд-исследование творчества В. Г. Распутина и не книга-размышление о его жизни. По сути, это лоскутное одеяло, сшитое из разных кусочков, или, говоря научным языком, компиляция. 65% всего текста, т.е. добрые две трети, занимают слова писателя — цитаты из его произведений, выступлений и писем, а также мысли и воспоминания о нем других людей. Это точные цифры, взятые мною не с потолка, а с помощью линейки.

Встречаются главы, и их немало, вообще практически целиком состоящие из цитат. Например, глава «Деревня не даст тебе пропасть» с неоправданно длинной цитатой из «Уроков французского», занимающей три

страницы, в то время как слова автора скромно умещаются в девять (!) строчек. Или другая глава «Навыки журналистские и семейные», где автор зачем-то приводит целиком рассказ «Мама куда-то ушла». Обратите также внимание на главу 10 о произведении «Прощание с Матерой». В первой главе кое-где еще попадаются среди цитат слова автора, но прочитайте вторую главу «Удерживать в себе человека» длиной в 3,5 страницы: автор написал две строчки в начале и 16 строк в середине главы. Все остальное — слова писателя из «Прощания с Матерой». И в следующей главе «Мы — не последние!» из 5,5 страницы пять — это цитаты из «Матеры». Или прочитайте главу «На фоне двух литератур»: вся (!) глава длиной в 4,5 страницы — беседа писателя с молодым литературоведом Ксенией Зиминой. А следующая глава «Сеющие бурю» тоже почти вся состоит из беседы писателя с Виктором Кожемяко. И так далее.

У читателя, как мне кажется, должно возникать ощущение, что его обманули: хотел прочитать о Распутине, а читаешь Распутина.

А сколько главок цитатами заканчиваются! Автор даже не утруждает себя тем, чтобы завершить их своими словами, выразить какую-то свою мысль, подвести итог. Некоторые цитаты приводятся неуместно, а в словах автора порой отсутствует элементарная логика.

Возьмем для примера последний абзац в главе «Обомлел от вошедшей в меня красоты» о детстве писателя. Привожу его полностью:

«А великое множество историй, услышанных в вечерней полутемной избе с ватагой таких же деревенских стригунков, расположившихся на теплом полу у вихрастого дружка! Тут запоминались даже не сами необыкновенные, фантастические происшествия, сочиненные бойким рассказчиком, а его таинственный тон, ужимки и придыхания, свистящий или задыхающийся шепот, словно это его самого кикиморы душили или бросали оземь с высоты».

Он сочинен автором, но не имеет ничего общего ни по смыслу, ни по тональности с предыдущими цитатами писателя, из которых на 70% состоит эта глава и которые задают ей тон и определяют содержание. Очевидно,

автор в спешке или по небрежности приклеил сюда этот абзац. По содержанию он больше подходит к следующей главке «Где живет кикимора». Но и в ней он оказался бы лишним, потому что там абсолютно о том же самом, только другими словами, говорит сам писатель:

«В одной избе песня, а в другой, где собиралась ребятня, сказка да “ужасти”, которые напрашивались сами собой под древнюю ворожбу каминного огня. Чего только не придумывалось, чего не рассказывалось то затаенными, то гробовыми голосами, до чего только не доходило разыгравшееся воображение! Не будь этого живого сопровождения огня, то завывающего, то стонущего, то ухающего, да разве мог быть у историй, рассказанных не Петькой или Васькой, а их оборотнями, и непременно выдаваемых за “правдашние”, такой жуткий накал, такая непереносимая страсть!»

В главке «Где живет кикимора» сразу обращает на себя внимание второе предложение: «В ранних проблесках памяти у Вали могли остаться только свалившиеся беды: частое недоедание, вялые игры с ровесниками, одежками, как и он, в драные, латаные обноски». Нелогично. Простите, как можно назвать «свалившимися бедами» частое недоедание или вялые игры? Да и как может быть вялой детская игра?! А «драные, латаные обноски», в которые одеты дети, совсем не предполагают, что игра будет вялой. И наконец, почему писателю могли запомниться только беды? И глагол «могли» тоже настораживает. То есть могли запомниться, а могли и нет? Не лучше ли обратиться к творчеству Распутина вместо того, чтобы гадать на кофейной гуще?

На самом деле совсем не «свалившиеся» невесть откуда беды остались в «ранних проблесках памяти» писателя. Помните, как он сам пишет в очерке «Откуда ешпошли мои книги»: «Первые мои впечатления связаны с Ангарой»? А если бы автор нашел время и задал соответствующие вопросы близким писателя, он бы узнал, с каким энтузиазмом и теплом вспоминал Распутин о своем детстве: как он ходил на охоту с дедом, как бегал в тайгу за грибами и ягодами, как рыбачил со своим дядей. Светлые воспоминания о том времени нашли свое отражение в предисловии к сборнику рассказов «Видение» под названием «В тех глубинах по ходу жизни».

А вот как выглядел в рукописи мой рассказ о летних поездках с отцом в Аталанку (курсивом выделены слова, которые я — хоть убей — не произносил):

«Мне было пять лет... Это, конечно, мало, чтобы запомнить тот приезд. Но позже мы с отцом почти каждое лето ездили в деревню. *Дедушка был молчаливым. Папа в этом походил на него. Он уединялся, писал. Летом шесть-*

десят шестого, наверно, повесть “Деньги для Марии”. А дедушка с бабушкой занимались хозяйством. Для меня необычным событием, почти праздником, бывал выход на покос. Несколько километров мы шли по тайге. И не одни. Ведь вся деревня косила. Каждый на своей полосе разбивал табор. Варили на костре обед. Дед сделал для меня маленькую литовку. И я косил вместе со всеми. *Я долго не знал, что была старая Аталанка, а мы живем в новой. Новая казалась большой. Друзей у меня там было много. Бегали по поселку, прятались в каких-то сараях. Заглядывали в лес — он темнел поблизости...»*

Какие сарай? Какой лес? И как я мог в возрасте 5 лет догадываться, что отец уединялся в баньке, чтобы писать «Деньги для Марии»? Я вообще не помню, чтобы отец уединялся и писал; он приезжал, чтобы побыть с родителями, помочь им по хозяйству, отдохнуть в родной деревне.

Непонятно, почему автор решил прибавить кое-что от себя, и должен признаться, что мне стоило немало труда убедить его убрать лишние слова из текста. В конце концов мне пришлось переписать весь абзац целиком. То же самое произошло и с другим моим рассказом о выборе профессии, который был нужен автору для главки «Дети писателя: «Мы выбираем путь...». Помню, как в тексте рукописи все было красным-красно от моих поправок с требованиями удалить не принадлежавшие мне фразы.

К слову сказать, кроме этих двух случаев, автор не считал нужным обратиться ни ко мне, ни к другим близким родственникам писателя. Исключением можно считать его встречу с моей тетей, младшей сестрой отца, Агнией Григорьевной. А ведь кто, как не мы, могли дать автору ценную информацию для книги. Но самое шокирующее заключается в том, что автору были совершенно неинтересны наши поправки. Он явно не ставил перед собой задачу докопаться до истины. Как я заметил, в целом ряде случаев он действовал следующим образом. Сначала он создавал в своем воображении красивую картинку, к которой пытался затем притянуть факты. Если же тот или иной факт ей не соответствовал, автор или намеренно искажал его, или просто выбрасывал за ненадобностью и сочинял что-нибудь от себя.

Приведу два примера. Первый — довольно забавный. В главке «Колодец земли» еще в рукописи я наткнулся на следующие слова:

«А вокруг затихшего порта Байкал гористый берег украшают многочисленные пади — вклинившиеся в таежные косогоры узкие низины с заповедными травами, ягодными полянками, богатыми грибницами. Одна из этих падей, Молчановская, и приютила домик Валентина

Григорьевича. Судьба словно бы осветила этот байкальский уголок девичьей фамилией жены: поэзия жизни, природы и творчества получила единый адрес».

Я сделал поправку: «В Молчановской пади был дом Глеба Пакулова, а наш дом стоял на ул. Вокзальная; в нем когда-то жил путевой обходчик, прямо рядом с железной дорогой». Не думаю, что автор всерьез полагал, что «домик Валентина Григорьевича приютила» именно Молчановская падь. Скорее всего, он просто когда-то слышал, что в порту Байкал есть такая падь, и ему позарез захотелось провести линию от нее к девичьей фамилии жены писателя. А уточнять, где именно находится домик писателя, было рискованно: вдруг окажется, что не там. Но автора моя поправка не смутила. Посмотрите, как изменился текст после моего, повторюсь, незапланированного вмешательства:

«А вокруг затихшего порта Байкал гористый берег украшают многочисленные пады — вклинившиеся в таежные косогоры узкие низины с заповедными травами, ягодными полянками, богатыми грибницами. Одна из этих падей Молчановская. Не очень далеко от нее и стоял домик Валентина Григорьевича. Судьба словно бы осветила этот байкальский уголок девичьей фамилией жены: поэзия жизни, природы и творчества получила единый адрес».

Я опять пишу: «Не так уж и недалеко: километра четыре топтать от нашего дома». Но автор мою ремарку оставил уже без внимания. Мне кажется, что если бы даже выяснилось, что Молчановской пади нет и никогда не было в порту Байкал, автор все равно как-нибудь вывернулся, но не расстался бы со своей лирической находкой.

Давайте теперь разберем подробно второй пример. Это крошечная, всего-то на две странички, но откровенно сырая, непродуманная главка, где как нарочно собрались такие серьезные недостатки, как отсутствие логики, притягивание фактов за уши и небрежность в использовании цитат.

Главка называется «В имени слышится: Русь...» и посвящена моей сестре, точнее ее детским годам. Само это название уже режет мне слух. Никогда нам, Марусиным родным, не слышалось в ее имени слово Русь. Я бы скорее поверил автору, если бы ему в имени Жанна д'Арк слышалось слово Франция. Но давайте посмотрим, что автор имел в виду.

Прочитаем внимательно первый абзац: «В мае 1971 года в семье Распутиных появилось пополнение: родилась дочка. Назвали ее Машей, но с первых же дней все родственники стали звать ее по старой русской (а точнее — деревенской) традиции Марусей. Валентин был счаст-

лив. Еще с рождения сына Сережи вошло в правило, что отец ежедневно гуляет с ребенком, читает ему сказки, а когда малыша снарядили в школу, папиной обязанностью стало посещение родительских собраний». Обратите внимание, как после первых трех предложений, посвященных рождению дочери писателя, автор неожиданно перескакивает на сына (выделено курсивом), оставляя читателя в полном недоумении. Более того, автор ухитряется допустить в этом же предложении сразу две неточности. Скажу вам по секрету: а) не было такого правила в нашей семье, чтобы отец ежедневно гулял со мной или с моей сестрой; б) он довольно редко посещал родительские собрания в школе. И в этом нет ничего зазорного, но автору уж очень хочется немного приукрасить, и он с удивительной легкостью прибегает к преувеличению и вымыслу, стремясь выдать желаемое за действительное. И следующий мой абзац — еще одно тому доказательство.

Продолжая старательно вырисовывать портрет писателя как примерного отца, автор приводит слова Марусиной школьной учительницы начальных классов Александры Ивановны Бушмагиной:

«Валентин Григорьевич был первым помощником во всех наших внеклассных начинаниях. То зайдет в школу, то позвонит мне: “Какие у вас заботы, чем помочь?” Дарил классу книги. И не только свои, но и тех авторов, которых отличал, ценил. Ребята любили “классные часы”, которые он проводил. Мы выбирали тему беседы, а Валентин Григорьевич готовился к разговору. И всегда детям было интересно с ним. Он был в нашей школе своим человеком».

У меня этот рассказ сразу вызвал подозрение. Во-первых, такая общительность совершенно не в характере отца, а во-вторых, детям в начальных классах вряд ли есть смысл дарить книги Распутина и «тех авторов, которых он отличал, ценил». Я не поленился и встретился с Александрой Ивановной, которая до сих пор работает в школе № 17. По ее словам, Валентин Григорьевич пару раз приходил к ним на «классные часы», но не более того. Про «первого помощника во всех внеклассных начинаниях» даже после моих специальных наводящих вопросов не было сказано ни слова.

Сразу к рассказу Александры Ивановны безо всякого перехода автор приклеивает другую цитату, теперь уже из воспоминаний моей тети (маминой младшей сестры) Евгении Ивановны о жизни нашей семьи на даче в порту Байкал. Непонятно, что заставило автора пойти на такой неожиданный и совершенно нелогичный шаг. Возможно, ему эта главка на полторы страницы показалась слишком короткой, и, чтобы увеличить ее, он решил,

как говорится, «до кучи» добавить еще пару абзацев. Мне кажется, что автор их не читал. Во всяком случае, речь в данном отрывке идет совсем не о моей сестре и тем более не о том, каким внимательным, чутким и заботливым был Валентин Григорьевич по отношению к своим детям и их одноклассникам.

Этой цитатой и заканчивает автор главку «В имени слышится: Русь...», точнее резко обрывает на полуслове, так и не раскрыв читателю смысл ее пафосного названия.

Позвольте мне остановиться еще на одном символическом примере, показывающем, как автор в своей книге относится к фактам, насколько для него важна та или иная информация и чем он руководствуется при жизнеописании своего героя. Речь идет о Б. Дмитриеве. Фотограф не раз упоминается в книге А. Г. Румянцева и даже делится своими воспоминаниями о писателе. Когда читаешь их, возникает ощущение, будто Б. Дмитриев был с писателем в дружеских отношениях. Да, действительно, был — до одного случая, после которого их общение полностью оборвалось. Подробно об этом написала в статье «Все беды — от наших заблуждений» В. А. Семенова. Суть его в следующем.

Писатель получил премию правительства РФ за книгу «Сибирь, Сибирь...» 2006 года издания. Автор фотоиллюстраций Б. Дмитриев награжден не был. Он направил протестное письмо в правительство, где предупредил, что если его права как соавтора книги не будут удовлетворены, он подаст в суд. Затем он позвонил писателю и сообщил ему эту новость. Как мне известно, отец поначалу оторопел от такой наглости, однако принял решение отдать фотографу половину премии (500 000 руб.), несмотря на очевидную нелепость его претензий. «Шаг для Валентина Григорьевича настолько естественный, что никто не удивился», пишет Валентина Андреевна. Я почти уверен, что Дмитриев, зная отца, на это и рассчитывал, когда звонил ему. Очевидно, он отдавал себе отчет, что в случае суда шансов у него никаких. Отец же, идя на такой «естественный» шаг, стремился как можно скорее закрыть тему и избавиться себя от общения с человеком, который вызывал у него теперь только чувство безгласности.

С другой стороны, предлагая фотографу половину премии, писатель, возможно, пытался дать ему последний шанс. Он как бы искушал его кругленькой суммой и ставил перед выбором: взять чужие деньги, на которые при любом раскладе у того не было никаких прав, и окончательно потерять лицо, или хотя бы попытаться остаться — конечно, с большим натягом — порядочным человеком, натянув на себя маску «борца за справедли-

вость», ищущего «правду» в суде. Дмитриев деньги взял, не моргнув и глазом, и навсегда исчез из жизни писателя. Многие иркутские литераторы расценили тогда его поступок как вымогательство.

Но дело не в Дмитриеве. Дело в книге, которую мы обсуждаем. Прочитав рукопись, я предложил автору рассказать всю правду. Сказал «А», упомянув фотографа в своей книге, так скажи и «Б». Но автор предпочел этот злополучный инцидент замолчать, сделав вид, будто ничего не произошло. А зря. Мне кажется, что подобные истории из жизни героя в сто раз интереснее и ценнее, чем целые отрывки из его произведений, которыми так бесцеремонно злоупотребляет автор. Потому что не только работа и творчество, но и поведение человека в непростых ситуациях характеризует его как личность.

И еще: есть что-то лицемерное в этих дружеских воспоминаниях фотографа о писателе без правдивого рассказа о том, как полмиллиона рублей, принадлежавшие писателю, чудесным образом оказались в кармане его «друга».

Все вышесказанное наводит меня на мысль о том, что труд о замечательном человеке должен создавать настоящий исследователь, художник и философ, вдумчивый, ответственный перед читателем и требовательный к своему творчеству. Он, как ученый, должен проявлять уважение к фактам и спокойно, не торопясь, дотошно и кропотливо собирать их из самых разных источников, не забывая проверять на достоверность. Затем ему предстоит проанализировать и осмыслить всю информацию, перевернуть ее, пропустив через себя, выдвинуть предположения, поделиться своими размышлениями. В серьезном исследовании такого рода автор обычно старается избегать делать однозначные выводы. Он ненавязчиво вовлекает читателя в мыслительный процесс, дает тому толчок для раздумий и возможность самому принять окончательное решение. В конечном счете, перед ним стоит невероятно сложная задача: постичь внутренний мир своего героя, чтобы честно и достоверно поведать о нем современникам и потомкам.

Автор же книги «Валентин Распутин» выбирает иной путь, не требующий значительных творческих сил. Он решает по максимуму упростить себе работу и берет за основу чужие тексты и чужие мысли. Он предпочитает предоставлять слово другим, а сам склонен оставаться в стороне. Даже описывая студенческую жизнь писателя, с которым он учился вместе в университете и даже прожил целый год в одной комнате в общежитии, автор охотнее цитирует красноярца Владимира Зыкова, а своими воспоминаниями делится крайне скупно.

Наверное, поэтому книга напоминает мне больше реферат студента филфака, чем серьезное исследование. Ведь как бы студент делал реферат, скажем, об известном писателе? 1. Расписал бы по пунктам биографию. 2. Распечатал бы библиографический справочник. 3. Продумал бы части, расставляя биографические и библиографические данные в хронологическом порядке. 4. Изучил бы литературную критику творчества объекта исследования, посмотрел бы, какие спектакли и фильмы были поставлены по его произведениям, нашел бы пару неопубликованных писем и несколько воспоминаний о нем известных личностей. 5. Собрал бы все это вместе, как конструктор, и – реферат готов. Даже больше, чем реферат, но до полноценной дипломной работы еще далеко.

Упрощаю? В любом случае такая аналогия напрашивается неслучайно.

И возникает вопрос. Не лучше ли, если вас, например, интересует родословная писателя, познакомиться с ней в оригинале? Сотрудники Иркутского областного архива еще при жизни Валентина Григорьевича провели исследование и выпустили любопытнейшую по содержанию книжечку. А если вы захотите узнать, что сказал Распутин о Пушкине, Толстом, Леонове, Свиридове, Шукшине, Вампилове, может быть, стоит прочитать полностью, без сокращений, его статьи и очерки об этих выдающихся личностях в книге «В поисках берега»? А вместо главы 14 «Что в имени твоём, Сибирь?» просто взять само произведение «Сибирь, Сибирь...»? Вместо главы 16 «Смысл давнего прошлого» найти опубликованные в ежемесячной газете «Литературный Иркутск» замечательные эссе «Из глубин в глубины» к 1000-летию Крещения Руси и «Ближний свет издалика» о Сергии Радонежском? Вместо главок «Жупелы: один, два, три...», «Зажги свечу – растает тьма» и «Жрецы «новой» культуры» купить книгу «Эти 20 убийственных лет. Беседы с Кожемяко»?

А сколько потрачено бумаги на главы, посвященные повестям «Деньги для Марии», «Последний срок», «Вверх и вниз по течению», «Живи и помни», «Прощание с Матерой» (о «Матере» я уже говорил выше), «Пожар»! И зачем? Неужели достаточно для книги из такой серьезной и уважаемой серии, какой является (или уже не является?) «ЖЗЛ», проскакать галопом, как по Европам, по основным произведениям писателя, надергав откуда бесчисленное количество цитат? Разве литературные критики не сказали свое слово об этих сочинениях? Или мы узнаем здесь что-то принципиально новое?

Есть в книге удачные, с моей точки зрения, места. Например, заслуживают внимания главки, посвященные отношениям Астафьева и Распутина в 90-е годы. Безу-

ловно, интересны воспоминания о писателе современников, наших и зарубежных. Очень хорошо сказали о нем актер Михаил Ульянов, прозаик Владимир Карпов, французский исследователь русской литературы Жорж Нива и другие. Любопытна история, рассказанная еще в начале книги, о том, как писатель ступил на творческую стезю случайно, оставшись без стипендии. Большой интерес вызывает интервью, которое Распутин дал журналисту «Литературной газеты», о том, как он создает свои повести и рассказы. Но опять же: стоит только собрать вместе и опубликовать все эти и другие, не упомянутые в книге воспоминания, не говоря уж о полном собрании произведений писателя, включая его речи, статьи, письма и интервью, и ценность большинства главок, где центральное место занимают цитаты, упадет.

Мне кажется, что немалая доля ответственности за качество этой работы лежит на издательстве. Ведь если бы в «МГ» не устраивали гонку, чтобы отдать книгу в печать к определенной финишной дате, а главный редактор поставил бы перед автором вопрос ребром, обозначив четкие требования к тексту, и дал ему еще год, она могла бы получиться более добротной. И тогда выиграли бы все: и автор, и издательство, и читатель, ради которого, по большому счету, и пишутся книги. Что же касается информационного повода – чем хуже 80-летие писателя годовщины его смерти? По-моему, даже лучше.

И все же нельзя не признать, что в целом работа проделана немалая, и, несмотря на имеющиеся недостатки, которые нам, близким родственникам, заметны больше, чем кому-либо, книга А. Г. Румянцева может быть полезна и интересна определенному кругу неискушенных читателей. Здесь есть и биография с фактами из жизни, и пересказ самых известных работ писателя с комментариями, и другая информация. У меня также почти не вызывает сомнений искренность автора. Когда читаешь его размышления (не стоит забывать, что одна треть всего текста – слова автора), создается впечатление, что он это говорит от всего сердца, разделяя с писателем боль и тревогу за страну, особенно в 90-е годы, за Байкал, за духовное состояние человека перед лицом наступающей «цивилизации». И хочется надеяться, что после знакомства с книгой «Валентин Распутин» у многих возникнет желание прочитать или перечитать то или иное произведение писателя. А это самое главное. ■

ЛИДИЯ СЫЧЕВА

Прозаик, публицист, редактор. Родилась в селе Скрипникове Калачеевского района Воронежской области. Окончила пединститут и литинститут. Лауреат премий журнала «Москва» (2000 г.), им. Петра Прокураина (2004 г.), им. Александра Невского (2008 г.), им. Антона Дельвига (2013 г.) и др. Автор 12 книг прозы и публицистики, создатель сайта «Славянство – форум славянских культур», главный редактор литературного журнала «МОЛОКО». Проза Сычевой переводилась на арабский, болгарский, китайский и немецкий языки. Живет в Москве.

ГДЕ БЕССТРАШИЕ?

О живых и мертвых словах

На вечере современной поэзии звучат стихи. Авторы в расцвете сил – 30-40-летние мужчины и женщины. Стихи читают с экранов мобильных телефонов. Произведения наполнены иноязычной лексикой («галактический флэшмоб», «интроверт открывает файлы»), философскими наблюдениями и смелыми сравнениями («воют в лесах поезда-собаки»). Многие стихи без рифмы, связаны лишь ритмом и аллитерацией.

Зрителей в зале немного, слушают почтительно, уважая «ученость» авторов. Правда, ничего общего в современной поэзии с тем, что «проходят в школе» из Пушкина и Лермонтова, нет. Потому чем дальше, тем более в зале сгущается атмосфера неловкости – зрителям все-таки неясно: действительно ли перед ними выступают непризнанные таланты?!.. Или...

Авторы, конечно, чувствуют отсутствие душевной слитности с аудиторией. Одни стремятся покорить сердца слушателей, добавляя в декламацию энергии, другие пускаются в самоиронию, третьи скоморошничают. Поэты пытаются сократить дистанцию, разделяющую новые смыслы и старые «коды».

Зрелище выходит мучительное. Но обе стороны терпят, внутренне оправдываясь тем, что «Душа обязана трудиться /И день и ночь, и день и ночь!» (Николай Заболоцкий). Современная культура это вам «не вздохи на скамейке»! Не какие-то там ясные смыслы, вроде «Гордым легче – гордые не плачут/Ни от ран, ни от душевной боли, /На чужих дорогах не маячат, /О любви, как нищие, не молят» (Людмила Татьяничева). Хочешь не отстать от века? Пиши про айфон, офис и фейсбук... Хотя во времена Пушкина и Заболоцкого Россия

была гораздо ближе к «лидерам прогресса», чем ныне.

Наконец двухчасовое действо подходит к концу. В завершение вечера выступает девушка-дебютантка. Первый выход на сцену, два стихотворения. Одно явно подражательное поэтическим модам, второе – собственные переживания о любви. И, о чудо! Девушка опускает телефон-шпаргалку – она помнит стихи наизусть!.. Со зрителей мгновенно слетает флер вежливой скуки.

После вечера спрашиваю дебютантку: какие поэты ей нравятся? Звучат имена тех, кто назначен гениями в либеральных изданиях. «А русские классики?» Девушка краснеет. «Я боюсь показаться банальной...» – «И все-таки?» – «Есенин», – она произносит это имя еле слышно, робко, видимо, ожидая «порицания» за свою привязанность. «Но можете ли вы представить, чтобы Сергей Есенин читал по бумажке «Отговорила роща золотая...» или «Не жалею, не зову, не плачу...»? Когда великие стихи рождаются в душе, слова сами летят к поэту, навсегда запечатлеваясь в сердце! Строки, написанные с большим чувством, снова и снова возвращаются к автору. Разве высота состояния не диктует форму и содержание?!..»

***

«Язык сограждан стал мне как чужой, /В своей стране я словно иностранец», – писал в 1924-м году Сергей Есенин в «Руси советской». Как видим, «Русь антисоветская» его тоже отторгает – в среде «прогрессивных поэтов» стыдно признаваться в любви к русскому гению. Гибельная спираль! Мы переживаем трагедию разрушения русской культуры.

Но зачем приходят (или – вернее – приходи-ли) слушатели на литературные вечера? Чтобы пережить вместе с поэтом головокружительную высоту, на которой рождается стихотворение, испытать восторг сопричастности. Увидеть чудо и его творца. Любой меломан может послушать Чайковского или Рахманинова в записи. Но чудо «живой музыки», рождающейся на твоих глазах, ничто не может заменить, потому на концертах классической музыки полные залы.

А музыка родного слова? Теперь она почти недоступна «живую»!

И люди не жалеют о потере. Мы похожи на рабов, родившихся в неволе и не имеющих понятия о свободе.

«Современная поэзия» очень часто – это эссе, рассказ, «поток сознания», социология или культурология, записанная в «столбик». Она лишена самого главного – состояния духовной высоты, на которую поднимается автор. И чувственное оскудение современного человека столь катастрофично, что он даже не замечает подмены. Не видят этого и сами поэты. Выронили есенинский завет! «Отдам всю душу октябрю и маю, /Но только лиры милой не отдам». И дальше – с каким горьким мужеством, с какой верой и правом сказано! «Я не отдам ее в чужие руки, /Ни матери, ни другу, ни жене. Лишь только мне она свои вверяла звуки /И песни нежные лишь только пела мне».

Нет, такие стихи поэт никогда не забудет! Потому они и живут до сих пор, что живыми родились в живом сердце!

***

Чувственное оскудение человека очень выгодно для нынешних управителей земной жизни. Все чаще раздаются голоса, что Земля перенаселена, что грядет эпоха роботов, что с избытком «лишних людей» нужно что-то делать. Умерщвлению тел по новейшим теориям должно предшество-

вать умерщвление душ, и тогда сверхчеловеки будут с полным правом распоряжаться судьбой недочеловеков. Поскольку людей, превратившихся в «биороботов» («массу»), рациональней заменить обычными роботами – меньше хлопот и дешевле обслуживание.

Обеднение чувственного мира происходит и через видеообраз, который навязывается извне – «транслятором». Участие самого человека в восприятии телевизионной «Анны Карениной» (в отличие от чтения романа) мизерно. Хотя здесь еще возможны «тормоза» – остаточные школьные знания. Но видеообразы давно уже вышли из-под опеки литературы – целая галерея зомби, инопланетных существ, супергероев – рождена Голливудом и правит духовным миром западной цивилизации (и России в том числе).

Нет, я не про то, что «нужно развивать отечественное кино». (Это все равно, что покупать лыжи парализованному.) Стержень русской культуры – слово, а его вершина – поэзия. Чувства наполняют слова. Слова наполняют чувства. Неуважение к языку – неуважение к народу. Но народы в грядущем царстве технологий – не нужны. Во всяком случае, участия россиян на этом празднике «постжизни» не запланировано.

Слово – язык – народ. Если этот стержень ломается, то с людьми надломленными, отчужденными, можно делать все что угодно. Веник, разобранный на прутьики, не метет. Дело времени и технологии – перемолоть индивидуальности на прах, не обращая внимания на вскрики о «правах человека».

Обесчувственное, мертвое слово всегда мстит человеку за преданный дар. Лживое слово убивает, искажая пафос. Пропаганда бесполезна – она «косметология трупа». Пропаганда нужна там, где правят мумии. Правда о самих себе для них невыносима. Духовно мертвые люди всегда опираются на догму, на пропаганду, на видеообраз, на пиар, и никогда – на живую жизнь и народ.

***

Огромное количество ученых-гуманитариев, филологов, философов, публицистов, журналистов, преподавателей, пропагандистов, идеологов, пиарщиков питаются идеями и образами, рожденными на свет великими поэтами. Диссертациями и книгами, созданными на «материале» Пушкина, можно заполнить целую комнату от пола до потолка. Но собери авторов этого добра вместе, и выяснится, что ученый коллектив, даже с помощью многодневного мозгового штурма (или – вариант – христианского поста), не сможет написать такую безделицу, как «Буря мглою небо кроет...» или совершенно простые стихи, вроде «Я вас любил...»

Но в глубине души носители филологической мертвечины, пропагандистских клише, журналистской бойкости, преподавательского интеллектуализма, конечно же, считают себя выше и умней поэтов. Иначе производители «бумажного шума» (а теперь и интернетного) не брались бы с такой легкостью судить о том, о чем они, в сущности, часто не имеют никакого понятия, – о художественном слове, о месте и назначении поэтов в духовной жизни народа. То, что эти суждения есть и они именно такого, претенциозно-безграмотного качества, мы видим по нынешнему отношению в России к слову, к русскому языку, к русской литературе, к русской песне. И тут проблема не в том, что «виноват Путин», или виноват министр культуры, или министр образования, или «виноват Эрнст», или Роспечать (хотя, конечно, к каждому из названных ведомств или персоналий можно предъявить конкретные претензии). Все гораздо глубже – мертвое или лукаво-лживое слово есть следствие определенного нравственного выбора. Часто рядящегося в «одежды» целесообразности, позитивизма и расчета.

В юности я любила Паустовского, его повести о писателях – «Разливы рек», «Золотую розу». Эти художественные очерки подтолкнули и придвинули к прозам пера, к размышлительности, к

романтической мечтательности многих юных читателей. Но почему же так называемые «эксперты», которые якобы любят литературу, пишут о ней мертвым слогом?! Требования стиля? Но, во-первых, не инопланетяне же нам их установили; а, во-вторых, получается, что в самом начале пути каждый начинающий филолог должен пройти инициацию предательством? Отречься от живого слова. Для чего?!

Нет, если б я читала всяких «ученых», я бы точно литературу возненавидела. Но я читала Виктора Лихоносова, Юрия Бондарева, Есенина, Бальзака, Стендаля, Диккенса. И мне не нужны были толкования критиков или литературоведов – большой художник все сам о себе расскажет. Надо только уметь читать! Большой художник восхищает богатством замысла и воплощения – как величественный собор, который ты никогда не построишь, даже в своих мечтах.

Поэты рождаются у народа и учатся у поэтов, природы и народа, а не возрастают на чтении диссертаций или сборниках научных трудов. Будущий филолог, готовя свою квалификационную работу, должен стремиться к «объективности», т.е. убивать в себе самое главное – вкус к слову. А поэт? «Он доверчиво глянет вокруг. /Запыляет от дум голова. /Белой стаею выпустит вдруг /Из хозяйских ладоней слова» (Валентин Сорокин). Но эту доверчивую стаю «Можно вырастить лишь самому!» Не в чужих книжках вычитать и процитировать, а пережить и переплавить в собственном сердце.

***

Но что есть наш «нравственный выбор» в слове? Почему читатели, а ученые-гуманитарии, преподаватели-филологи, критики и литературоведы, обозреватели культурной хроники в медиа – это «профессиональные читатели», готовы поклоняться и служить «мумии» – словесной мертвечи-

не? Откуда это покорность? Что за метаморфоза происходит в их душе? Как происходит этот «отказ» — от художественности, то есть от любви к человеку, к миру, жизни в широком смысле этого слова? Отказ от народа, потому что служение «мумиям» — это переход в корпоративное сообщество, объединенное отстраненностью от всего самобытного. И — присяга надуманному, чужому.

В мире мертвой учености, да, тоже кипит «борьба» — каждый лагерь бьется за свой мавзолей, за возможность толкования «мертвечины». И чем больше зауми в «покойнике», тем лучше — больше простора для интерпретаций.

Но красота не нуждается в комментариях — она узнаваема с первого взгляда.

Да и как возможен «филологический объективизм», т.е. кастрированная «умеренность и аккуратность», во взгляде на художественное слово? Ведь язык, по Далю, это народ. Значит, для «объективности» надо убить в себе любовь к нему?

Удивительное дело: великую страну, империю, народ российский построил еще до Пушкина! На гигантском пространстве сумели наши предки организовать и устроить жизнь. Вот что значит язык, живое, свободное слово! Оно звучало в колыбельной песне, в молитве, в царском указе, в сказке, в былине. И Пушкин явился — наш духовный властитель, повелитель русского слова. «Как ныне собирается вещей Олег /Отмстить неразумным хазарам...»

А что сейчас?!.. Где дух свободы? Где воля самого непокорного в мире народа?! Как же мы так «зашнуровали» себя, что у нас свобода в слове — это гогот на эстраде, нецензурщина в книге, лож политиков, вранье пропагандистов? А где красота? Где бесстрашие? Где сила слова, соединяющая души? На что она потрачена? И почему все ушло?!

Запад — мир технологической мертвечины, против которого бьется мусульманский Восток. Запад с его «ученостью», с Кантом и Гегелем, с «умершим Богом», с нацизмом, с торжеством толерант-

ности, с однополыми браками и с полной потерей пассионарности.

Но разве не Запад — наш идеал? Образец для подражания? Место, где нашим «мессиям» выдают дорожные карты, ярлык на княжение: марксизм, социал-дарвинизм. Оттуда же — филологические концепции, моды, поклонение нобелевским лауреатам, полная потеря самобытности.

Народ-то предали ученые-«объективисты»!.. Русскую деревню, чьими соками издавна питалось государство. Согласились, смирились с уничтожением села. Ради чужих идей, чужих слов, обещанного чужими людьми «дохода».

Но разве дерево жизни долго простоит, если корни его подрублены или отравлены мертвой водой?!..

***

«В миг, когда и я теряю силы, /Если рядом нету никого, /Я касаюсь мысленно могилы /Прадеда и деда моего».

Это одно поэтическое состояние. А вот совсем другое:

«Здравствуй, ветер, крылато летящий, От космической звездной межи, /Это ты наполняешь горящей, /Храброй силою парус души!..»

Это стихи Валентина Сорокина. Для доктора филологических наук, бывшего ректора литинститута Сергея Есина он «обычный советский поэт», а для меня — поэт великий. И я это почувствовала безо всякой науки, еще школьницей открыв одну из его лирических книг.

Поэзия ничему не учит, ничего не воспитывает. Это не «курсы патриотизма» и не уроки «православной культуры». (Как будто информированность о чем-то может заменить живое чувство!)

Поэзия входит в душу глубоко и подчиняет твое бытие закону красоты. Ты уже не сможешь жить по-другому! Мир поэта — иной, не похожий на обыденный. И он, если ты видишь хотя бы кра-

ешек этого волшебного сада, избавляет тебя от самоуверенности. Ты начинаешь относиться к слову иначе.

Дети, школьники, с большим трудом пишут сочинения. Не только потому, что их «не научили», или у них нет начитанности, или «не знают работ литературоведов»(!). У нормального ребенка всегда есть робость перед словом, иногда — благоговение. Русское слово — как штормящее море, трудно в нем плыть.

Для детей многие слова еще живые. Школьники не научились лгать — писать им тяжело, особенно в «научнообразном» стиле. Если ты читал прозу Гоголя, знаешь наизусть стихи Пушкина, Лермонтова, Есенина, Некрасова, Блока, Маяковского — конечно, ты испытываешь робость перед листом бумаги. Зачем писать и что можно написать, когда уже созданы такие шедевры?! Совесть — прекрасное чувство.

Но настоящий поэт уже в детстве знает, что он — поэт. И если он поэт большой, то на свою вершину все равно поднимется. Вопреки всему!

Зато для нашей «ученой» братии, для остепененных оценщиков поэзии, одинаково шедеврально и Есенин («И меня твои лебяжьи руки /Обвивали, словно два крыла»), и Пастернак («Скрещенья рук, скрещенья ног, /Судьбы скрещенья»). Более того, «секс в офисе» просвещенная филология будет приветствовать с большим энтузиазмом, чем счастливую тайну любви. Потому что привычка или притяжение мертвого слова закрывает дорогу в мир настоящего поэта, к высоте его духовных состояний. И распахивает другую дверь — к национальному предательству и утрате самобытности.

***

Что первично: человек или слово? Как вернуть народу энергию жизни? Как наполнить «храброй силою парус души»?

Наш народ пережил страшные потрясения за

последние сто лет. Ужас ужасов: война, развал страны, Гражданская война, коллективизация, индустриализация, голод, репрессии, опять война, разруха, гонка вооружений, опять война (Афганистан), снова развал страны, шоковая терапия, война в Чечне, деиндустриализация, олигархизация, оптимизация, снова война (Украина, Сирия)...

Что это за путь такой? Куда нас ведут?! И почему в общественном сознании вопрос сей не осмыслен? Он-то главный! «Люди слова» должны ответить своему народу. И не в форме обществоведческой скуки, «экспертного мнения», а на самой высокой эмоциональной высоте, прочувствовав страдания и боли времени.

Вещий Боян — вот наша традиция! Русский поэт, особенно в эпохи замяти, смуты — всегда полководец. И он должен провести народ свой через новые испытания — мириады мертвых слов, филологических окаменелостей, телевизионных пошлостей, политических предательств. Через потоки, реки, водопады лжи, врачую и оживляя оскверненное слово.

Да будет так!

Сергей Есенин:

Довольно гнить и ноеть,
И славить взлетом гнусь —
Уж смысла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь. ■

февраль 2017 г.

ИРИНА ШЕЙКО

Родилась в 1995 году в городе Белореченске. Студентка 4-го курса факультета журналистики Кубанского государственного университета. Пишет прозу и литературную критику. Публиковалась в «Нашем современнике», «Литературной России», «Дне литературы», «МОЛОКе», «П.О.Л.И.С.е».

А СУДЬИ КТО?

Первый канал снова встряхнули скандалы. Но тут как со зданием: если стоит и не падает после сильных толчков, значит, хорошо построили. Не успела юная звезда передачи Малахова уйти в мемы, а затем и в кино, как из поля зрения шоуупоглотителей и скандалоразмусоливателей ее начал выталкивать не менее колоритный дуэт из «Минуты славы» – Рената и По.

Не стоит, конечно, винить в абсурдности последнего сезона «Минуты славы» только лишь актрису, телеведущую, режиссера Ренату Литвинову и ее партнера по судейству журналиста Владимира Познера. Хотя именно их высказывания и вызвали общественный резонанс. Хороши в этой «постановке» все: и Сергей Светлаков, который, судя по всему, согласился играть роль такого доброго ангела в противовес едкой парочке, и актер Сергей Юрский, который, несмотря на явную адекватность в оценке цирковых номеров, все же перегибал палку в исполнении роли «отсеивателя детей».

Что ж, как бы то ни было, спектакль удался. Любо-дорого смотреть. Театрально вздыхающая Литвинова то и дело закатывает глаза, отпивает что-то из кружки, смотрит на любой номер с лицом, на котором так и читается: «я последняя инстанция, судья судей». Иногда Рената Муратовна не выдерживает «мерзости», происходящей на сцене, и с мольбой смотрит на Познера, ища поддержки. Лицо Владимира Владимировича, конечно же, тоже имеет выражение соответствующее. Познер то и дело говорит о тщеславии родителей, которым следовало бы показывать на сцене только гениев или вовсе не мозолить своим чадом глаза, вспоминает, как слушал стихи Евтушенко и Ахмадулиной в Лужниках, зачем-то уведомляет о своей любви к джазу. Иногда в игре дуэта Литвинова – Познер происходят маленькие заминки, но Владимир Владимирович, как истинный джентельмен, бросает: «леди ферст», позволяя Литвиновой выплеснуть свою желчь и снобизм первой.

И тут уже можно не говорить о том, кого и как они обидели или оскорбили. За то, что шоу все же попало в эфир, увольняют человека, который его отсматривал. Нет, не того, который этих клоунов звал в судьи, не того, кто знал о характере и образе данных медиаличностей. Уволили сотрудника дирекции музыкальных и развлекательных программ. Видимо, за то, что не смог отличить обычный, граничащий с аморальностью юмор компании от того, что в эфир пускать нельзя.

Судя по комментариям «звезд», собранным в материале от 8 марта «Познер и Литвинова объяснились за оценки в «Минуте славы» («Комсомольская правда»)

и относящимся к двум наиболее известным эпизодам проекта, Литвинова пыталась оправдаться: мол, ее не так поняли. А ее коллега по судейству считает, что извиняться не за что: «Та реакция, о которой спрашиваете вы (осуждение, возмущение), была для меня ожидаема. Отнесся к ней с пониманием, но не более того. Ни эмоционально, ни интеллектуально она не задела меня». Ну, а к тому, что Женя Смирнов давил на жалость и использовал какие-то «запрещенные приемы», Познер добавил: «Давайте не будем лицемерами: люди с физическими недостатками не могут на равных конкурировать с теми, у которых этих проблем нет, когда речь идет именно о физической силе, ловкости, скорости. Они могут петь, рисовать, играть на музыкальных инструментах, да еще много чего, но там, где требуются физические усилия – спорт, танцы – они заведомо слабее».

Так кто же в итоге получил свою минуту славы? Некогда прославившаяся разводами и защитой сексуальных меньшинств, а сейчас немного подзабытая икона стиля Рената Литвинова. Конечно, кто-то возразит: Литвинова гениальная актриса и режиссер – не зря же заслуженная артистка РФ! На мой взгляд, заявление очень спорное. Кажется, амплуа, в котором она предстала на «Минуте славы», ее основное.

Самое удивительное в этом всем, пожалуй, то, что актриса и режиссер Литвинова с журналистом и писателем Познером с претензией гуру судят номера, представляющие собой смешение циркового и гимнастического искусства, песенные выступления, а также поэзию. Может, отсюда и подмена грамотного судейства тем, что мы видим? Вопрос этот, видимо, к биологу Константину Эрнсту.

Стоит вспомнить, что волна негатива обрушивается на «Минуту славы» далеко не впервые. Во время трансляции второго сезона стало известно, что наравне с самородками в шоу приглашаются профессиональные артисты – гимнасты и циркачи. В шоу же последних представляли как «сантехников из Иваново и булочниц из Чертаново». Но скандал замаялся, а за поиском талантов на главном канале страны продолжали наблюдать. Отсюда напрашивается вопрос: если шоу продолжили смотреть после его полной дискредитации, может, проблема не только в моральных «ампутантах» Литвиновой и Познере, но и, как говорят на ТВ, в «пипле», который это хавает? Ну, хавает, видимо, уже не так смачно: интерес к постановочному параду талантов и фриков угас, а подливать масло в огонь зрительского интереса пригласили Ренату Муратовну и Владимира Владимировича.

ЛЮДМИЛА ЯЦКЕВИЧ

Родилась в Череповце. Доктор филологических наук, профессор. Автор научных публикаций по языкознанию и вологодскому краеведению, в том числе девяти книг. Участвовала в составлении «Словаря вологодских говоров», «Поэтического словаря Николая Клюева». Ее книга «Очерки морфологии вологодских говоров» на областном конкурсе «Книга года» признана лучшим научным изданием. Автор сборника рассказов.

ОБРАЗЫ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦАРЕЙ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ПОЭЗИИ

*Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.*

А. С. Пушкин

В этом году исполняется 100 лет с тех пор, как русский народ живет без царя. Уже прошли те времена, когда говорить о царской власти можно было только с отрицательной оценкой, а речи о добром царе казались безумными и были небезопасны. Сейчас о монархической идее написаны и изданы целые тома научных исследований старых и новых историков и публицистов. Но современный народ безмолвствует...

Почему он молчит? Да просто потому, что нет теперь устного народного творчества, нет фольклора. Народ в основном смотрит телевизор, отдался в его власть. Но главное — русский народ позабыл о царе-батюшке! Утрачено монархическое национальное сознание! В умах царят хаос и смута...

Однако еще сохранилось в русской культуре, хотя и лежит мертвым грузом, пока не востребованное огромное количество народных песен, посвященных нашим православным царям. В истории русской поэзии также можно найти изобилие стихотворений и поэм о царях вплоть до наших дней. Начнем обзор этой темы в русском фольклоре и литературе с известного стихотворения нашего современника иеромонаха Романа (Матюшина):

*Без Бога нация — толпа,
Объединенная пороком,
Или слепа, или глупа,
Иль, что еще страшней, жестока,*

*И пусть на трон взойдет любой,
Глаголющий высоким слогом.
Толпа останется толпой,
Пока не обратится к Богу!*

Без Бога нация — толпа. На протяжении веков русское государство возглавлял православный царь. Православный царь — помазаник Божий. На Руси таинство миропомазания государя на царство было заимствовано из Византии. Русские цари считали себя восприемниками византийских царей, а Москву — Третьим Римом. Русские ориентировались при этом не на реально существующую традицию, а на представление о теократическом государстве — или как обычно говорят — на представление о православном царстве.

Традиция помазания на царство начинается на Руси с поставления на царство Феодора Иоанновича 31 мая 1584 года, хотя соответствующий чин был составлен еще при Иоанне Грозном Митрополитом Макарием, возглавлявшим тогда Русскую православную церковь. Венчание на царство самого первого русского царя еще не сопровождалось помазанием [Успенский 2000: 27].

В Византии и на Западе помазание венчаемого монарха предшествует венчанию — возложению царского венца. В России оно совершается после венчания, которое уподобляется крещению. Помазание совершалось непосредственно во время литургии вслед за возгласом «Святая Святых», и сразу же после помазания патриарх обращался к царю со словами: «Приступи, царю, аще достоин, помазанный, причаститься»; затем следовало причащение [Барсов; Успенский 2000: 29]. Московский митрополит, или впоследствии патриарх, помазуя царя, произносил: «Печать и дар Святаго Духа» (в позднейшей редакции — «Печать дара Духа Святаго»). Этот возглас соотносится с

новозаветной традицией и, сопровождая миропомазание, уподобляет царя Христу, которого «помазал ... Бог Духом Святым» (Деяния X, 38) [Успенский 2000: 28].

Знаменательно в этом смысле, что если на Западе неправедных монархов обыкновенно сопоставляли с нечестивыми библейскими царями, то в России их сопоставляли с Антихристом [Успенский 2000: 28; Устное сообщение С.С. Аверинцева]. Так, например, называли Лжедмитрия I, а также Иоанна IV Грозного и Петра I их противники [Успенский 1976; 1982; 1996].

Таким образом, весь обряд, связанный с таинством миропомазания на царство, создает образ православного царя, говорит о его священном статусе.

***

Православные русские поэты знали не только внешнюю сторону этого таинства, но и понимали его глубокой смысл. Это нашло отражение в их творчестве, в их поэтических образах царей: у М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, В. П. Петрова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, А. С. Хомякова, Л. А. Мея, А. Н. Майкова, Ф. И. Тютчева, Н. С. Гумилева, С. С. Бехтеева. Священные образы царей были созданы и в произведениях устного народного творчества – в исторических песнях и пословицах.

Н.В. Гоголь писал: «Поэты наши прозревали значение высшее монарха, слыша, что он неминуемо должен, наконец, сделаться весь одна любовь, / и таким образом станет видно всем, почему государь есть образ Божий, как это признает, куда чутьем, вся земля наша <...>. Высшее значение монарха прозрели у нас поэты, а не законоведцы, услышали с трепетом волю Бога создать ее [власть] в России в ее законном виде, оттого и звуки их становятся библейскими всякий раз, как только излетает из уст их слово царь» (Гоголь, VIII, с. 255 – 256).

В истории России цари были разные по их талантам и нравственному достоинству, но их объединяла одна общая, главная для них черта. Они

мыслили масштабно – в масштабах государства и даже в масштабах вселенной, так как они считали себя помазанниками Бога.

Именно эта главная черта православных царей – сакральный масштаб власти – отразилась в образе «Белого Царя» в «Голубиной книге»:

У нас Белый Царь – над царями Царь.
Почему ж Белый Царь над царями Царь?
И он держит веру крещеную,
Веру крещеную, богомольную,
Стоит за веру христианскую,
За Дом Пречистой Богородицы...

А. С. Пушкин в драме «Борис Годунов» один из первых смело продолжил развивать народную мысль о царе праведном и царе неправедном, об истинном царе и царе-самозванце. Крылатыми стали слова его героя царя Бориса: «Да, жалок тот, в ком совесть не чиста».

Наиболее многочисленны поэтические и фольклорные произведения, посвященные противоречивым фигурам первого русского царя – Иоанна IV Васильевича и реформатора Петра I. Справедливости ради, следует отметить, что в народных песнях нет осуждения этих царей. Даже пелись когда-то казаками и такие песни, в которых Иоанн Грозный предстал как православный царь-батюшка, например: «Станица Гребенцов перед Иваном Грозным» (Царь жалует казаков Терекон), «Ой да не быстра реченька шумит...» (Царь жалует казаков Тихим Доном), «Плач казаков по скончавшемся царе Иване Грозном в 1584 г.»:

Ты восстань, восстань,
Ты, наш православный царь.
Православный царь,
Царь Иван Васильевич,
Ты наш батюшка!

Таковыми же словами поминают и умершего Петра I:

Уж ты встань-проснись, православный царь,
Православный царь, Петр Алексеевич!
Подыми ты свою головушку,
Посмотри на свою силушку,
На свою мать Россиюшку.

Во второй половине XIX в., как и в наше время, появились критики Карамзина, его «Истории Государства Российского». Они старались создать новый – положительный образ царя Иоанна Грозного. Это веяние нашло отражение и в поэзии. Так, например, Аполлон Майков в 1887 г. написал стихотворение «У гроба Грозного», в котором он перечисляет заслуги царя перед отечеством и размышляет о тяжелых моментах во время его правления. В начале стихотворения есть такие строки:

...быть может, никогда

На свете пламенной души не появлялось...

Она – с алчбой добра – весь век во зле терзалась,

И внутренним огнем сгорел он... До сих пор
Сведен итог его винам и преступленьям...

Но нечто высшее все медлит с утверждением,
Недоумения толпа ее полна,

И тайной облечен досель сей гроб безмолвный...

Со времен Карамзина образ Иоанна Грозного в гротескном виде был поднят на щит всеми либерально-демократическими и революционными течениями как доказательство тиранического устройства монархии. И это печальный факт нашей истории.

Постепенно в этой среде развилась традиция создавать образ русского царя как тирана и врага народа. Впоследствии это стало официальной идеологией пришедших к власти большевиков. Этот образ тиражируется в книгах по истории русской литературы, в школьных учебниках, на уроках литературы, попадает в комментарии к фольклорным произведениям, изданным в советское время. И этот образ, что самое страшное, заслоняет собой образы других русских царей и в целом идею православного царя.

По безбожному рассуждению, раз Бога нет, то не должно быть и православного царя – помазанника Божия. Таким образом, царь объявляется тираном, узурпировавшим власть. Не случайно большевики так жестоко расправились со служителями церкви. Не случайно и то, что они в

первый же год своей власти принесли кровавую жертву своей атеистической, а по сути демонической, идеологии – убили всю царскую семью.

К сожалению, русские поэты, попавшие под влияние либерально-демократических идей в XIX в., тоже приложили к этому руку, сами не предполагая о последствиях. Вспомним известную всем по школьным годам оду «Вольность» А.С. Пушкина, которую обычно трактовали только в революционном ключе: «Самовластительный злодей,/ Тебя, твой трон я ненавижу...». Но вопрос: к кому относятся эти слова? Явно не к русскому царю – современнику Пушкина. Кроме того, есть в этой оде и другие строки о царской власти. Обычно не обращают внимания на то, что слово «Закон» пишется у поэта с большой буквы, поскольку речь идет о вечном нравственном законе – о Божьей правде, а не о либерально-демократическом законе – юридическом праве:

Владыки! Вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

И далее слова, применимые и к нашему времени:
О горе, горе племенам,
Где дремлет Он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!

Для Пушкина истинный православный царь должен следовать Высшему нравственному Закону, подчиняться Божией воле.

К сожалению, мало кому известно стихотворение молодого Ф.И. Тютчева «К оде Пушкина на вольность» (1820 г.), где есть такие строки:

Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден!
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!..
Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,

Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

Но было в русской истории и литературе и другое – противоположное веяние. Начиная со времен царя Алексея Михайловича, существовала традиция писать оды, восхваляющие царя. Ее являют Феофан Прокопович, М. В. Ломоносов, В. П. Петров, А. П. Сумароков, Г. Р. Державин и другие менее известные поэты XVIII в. Язык этих од был перенасыщен библейскими цитатами, произносимыми нередко всуе. Видимо, имея в виду чин таинства миропомазания на царство, царя и даже царицу называли Христом и Богом.

Так, у Ломоносова в «Оде на прибытие царицы Елизаветы 1742 г. ...» сам Бог обращается к императрице со словами:

Мой образ чтят в Тебе народы
И от Меня влиянный дух (VIII, с. 85).
О Петре I Ломоносов говорит:
Он Бог, он Бог твой был, Россия
Он члены взял в тебе плотские,
Сошед к тебе от горьких мест. (VIII, с. 109).

Г. Р. Державин более осторожен в библейских сопоставлениях:

Царь – мнений связь,
всех действий причина,
И кротка власть отца едина –
Живаго Бога образец (II, с. 295).

Конечно, издревле существовала церковная традиция уподоблять царя Христу. Она нашла отражение и в самом таинстве миропомазания на царство. Как уже говорилось выше, возглас «Печать и дар Святаго Духа», сопровождая миропомазание, уподобляет царя Христу, которого «помазал ... Бог Духом Святым» (Деяния X, 38) [Успенский 2000: 28].

Однако одно дело – таинство, помазание на царство, которое совершалось во время литургии, а другое дело – светские стихи, восхваляющие конкретного человека и его конкретные земные дела. У многих людей более поздней эпохи это вызывало отторжение. У одних – только отторжение формы выражения священной царской идеи, т.е.

формы, не соответствующей ситуации. А у других, к сожалению, вместе с формой отрицалась и сама эта идея.

Иначе относились к подобной риторической поэзии православные люди, которые воспринимали ее как прямое свидетельство религиозного сознания русских. Вспомним приведенное выше мнение Гоголя.

В поэзии XIX в. традиция славословия царей продолжается. Так, выражением нравственного и религиозного понимания масштаба царской власти был гимн, составленный В. А. Жуковским, «Боже! Царя храни!», который звучит как всенародная молитва. О чем же просил русский народ Бога?

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю –
Все ниспошли!
Перводержавную
Русь православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное,
В силе спокойное!
Все ж недостойное
Прочь отжени!

Сакральный масштаб царской власти существенно отличает царей от временщиков демократического строя (капиталистического или социалистического – не столь важно), которые, как всем известно, избираются не народом, а «электоратом». Фактически это самозванцы, которые мыслят в узких рамках своего краткого срока и своих ограниченных и чисто экономических представлений «о счастье». В поэзии тема неприемлемости либерализма для русской культуры также звучит, начиная с А. С. Пушкина (Из Пиндемонти: «Не дорого ценю я громкие права...»), Ф. И. Тютчева (Напрасный труд – нет, их не вразумишь, / Чем либеральней, тем они пошлее...), А. К. Толстого (Поток-богатырь) и др.

А. С. Пушкин писал:
 Не дорого цену я громкие права,
 От коих не одна кружится голова.
 Я не ропшу о том, что отказали боги
 Мне в сладкой участи оспоривать налоги
 Или мешать царям друг с другом воевать;
 И мало горя мне, свободно ли печать
 Морочит олухов, иль чуткая цезура
 В журнальных замыслах стесняет балагура.
 Все это, видите ль, слова, слова, слова.

Многие русские поэты прошлого воспевали православного царя как идеальный образ, так и реально существовавших в истории России царей. Поэтам, понимающим царей только как государственных деятелей, образ православного царя не давался, получалась всего лишь историческая личность (как Петр I у Пушкина в «Медном всаднике», «Полтаве», стихотворении «Моя родословная») или легендарная личность (Иоанн Грозный у А. К. Толстого в балладах «Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин», «Старицкий Воевода» или в народных исторических песнях об этом царе).

Особенно много стихотворений, в которых создается идеальный образ православного царя, посвящено последнему русскому императору — Николаю II и его семье, ныне канонизированным Русской православной церковью.

Первым по времени певцом Царя-мученика был С. С. Бехтеев, поэт русского зарубежья, о котором в России узнали сравнительно недавно. В 2002 году вышло наиболее полное собрание его поэтических произведений в Петербурге, изданное попечением Успенского подворья Оптиной Пустыни. В этой книге содержится большой цикл стихотворений под общим названием «Святой царь». В нем воплощается священный для поэта и всех православных людей образ царя Николая II.

Целая система собственных имен, которую использует автор, призвана создать образ святого царя: Царь (79, 67, 68, 109, 111, 112, 115 и др.), Царь-Вождь (77), Хозяин России (72, 83, 126), Хозяин земли (83), Самодержец в великой Рос-

сии (83), Державный Отец (93), Державный Царь, Отец, Царь-Страдалец ((106, 128), Витязь армии (107), Блюститель святыни Православия, Монарх (108, 116), Изгнанник (110, 113), Страдалец (113), Пресветлый Царь (119), Пресветлый (121), Пресветлый Государь (122), Белый царь, Любимый (122), Царь Благочестивый (123), Царь Самодержавный (124), Царь-Отец Державный, Православный Царь (125), Родной, Самодержавный, Прирожденный Русский Царь (125), Страстотерпец-Царь (128), Святой Царь (131).

Эти собственные имена царя Николая II раскрывают в стихотворениях С. С. Бехтеева духовную значимость этой личности, ее священную историческую миссию и трагическую участь.

Написания именованний Царя с прописной буквы — не только выражение преклонения перед погибшим Монархом, Его Семейей и всей Царской Россией, но и знак священного статуса Помазанника Божия. И это не какое-то субъективное мнение поэта, а выражение того векового народного сознания, которое было насильственно разрушено революцией 1917 года. Как писал П. А. Флоренский: «В том-то и дело, что в сознании русского народа самодержавие Царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область веры, а не выводится из внерелигиозных посылок, имеющих в виду общественную или государственную пользу» [Флоренский: 374].

До революции это нашло отражение в определенной традиции правописания имен, называющих монаршую особу, в официальных текстах, в публицистике, в художественных текстах. В том случае, если речь шла о конкретной особе, ее имена писались с прописной буквы; а если — о царе вообще, то слово царь писалось со строчной буквы.

Такая традиция написания соблюдалась непрерывно еще и перед революцией, а в советское время была утрачена под влиянием цензуры. (См., например, написания монарших особ в словаре-справочнике «Прописная или строчная?» [Розенталь]). Однако эта традиция сохранилась в эмиграции — в произведениях писателей-эмигрантов, в том числе и в стихотворениях С. С. Бехтеева.

Возникает вопрос: не является ли написание именованний верховного правителя России (Помазанник Божий, Царь, Самодержец, Император, Монарх, Государь) с прописной буквы только выражением придворного этикета и поэтому можно ли отнести эти именованья к собственным именам?

Как отмечает Б.А. Успенский, «конкретное значение царского титула в значительной мере зависит от культурной ориентации» [Успенский: 35]. Слово «царь» (древнерусск. Цьсарь, старослав. Цѣсарь) этимологически восходит к имени римского императора Цезаря [Фасмер]. Первоначально «царями» в Древней Руси называли византийских императоров, и только в XVI в. русский государь принимает царский титул.

Историография монархической власти в России, начиная с XVI в., свидетельствует о том, что именованья монаршей особы имеют статус имен собственных, так как содержат в себе сакральный концепт: священная власть, то есть Богом данная власть, которая всегда личностна, индивидуальна. Так, Б. А. Успенский, рассмотревший семантику монарших титулов на фоне обширного исторического материала, свидетельств Библии и разнообразных западноевропейских и восточнославянских памятников письменности, делает вывод о том, что «в России наименование «царь» воспринималось, в сущности, как имя собственное, как одно из божественных имен — наименование человека «царем» в принципе могло приобретать в этих условиях мистический смысл» [Успенский 2000: 37]. (Сохранена орфография оригинала. — Л. Я.).

Рассмотренный выше культурный контекст подобного именованья объясняет, на наш взгляд, почему поэт С. С. Бехтеев считал монаршую особу священной и все его именованья считал собственными именами и последовательно писал их с прописной буквы: (1) Пройдут века, ночные тени / Разгонит светлая заря, / И мы склонимся на колени / К ногам Державного Царя (106).

Бехтеев знает и глубоко чувствует духовную идею православного царя, поэтому в его поэзии образ Царя Николая II уподобляется библейскому образу Христа. Например, такое понимание Царской Личности пронизывает все стихотворение «Царский венец»:

Лучезарен и светел державный венец,
Много в нем красоты и блистанья,
Он рождает надежды у чистых сердец
И волнует безумцам мечтанья.
Недоступен он страсти и злобе людской,
Не сплетен он из листьев лавровых,
В нем сокрыт величавый, священный покой,
Тайна муки страданий терновых...
Благодатен Его светозарный приход,
Сладко бремя святой Его воли.
Он болеет душой за родимый народ
И состраждет скорбящим в неволе.
Преисполнены правдой и лаской уста,
Чужд Он гневу и казням суровым.
И грядет Он на подвиг стезею Христа,
Озаренный сияньем терновым.

В стихотворениях С.С. Бехтеева оживает духовная связь евангельских событий с событиями русской истории. В стихотворении «Николай II», которое было написано автором в 1917 году, на третий день «бескровной» русской революции (Бехтеев: 71), русский Царь уподобляется Иисусу Христу:

В те дни, когда мы все так низко пали,
Везде мне грезится священный Образ Твой,
С глазами, полными божественной печали,
С лицом, исполненным небесной добротой...

Слепой народ, обманутый лжецами,
За чистоту души Твоей святой
Тебя клеймит постыдными словами
И казни требует над кем же ... над Тобой!
Не так ли пал и Царь коварной Иудеи,
Мессия истины, народная мечта.

В стихотворении «Видение дивеевской старицы» (1922 г.) образ Христа и образ Царя сливаются в один в глазах молящейся отшельницы:

Смотрит – и видит, молитву честную твоя,
Рядом с Христом – Самого Стратотерпца
Царя.

Лик его скорбен; печаль на державном Лице;
Вместо короны стоит он в терновом венце;
Капли кровавые тихо спадают с чела;
Дума глубокая в складках бровей залегла.
Смотрит отшельница, смотрит, и чудится ей –
В Облик единый сливаются в бездне теней
Образ Господень и Образ Страдальца-Царя...

***

В XX веке, начиная с революционной эпохи, тема Православного Царя звучит как тема духовной трагедии русского народа. К ней обращаются, не только историки и политики, но и православные поэты. ■

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алмазов Александр. История чинопоследований крещения и миропомазания. – Казань, 1884.
2. Барсов Е.В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси. – М., 1883. оттиск из «Чтений в Обществе истории и древностей российских при имп. Московском университете.», 1883, кн. 1.
3. История царей, воспетая в веках. Историко-литературная хрестоматия. Изд-во «Царское дело», СПб, 2001.
4. Успенский Б.А. Царь и Бог / Избр. тр. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: «Гнозис», 1994. С. 110–193.
5. Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен. – «Художественный язык Средневековья». – М., 1982. С. 201-235. Переиздано: Успенский Б.А. Избранные труды. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М., 1996. – С. 142–183.
6. Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). – М., 1998.

7. Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 144 с.

8. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины / П.А.Флоренский. Соч. Т. 1, М., 1990.

9. Флоренский П.А. Диалектика / П.А.Флоренский. Соч. Т. 2. У водоразделов мысли М., 1990.

10. Царь и царство в русском общественном сознании. – М, 1999.

ВИОЛЕТТА КОРЫШОВА

Родилась в селе Каракемер, Республики Казахстан. Студентка 4-го курса факультета журналистики Кубанского государственного университета. Обладатель диплома «Акула пера-2015» в номинации «Лучший печатный материал». Публиковалась в газете «День литературы». Живет в Краснодаре.

СОВРЕМЕННЫЕ СМИ: КТО ЗАКАЗЫВАЕТ «МУЗЫКУ»?

Средства массовой информации являются неотъемлемой частью жизни современного человека. Телевидение, печать, радио, Интернет – сегодня существует немало способов узнать о том, что происходит в мире. Однако волнует не то, каким образом люди получают информацию, а то, чему СМИ уделяют большее внимание. (И тут еще предстоит разобраться, кто является инициатором предоставления контента, о котором пойдет речь далее).

Например, уже больше месяца все, кому не лень, обсуждают историю «жертвы изнасилования» Дианы Шурыгиной. Ситуация неоднозначная, противоречивая, во многом скандальная, и разобраться в ней пытались на протяжении пяти (!) выпусков ТВ-шоу «Пусть говорят». Все это время не могло не возмущать то, как бурно общественность реагирует на сей «феномен». Во-первых, подобный сюжет уже был годами ранее, только тогда главной героиней была Ирина Сычева. А во-вторых, до сих пор сложно понять, почему с таким же рвением не обсуждают благородные поступки, почему молчат о подвигах героев, которых в нашей стране немало?

Итак, разберемся во всем по порядку.

«ЖЕРТВА ИЗНАСИЛОВАНИЯ» – МОДА ИЛИ ТЕНДЕНЦИЯ?

Случаи, когда девушки (а порой и молодые люди) заявляют на всю страну об изнасиловании, стали настолько часты, что невольно задумываешься, а не стало ли это модным? Абсурд, конечно. Но согласитесь, сегодня на что только не идут люди, чтобы стать знаменитыми, получить свою «минуту славы», заслужить признание или «хотя бы» заработать на этом деньги. Неважно, каким образом, главное, результат: американец Каспер Кнайт выстрелил себе в лицо и снял это на камеру; модель Наоми Они организовала нападение на себя с использованием серной кислоты. Россияне тоже недалеко ушли, что доказал житель Ульяновска, который поджег себя перед камерой. Или Александр Тарасов из Твери, который ставит на себе эксперименты: к примеру, в одном из видео он заму-

ровал себя в цемент. А потому неудивительно, что кому-то могла прийти в голову мысль «прославиться на теме сексуального насилия».

Однако если признание себя жертвой изнасилования не мода, то может ли это быть закономерной тенденцией?

Так, несколько дней назад наткнулась на статью «Семь вещей, которые нужно сделать до того, как выйдешь замуж». Очевидно, из той же серии, как и «Сто дел, которые нужно сделать до того, как умрешь», «Сто книг, которые должен прочесть каждый образованный человек» и прочее. Пройти мимо очередного учения от псевдознаатоков не смогла.

Начало материала не вызывает споров, сомнений или каких-то возражений. Рядовая фраза, которую нам преподносят любые психологические книги на полках магазинов или паблики в социальных сетях: «Прежде чем связывать с кем-то свою жизнь, приведи ее в порядок». После Анна Володина (автор статьи) предлагает 7 способов, которые помогут, по ее мнению, этого порядка добиться. Итак, перед тем как выйти замуж, девушке следует: пережить тяжелый разрыв; влюбиться несколько раз; пожить одной; пожить с партнером; найти стабильную работу, которая нравится; выяснить свои интимные предпочтения (здесь я позволила себе несколько видоизменить формулировку по этическим соображениям); решить, хочешь ли ты детей.

Остановлюсь лишь на некоторых пунктах. Так, например, влюбляться несколько раз автор советует для того, чтобы «после серии счастливых и не очень романов у тебя не возникло чувства, что ты что-то упустила в жизни и можно было еще погулять» (Пунктуация и орфография сохранены. – В. К.) [1]. Вот и дожили мы до того момента, когда не только парням, но уже и девушкам нужно «нагуляться». Возмутительно! Коль речь идет о замужестве, вспомним, что белый цвет платья символизирует чистоту, непорочность невесты. Даже если не обращаться к традициям и посмотреть на это с моральной точки зрения, очевидна недопустимость подобных мыслей, что уж говорить о советах! Вот только на дворе

XXI век, и камни, скорее всего, полетят в меня, а не в автора статьи. Увы!

Также необходимо хорошо обдумать и решить, а затем обязательно обсудить с будущим мужем, нужны ли дети (на тот случай, чтобы в дальнейшем не было претензий, если точки зрения не совпадут). Иначе эти «неприятные сюрпризы» доставят немало хлопот... Да как человеку такое вообще пришло в голову? Поднимая данную тему, следует говорить об ответственности, а не о том, что материнство может разрушить чьи-то планы на беззаботную жизнь! Вероятно, я покажусь пещерным человеком, но разве нормально задумываться о том, чтобы вовсе не заводить детей? А потом некоторые смотрят на статистику абортотворения и качают головой...

Но апогеем сего творения стал совет о том, что очень важно выяснить свои интимные предпочтения, поэтому стоит повстречаться «с разными по темпераменту и привычкам мужчинами. Никакого другого способа, кроме метода проб и ошибок, тут нет» [1]. Все легко и просто! Собственно, именно эта мысль и прошла красной нитью через весь материал. Да что говорить? Убрав все подробности и авторские отступления, мы получим основную мысль, которую до нас хотела донести Анна Володина: перед тем как выйти замуж, девушке необходимо нагуляться с разными по темпераменту и привычкам мужчинами, а потом уже методом проб и ошибок искать своего лучшего мужа.

И это лишь одна из тысячи статей. В журнале «Elle Girl» можно узнать, «как закадрить парня, изучив его страничку в соцсетях» [2], получить 6 советов о том, как выбрать между двумя парнями. Если вдруг перед вами встала такая проблема, не волнуйтесь – все решается: «Никаких обязательств. Отдавай предпочтение тому, кто нравится тебе больше. И поддерживай отношения со вторым. Главное – никому ничего не обещать» [3]. Кроме того, читательниц убеждают в том, что не стоит переживать, если у тебя было много парней: «Это сплошной сексизм. Все мы знаем, что парень, у которого было много девушек, крутой, а девушка, у которой было много парней, ммм... девица легкого поведения? С какой это стати? А? Мы тебя спрашиваем. Не позволяй осуждать себя. И сама не осуждай других» («7 «мужских», которые тебе стоит перенять» [4]) Замечу, что данное издание рассчитано на старшую подростковую группу, и ключевым здесь является слово «подростковую».

Что же касается юношей, то и они получают свою дозу «полезных» советов. Содержание статей в мужских журналах не является ни для кого секретом. Приведу в пример названия лишь некоторых материалов из журнала «Men's health»: «12 способов построить отношения без обязательств», «Почему девушки любят плохих парней – и как им стать?», «12 правил барного пикапа от профессиональных барменов» и др.

Так, о каких нормальных взаимоотношениях между мужчиной и женщиной может идти речь? Одних убеждают вести себя распутно и аморально, а другим внушают то, что все девушки именно так себя и ведут.

Печатным СМИ вторят электронные. Согласно исследованиям психолога Альберта Бандуры, телевидение и другие визуальные средства массовой информации имеют особое влияние, так как они редко дают примеры нормального социального подавления агрессии; уменьшают восприимчивость к насилию путем многократного предъявления; «учат» методам рационализации и оправдания агрессии [5].

А теперь закономерный вопрос: «Удивительно ли, что при пропаганде сексуально раскрепощенного, аморального, да еще и агрессивного поведения имеют место изнасилования?»

СОЗИДАЕТСЯ ОБЩЕСТВО НАЧАЛАМИ НРАВСТВЕННЫМИ

В поисках ответа на вопрос наткнулась на форум, где пользователь просил о помощи. Он никак не мог раскрыть смысл слов Федора Михайловича, вынесенных мною в подзаголовок: «Созидается общество началами нравственными». И даже не знаю, что печальнее: сам факт непонимания мысли писателя или то, что слова эти уже не считают актуальными. Так, один из посетителей сайта заявил, что все уже потеряно, и современное общество – это «стадо потребителей, без целей, смысла и развития».

И как бы мне ни хотелось опровергнуть эти слова, вынуждена признать, что доля правды в них есть. В наш век визуализации и технологий можно перефразировать высказывание Гиппократ: ты то, что ты смотришь. А судя по тому, какой контент сегодня пользуется спросом, действительно можно заключить, что часть населения «без целей, смысла и развития». Согласно результатам исследований «TNS Россия» в четвертом квартале 2016 года ТВ-шоу «Пусть говорят» заняло третью строчку в рейтинге наиболее

популярных программ среди россиян, уступив шоу талантов «Лучше всех!» и сериалу «София». И если первые два проекта заняли лидирующие позиции благодаря своей новизне, то «Пусть говорят» уверенно держится на своем третьем месте в течение всего года [6].

Однако все же не могу согласиться с тем, что наше общество безнадежно. Еще есть люди (и, я верю, всегда будут), которые не позволяют нам скатиться в бездну. К сожалению, в газетах им не отводится целая полоса, на телевидении им не посвящается хотя бы один выпуск в эфире (что уж говорить о пяти!), максимум сюжет в новостях, о котором уже завтра забудут.

А между тем герои – среди нас. Это 12-летний Данил Садыков, который ценой своей жизни спас маленького ребенка, попавшего в фонтан. Вода по каким-то причинам оказалась под высоким напряжением. И в то время пока окружающие кричали и призывали хоть кого-нибудь на помощь, Данил уже вытащил малыша. Правда, сам к тому моменту получил сильнейший удар током.

Не испугался грабителя 7-летний Женя Табаков. Незнакомец схватил его сестру, приставил нож к горлу и приказал мальчику нести деньги. Женя не растерялся: он ушел на кухню, взял нож и с разбегу вонзил его в поясницу преступнику. Но ребенку невозможно тягаться со взрослым. В результате маленький герой получил восемь колотых ран, несоместимых с жизнью.

5-летний Данила Зайцев целых полчаса держал старшую сестру, провалившуюся в полынью, чтобы течение не затянуло ее под лед. Когда руки у малыша замерзли и устали, он схватил девочку за капюшон зубами и не отпускал, пока на помощь не подоспел сосед – 15-летний Иван Жамьянов. Подросток смог вытащить Валу из воды и на руках отнес обессилевшую и заледеневшую девочку к себе домой.

Напомню вам и о Магомед Нурбагандове, полицейском из Дагестана, не изменившим присяге перед лицом смерти, и о Петре Станкевиче, пожарном, который спас шестерых, но погиб сам. Несомненно, среди героев и Елизавета Глинка, и Константин Парикож, и многие другие. Именно им нужно посвящать передачи, именно их подвиги обсуждать, на них равняться.

КОГО КОРМИТЬ БЕРЕЗОВОЙ КАШЕЙ?

Возможно ли понять, кто виноват в том, что общество навязываются лженормы и лжеценности?

С одной стороны, СМИ транслирует именно ту информацию, которую требует общество. И этому есть причина – необходимо заработать как можно больше денег, поскольку сегодня средства массовой информации вынуждены сами обеспечивать свое существование. Однако было бы несправедливо утверждать, что все российское население рождает спрос на «скандалы, интриги, расследования», я говорю лишь о части. С другой стороны, средства массовой информации являются одним из институтов, которые способствуют усвоению человеком социальных норм, ценностей и образцов поведения. А соответственно – участвуют в формировании общественно-го сознания.

Выходит, что некоторые СМИ сами способствуют деградации человека. Отсюда спрос на программы вроде «Пусть говорят» и такие газеты, как «Комсомольская правда», «Аргументы и факты». Замкнутый круг получается.

Из наших соотечественников делают людей, не способных размышлять, видеть реальные проблемы, людей, готовых принимать на веру все, что им говорят. Самое время задуматься, кому это выгодно? Очевидно, что музыку заказывает тот, кто платит. Так, может, стоит перестать плясать под эту музыку вообще? В данном случае вопрос не только к читателям, но и к власти имущим. И пока там, наверху, придумывают, как избавиться от меломании, нам остается надеяться лишь на себя...■

Источники:

1. <https://www.wmj.ru/otnosheniya-lyubov-i-seks/7-veshej-kotorye-nuzhno-sdelat-do-togo-kak-otpravishsya-zamuzh/?page=2>
2. <http://www.ellegirl.ru/articles/kak-zakadrit-parnya-po-stranichkam-v-sotssetyah/>
3. <http://www.ellegirl.ru/articles/6-sovetov-kak-vyibrat-mejdu-dvumya-parnyami/>
4. <http://www.ellegirl.ru/articles/7-mujskih-privyichek-kotoryie-tebe-stoit-perenyat/>
5. http://studbooks.net/987838/pravo/psihologicheskie_osobennosti_zhertv_seksualnogo_nasiliya
6. http://propel.ru/rejting/r_tv.php
7. <http://ipolk.ru/blog/ruszvezda/23338.html>
8. http://tsargrad.tv/articles/geroi-2016-chimena-i-podvigi-zapomnjat-v-rossii_42115
9. <http://pg21.ru/dom/33147>
10. <http://glavufa.ru/5187>

Дорогие читатели!

До конца 2017 года редакция журнала предполагает опубликовать:

- романы, повести, рассказы Виктора ЛИХОНОСОВА, Александра СЕГЕНЯ, Вацлава МИХАЛЬСКОГО, Веры ГАЛАКТИОНОВОЙ, Захара ПРИЛЕПИНА, Сергея ШАРГУНОВА, Николая ИВЕНШЕВА, Светланы МАКАРОВОЙ-ГРИЦЕНКО, Анатолия БАЙБОРОДИНА, Юрия КОЗЛОВА, Натальи РОМАНОВОЙ-СЕГЕНЬ, Николая УСТЮЖАНИНА, Василия ВЯЛОГО, Алексея СМОЛЕНЦЕВА, Ирины ШЕЙКО;
- стихотворения и поэмы Юрия ЛОЩИЦА, Николая ЗИНОВЬЕВА, Александра КАЗИНЦЕВА, Василия ДВОРЦОВА, Владимира СКИФА, Михаила КАРАЧЕВА, Анны РЕВЯКИНОЙ, Татьяны БЫЧКОВОЙ, Дианы ДАСКАЛИЦЫ, Анастасии ЩЕГЛОВОЙ;
- окончания книг Александра ТРАПЕЗНИКОВА, Георгия СОЛОВЬЕВА, Андрея БЕЗРУКОВА;
- статьи Владимира БОНДАРЕНКО, Сергея КУНЯЕВА, Лидии СЫЧЕВОЙ, Валерия КАСЬЯНОВА, Алексея ТАТАРИНОВА, Виктора БАРАКОВА, Александра ФАКТОРОВИЧА, Юрия ПАВЛОВА, Юрия ЛУЧИНСКОГО, Николая КРИЖАНОВСКОГО, Олега МАТВЕЕВА, Натальи БАТРАЕВОЙ, Инны БАСОВОЙ, Виолетты КОРЫШЕВОЙ, Юлии КОТОВОЙ.

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ «РОДНАЯ КУБАНЬ»!

Почта России		Ф. СП-1									
АБОНЕМЕНТ		на газету журнал	<input type="text"/> (индекс издания)								
		количество комплектов									
на 20__ год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда		<input type="text"/>	<input type="text"/>								
		(почтовый индекс)	(адрес)								
Кому _____											
----- линия отреза											
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА		<input type="text"/>						
пв	место	литер			(индекс издания)						
На газету журнал		Наименование издания									
Стоимость	подписки	руб.	Количество комплектов								
	переадрес.	руб.									
на 20__ год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>	город										
<input type="text"/>	почтовый индекс										
	село										
	область										
	район										
	улица										
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>									
дом	корпус	квартира	(фамилия и. о.)								